

LABYRINTH

ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ КУЛЬТУРЫ

2

АЛКОГОЛЬ
В СТРАНЕ СОВЕТОВ

2020

LABYRINTH

ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ КУЛЬТУРЫ

Научный журнал

Издается с 2020 года

№ 2 — 2020

---

*Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-78952 от 7 августа 2020 года*

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Редакционный совет

Главный редактор:

Михаил Тимофеев, Ивановский государственный университет (Иваново)

Помощник главного редактора:

Юлия Горбунова, Ивановский государственный университет (Иваново)

Владимир Абашев, Пермский государственный национальный исследовательский университет; Пермский общественный фонд культуры «Юртин» (Пермь)

Марина Абашева, Пермский государственный национальный исследовательский университет; Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь)

Евгений Добренко, Шеффилдский университет (Шеффилд, Великобритания)

Дмитрий Замятин, Высшая школа урбанистики имени А. А. Высоковского (Москва)

Марк Липовецкий, Колумбийский университет (Нью-Йорк, США)

Мария Литовская, Государственный университет Чжэнчжи; Институт истории и археологии УрО РАН (Чжэнчжи, КНР / Екатеринбург)

Олег Рябов, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

Якуб Садовский, Ягеллонский университет (Краков, Польша)

Михаил Строганов, Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина; Институт мировой литературы РАН; Тверское областное краеведческое общество (Москва / Тверь)

Елена Трубина, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Сергей Ушакин, Принстонский университет (Принстон, США)

Мария Черняк, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Василий Щукин, Ягеллонский университет (Краков, Польша)

Александр Эткинд, Кембриджский университет (Кембридж, Великобритания)

Галина Янковская, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Тимирязева, 5

Тел./факс в Иваново: +79038787799. E-mail: labyrinth@ivanovo.ac.ru

Электронная копия журнала размещена на сайте
<https://labyrinth.ivanovo.ac.ru>

© ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», 2020

Редакционная коллегия

- Роман Абрамов**, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт социологии РАН (Москва)
- Кирилл Балдин**, Ивановский государственный университет (Иваново)
- Константин Бугров**, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)
- Ури Гершович**, Институт философии СПбГУ; Еврейский университет в Иерусалиме; Институт стран Азии и Африки МГУ (Санкт-Петербург / Москва / Иерусалим, Израиль)
- Денис Докучаев**, Ивановский государственный университет (Иваново)
- Оксана Игнатьева-Вильбоа**, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)
- Михаил Ильченко**, Институт философии и права УрО РАН (Екатеринбург)
- Светлана Касаткина**, Череповецкий государственный университет (Череповец)
- Татьяна Круглова**, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)
- Ирина Лаппо**, Университет Марии Кюри-Склодовской (Люблин, Польша)
- Ян Левченко**, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Балтийский федеральный университет имени И. Канта (Москва / Калининград)
- Олег Лейбович**, Пермский государственный институт культуры; Институт истории и археологии УрО РАН (Пермь / Екатеринбург)
- Олег Лысенко**, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь)
- Ольга Лысикова**, Саратовский государственный технический университет имени Ю. А. Гагарина (Саратов)
- Йордан Люцканов**, Институт литературы Болгарской академии наук (София, Болгария)
- Светлана Маник**, Ивановский государственный университет (Иваново)
- Мария Миловзорова**, Ивановский государственный химико-технологический университет (Иваново)
- Лилия Немченко**, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; Гильдия киноведов и кинокритиков Союза кинематографистов России (Екатеринбург / Москва)
- Лариса Петрова**, Екатеринбургская академия современного искусства (Екатеринбург)
- Дарья Радченко**, Московская высшая школа социальных и экономических наук; Российская академия народного хозяйства и государственной службы (Москва)
- Елена Раскатова**, Ивановский государственный химико-технологический университет (Иваново)
- Андрей Россомехин**, Санкт-Петербургский государственный университет; Европейский университет в Санкт-Петербурге; Государственный музей В. В. Маяковского (Санкт-Петербург / Москва)
- Татьяна Рябова**, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)
- Ирина Савкина**, Университет Тампере (Тампере, Финляндия)
- Александра Селиванова**, Центр авангарда; Галерея «На Шаболовке»; Музей Москвы (Москва)
- Нина Спутницкая**, Академия медиаиндустрии; Музей кино; Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва)
- Валентина Хархун**, Нежинский государственный университет имени Николая Гоголя (Нежин, Украина)
- Джереми Ховард**, Сент-Эндрюсский университет (Сент-Эндрюс, Великобритания)
- Ольга Шабурова**, независимый исследователь (Москва)
- Александра Яцык**, Тартуский университет (Тарту, Эстония)

СОДЕРЖАНИЕ

АЛКОГОЛЬ В СТРАНЕ СОВЕТОВ

Е. В. Кондакова «Деревня стонет в смуте пьянства»... (по материалам личных дневников К. Ф. Измайлова 1920—30-х гг.)	5
В. А. Лобач, Е. В. Сумко Самогонщики и местная власть в социокультурном ландшафте белорусской деревни во второй половине 1940 — начале 1960-х гг.	14
А. Н. Кабацков «Пить по-рабочему». Практики употребления алкогольных напитков в рабочей среде 1940-х годов (по материалам личных дневников А. И. Дмитриева)	28
О. Л. Лейбович «Выпивать по-партийному...». Питейные конвенции в номенклатурной среде. 1940—1950-е гг.	37
А. Д. Боронников, О. В. Лысенко От «массандры» до «амброзии»: практики потребления алкоголя в среде советской провинциальной технической интеллигенции	51
М. Ю. Тимофеев Обратная сторона этикетки: каталог-дневник «любительницы токая» (1968—1991)	66
А. А. Шевцова, И. А. Гринько «Граждане алкоголики, хулиганы, тунеядцы»: алкоголь и его потребители в зеркале советской карикатуры	83
Информация об авторах	98
Информация для авторов	100

CONTENTS

ALCOHOL IN THE LAND OF THE SOVIETS

E. V. Kondakova «The village groans in the distemper of drinking»... (Based on personal diaries of K. F. Izmailov in the 1920s and 1930s)	5
V. A. Lobach, A. Sumko Bootleggers and local authorities in the socio-cultural landscape of the Belarusian village in the second half of 1940 — early 1960s	14
A. N. Kabatskov «Drinking as a worker» — the practice of drinking alcohol in the working environment of the 1940s (Based on the personal diaries of A. I. Dmitriev)	27
O. L. Lejbovich “Party drinking...” alcoholic conventions in a nomenclature milieu. 1940—1950	37
A. Boronnikov, O. Lysenko From “Massandra” to “ambrosia”: the practice of alcohol consumption among the Soviet provincial technical intelligentsia	51
M. Yu. Timofeev Back side of label: diary catalog “Tokaj lover”	66
I. A. Grinko, A. A. Shevtsova “Citizens alcoholics, hooligans, parasites”: alcohol and its consumers in the mirror of the soviet cartoon	83
<i>Information about the authors</i>	99
<i>Information for the authors</i>	100

АЛКОГОЛЬ В СТРАНЕ СОВЕТОВ

УДК 94(470+571)''19''

«ДЕРЕВНЯ СТОНЕТ В СМУТЕ ПЬЯНСТВА»... (По материалам личных дневников К. Ф. Измайлова 1920—30-х гг.)

Е. В. Кондакова

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия,
ekondakova@eu.spb.ru

На основе личных дневников К. Ф. Измайлова в статье исследуются практики употребления алкоголя как социокультурное явление в деревне в первые десятилетия советской власти. Константин Измайлов — плотник, стекольщик, парикмахер, а также активный партийный деятель с личным подсобным хозяйством села Смоленское Смоленской волости Бийского уезда. На протяжении нескольких десятилетий в условиях новой власти К. Измайлов оставляет дневниковые записи, в которых описывает значимые события, повседневные заботы семьи, привычные составляющие крестьянского быта на фоне глобальных изменений в стране. Нарративы данного материала позволяют рассмотреть жизненный мир деревенского жителя в 1920—30-х годах. Описание алкогольных практик вызывает особый интерес у Измайлова. Употребление алкоголя в деревне становится частью различных социокультурных мероприятий — церковных и новых советских праздников, традиционных обрядов, театральных репетиций, встреч с родственниками. Алкоголь выступает вспомогательным, компенсаторным и связующим элементом быта в период, когда отживают прежние традиции и отношения дореволюционной России, на замену которым приходят новые формы.

Ключевые слова: советская повседневность, история сталинизма, новый советский человек, крестьянский быт, девиантное поведение, практики потребления алкогольных напитков.

© Кондакова Е. В., 2020

Публикация подготовлена в ходе работы по проекту № 19-04-013 в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2019 г. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

The publication was prepared in the course of work on project No. 19-04-013 in the framework of the Program “Scientific Foundation of the National Research University Higher School of Economics (HSE)” in 2019 and in the framework of state support of the leading universities of the Russian Federation “5-100”.

Ссылка для цитирования: Кондакова Е. В. «Деревня стонет в смуте пьянства»... (По материалам личных дневников К. Ф. Измайлова 1920—30-х гг.) // Labyrinth. Теории и практики культуры. 2020. № 2. С. 5—13.

Citation Link: Kondakova, E. V. (2020) “Derevnia stonet v smute pianstva”... (Po materialam lichnykh dnevnikov K. F. Izmajlova 1920—30-kh gg.) [«The village groans in the distemper of drinking»... (Based on personal diaries of K. F. Izmailov in the 1920s and 1930s)], *Labyrinth. Teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth. Theories and practices of culture], no. 2, pp. 5—13.

**«THE VILLAGE GROANS IN THE DISTEMPER OF DRINKING»...
(Based on personal diaries of K. F. Izmailov
in the 1920s and 1930s)**

E. V. Kondakova

European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russian Federation,
ekondakova@eu.spb.ru

The article based on the personal diaries of K. F. Izmailov explores drinking practices as a sociocultural phenomenon in the village in the first decades of Soviet power. Konstantin Izmailov — a carpenter, a glazier, a hairdresser, and also an active party leader with his own households in the village Smolenskoe of Smolenskaia volost' of Biyskii uyezd. K. Izmailov was keeping diary entries for several decades. He described important events, daily cares of the family, everyday aspects of peasant life against the significant transformations in the state. Document narratives make it possible to review the village dweller life-world in the 1920s and 1930s. Izmailov had a strong interest in description of drinking practices. Alcohol drinking became a part of various sociocultural events in the countryside — church and new Soviet holidays, traditional rituals, theatrical rehearsals, meetings with relatives. Alcohol acts as an auxiliary, compensatory and connecting element of everyday life when old traditions and relations of pre-revolutionary Russia are outliving, and new forms replace them.

Key words: soviet everyday life, history of Stalinism, New Soviet Man, peasant life deviant behaviour, drinking practices.

В 1929 году Константин Измайлов, оценивая ситуацию в своем родном селе, обращает внимание на неудержимое пьянство односельчан: «Пьют с горя, с радости, на похоронах, на рождении, за мировую, меновую, покупку, продажу, на свидании, на прощании, с морозу, с устатку... Вот так, в таком положении процветает культура нашего села... На собраниях мало собираются. Некоторые и совсем плюют на всю общественность, а заливаются вином и вином... Так и построена жизнь деревни...» [Измайлов: запись от 26.01.1929]. Наш герой, несмотря на свою сопричастность к общему пороку, замечает изменения, происходящие в деревне после событий 1917 года. Образ советской реальности, который преподносится идеологией, вызывает у жителя сельской глубинки диссонанс на фоне действительности, которую он наблюдает. В его мировосприятии происходит смешение двух миров. Падение «царского режима» должно было положить начало новой культурной жизни российского народа, но люди не перестали обращаться к старым привычным формам.

В данной работе на основе личных дневников К. Ф. Измайлова исследуются практики употребления алкоголя как социокультурное явление в деревне в первые десятилетия советской власти. Дневник позволяет увидеть реакции, суждения, чувства конкретного человека, его отношения к окружающим вещам. Кирилл Кобрин подчеркивает, что в эпоху постмодернизма дневник как источник информации о прошлой социальной реальности приобретает дополнительную ценность: «“Дневник”, пожалуй, самый “исторический” жанр. Мало того, что возник он вследствие осознания истории не только как “священной”, но и как приватной, личной; превращение его из банальных прикладных записей, из расширенной приходно-расходной книги или ренессансного органайзера в “литературный жанр” стало возможно только в процессе смены историко-культурных парадигм; иными словами, когда частный человек стал интересен не только самому себе, но и окружающим» [Кобрин, 2003: 289].

Исследуемый материал не похож на дневники, содержание которых наполнено авторским самоанализом. Дневники К. Измайлова не отличаются высокой

степенью рефлексии, тем не менее, они отражают практики конструирования нового советского человека. Рассказывая о жизни своей семьи и односельчан, автору дневника удастся ухватить моменты, выбивающиеся из представления о привычном, которые были обусловлены переходом к иному государственному строю. Нарративы данного материала позволяют воссоздать картину жизненного мира деревенского жителя в 1920—30-х годах.

Константин Измайлов — плотник, стекольщик, парикмахер, а также активный партийный деятель с личным подсобным хозяйством села Смоленское Смоленской волости Бийского уезда. Наш герой родился в большой крестьянской семье в досоветскую эпоху и тогда же стал искусным мастером. После революции 1917 года Константин Измайлов одно время поддерживал Колчака, но в 1919 году перешел на сторону красных, о чем не раз в последствие вспоминал в своих дневниковых записях, выделяя это событие в качестве одного из ключевых в своей жизни. Он был одним из немногих в деревне, кто умел писать и читать. Не теряя возможности использовать полученный навык, на протяжении нескольких десятилетий в условиях новой власти К. Измайлов оставляет дневниковые записи, в которых описывает значимые события, повседневные заботы семьи, неотъемлемые составляющие крестьянского быта на фоне происходящих в стране изменений.

В основе деревенской жизни, в обстановке которой прошла социализация Измайлова, лежал прочно укоренившийся традиционный уклад. Изменения медленно проникали в эту среду, что позволяло сохранить устойчивый распорядок. Поколение за поколением сельчан воспроизводило прежние обычаи, морально-нравственные, этические нормы и правила поведения. Временные ритмы деревни были связаны с природными циклами, дополнявшимися системой православных праздников.

Статичность, присущая деревне, позволяла сохранить старые ценности, которые поддерживали неизменность привычного порядка. Внутренняя социальная жизнь крестьян представляла сложную сеть неофициальных связей родственных, дружеских, соседских взаимоотношений, скрепленных пространственной близостью, взаимопомощью и поддержкой. Жители деревни могли чувствовать ответственность за односельчан, контролировать социальное поведение друг друга и предотвращать возможные девиации. Социальные коммуникации в деревне были персонифицированными, тесно связанными с опытом жизненных взаимодействий с тем или иным односельчанином, в связи с чем общение приобретало четкое личностное измерение.

Сельская община в том виде, в каком она функционировала в 20-е годы, меньше всего напоминала атомизированное разрушенное пространство города. После проблем Гражданской войны она скорее стремилась к воссозданию этого консолидированного традиционного, насыщенного тесными личными связями уклада. Некоторые исследователи описывают целостность крестьянской жизни как особое «духовно-нравственное состояние»: «не просто арифметическое соединение крестьян, а нечто большее — соборное соединение, имеющее характер высшего закона» [Безгин, 2004].

Власть же усиленно инкорпорирует в деревню с ее прежним крестьянским укладом новые институты. «Культурные традиции и институты деревни» были серьезным препятствием для правительства, стремящегося установить контроль, поскольку «на определенном уровне, будь то осознанные политические шаги или слепое отвращение к крестьянству и его образу жизни, государство осознавало, что крестьянская культура по своей природе или потенциалу содержит в себе элементы сопротивления» [Виола, 2010: 53]. Чтобы преодолеть традиционность, в деревне создавались новые властные структуры. Появление партийных ячеек, учреждений местной административной власти, колхозов изменили черты прежней деревни.

Переворотным моментом стала кампания по коллективизации единоличных крестьянских угодий, когда «коммунисты и комсомольцы толпами хлынули на село, чтобы разделаться с кулаками, коллективизировать деревню, закрыть церкви и вообще втащить отсталое крестьянство за шиворот в социалистический двадцатый век» [Фицпатрик, 2008: 61].

Новая политика власти пошатнула основные ценности, на которых зиждилась крестьянская повседневность. Разрушалась община, некогда неотъемлемая часть деревенской жизни, распространялись атеистические идеи, насаждались новые праздники, поддерживающие советскую идеологию. Нововведения меняли обыденное восприятие действительности крестьян. Материалы официальных документов говорят нам о том, что деревня стала по-настоящему советской. Там начинают функционировать новые органы власти, разветвленная сеть организаций и служб, а крестьяне вступают в колхозы, отказываясь от единоличных угодий. Однако в реальности советской деревни имплицитно все же сохранялось наследие дореволюционного периода, о чем свидетельствуют, например, сохранившиеся эго-документы.

Пристрастие к спиртному может быть рассмотрено в качестве одной из традиций деревенского уклада жизни. Алкоголь являлся неотъемлемой частью повседневной жизни крестьян, сопровождая хозяйственные работы, семейные посиделки и праздники. Отношение к пьянству было снисходительным, если только злоупотребление не имело пагубного влияния на хозяйство. Односельчане могли с лояльностью взирать на разгул соседей по праздникам, в то время как трезвость могла вызывать подозрения. Сельские гуляния в народном мировосприятии были тесно связаны с выпивкой. К церковным праздникам готовились заранее и ждали их с большим нетерпением. Распространен был, так называемый, «магарыч» — традиция отмечать совершенную сделку. Это был не только способ эмоциональной разрядки после продолжительных дней тяжелого труда, но и практика сплочения деревенских жителей, укрепления крестьянской общины.

Тем не менее, праздники крестьян чередовались с циклами полевых сельскохозяйственных работ, посевом, сенокосом, уборкой урожая. Работа в поле предполагала большие усилия, плохо совместимые с пьянством. Земля для деревенского обывателя всегда представляла особую ценность, а климатические катаклизмы и неурожай воспринимались как тяжелое наказание. К вопросу обработки земли подходили чрезвычайно серьезно, поскольку от этого зависела жизнь большой крестьянской семьи: «Регулярно водку в селе пили единицы, как правило, сапожники, кузнецы, отходники, т. е. лица, не связанные с аграрным трудом. Для большинства крестьян употребление алкоголя определялось не склонностью к выпивке, а общественными обычаями. В деревне не пили в будние дни, особенно в страдную пору. Крестьяне практически не пили в постные дни (среду и пятницу), так как это в деревне считалось большим грехом» [Безгин, 2004].

Проблема пьянства в дореволюционной России вызывает споры среди историков. Одни считают, что пьянство было массовым и это становилось главной причиной бедности населения. Другие, в число которых входит А. В. Островский, приводят иные трактовки. В статье «“Пьяная деревня”: домыслы и факты» историк рассматривает проблему пьянства среди населения Российской империи после отмены крепостного права. В результате исследования он приходит к следующим выводам. Употребление «огненной воды» в России во второй половине XIX — начала XX века не являлось «повальным», оставаясь в границах дозволенного. По количеству выпитого алкоголя за год население России было далеко позади ведущих стран Запада. Городские жители Российской империи выпивали водки в разы больше нежели сельские обыватели. Можно сказать, что в деревне царской поры пили редко, но, когда это случалось, напивались до беспамятства [Островский, 2013: 140—158].

Алкогольные практики не раз упоминаются в дневниковых записях Измайлова. Через призму его личного взгляда представляется, что употребление спиртного оставалось частью повседневной жизни крестьян, сопровождая старые и новые праздники или другие события деревенской жизни. До середины 1930-х гг. все еще сохранялись православные традиции и односельчане Измайлова, не исключая и его семьи, гуляли на Рождество, Масленицу, Пасху, Троицу, некоторые соблюдали пост. В 1931 году Измайлов отмечал, что деревня, как и прежде, празднует Михайлов день: «Итак, начался пьяный обжорный, стоящий много денег и трудов праздник, Михайлов день. Вино льется рекой. Невообразимо представить, как пьянствует сегодня наше село. Не отстал от старого пьяного праздника и я. Купил вина на 20 руб. 50 коп. (четверть), пью и гуляю с обывателями. Кстати, приехал Степан из Бийска и мы запили... И запили все, запила и вся моя семья. Не на день, а на целую неделю. Гудит и стонет село. Шумит народ. Пьянство и пьянство» [Измайлов, запись от 21.11.1931]. Во второй половине 1930-х можно заметить, что следование традиции постепенно прекращается: «По старому религиозному обычаю, сегодня престольный праздник “Михайлов день”. Раньше, в старое время, Михайлов день справлялся торжественно, грандиозно. В церкви служили длинные обедни, потом, после богослужения, начиналось пьянство. Гуляли дня по три подряд. Ездили по улицам, катались на хороших и сытых лошадях. Справлялись свадьбы. Деревня стонала в Михайлов день от гулянки. Теперь, в настоящее время, этого ничего нет. Михайлов день отжил свое время. Сегодня обычный рабочий день. Нигде и никто не справляет этого оживленного праздника. По старому стилю сегодня было 8 ноября» [Измайлов, запись от 21.11.1936].

Помимо привычных гуляний, не являющихся официальными, смоленцы начинают приобщаться и к новым советским праздникам (Международный женский день, 1 мая, 7 ноября и др.). Алкоголь, как и прежде, сопровождал все коллективные торжества. В большинстве случаев терялась всякая разница между старыми и новыми мероприятиями. Крестьяне праздновали так, как привыкли это делать. В 1932 году дни Пасхи совпали с празднованием Дня труда: «После митинга полилось рекой вино по селу! Запили и отработники, коммунисты, служащие, рабочие, колхозники, единоличники в честь 1 мая! И сегодня, кстати, первый день Пасхи!» [Измайлов, запись от 01.05.1932]; «Второй день льется рекой вино по селу! Справляют и май, и второй день пасхи!» [Измайлов, запись от 02.05.1932]. В данном случае питейные практики помогают адаптироваться и приобщиться к новым условиям, позволяя человеку восстановить стабильность, которая теряется в эпоху перемен.

В 1928 году Константин Измайлов с женой Нюрой начали работу в сельской винной лавке. В магазине супруги становятся свидетелями «боев в очередь за вином»: «На вино небывалый спрос. Вчера продано вина на 1650 рублей с лишним. Сегодня на 800 с лишним. Большая очередь» [Измайлов, запись от 15.11.1928]; «Четвертый день берут вино большими кучами, в очередь... прямо сдурел народ. По сорок ведер в день расходуется вино» [Измайлов, запись от 17.11.1928]; «Очередь установили с четырех утра. Народу скопилось около лавки человек 500, всю улицу запрудили. Вина распродано сегодня в день на 1900 с лишним рублей. Это небывалое наступление на вино. Деревня стонет в смуте пьянства» [Измайлов, запись от 21.11.1928].

Придя к власти, большевики ставили задачу решить вопрос, касающийся потребления алкоголя. Изначально государственное производство крепких напитков не планировалось. «Безалкогольный досуг сознательных пролетариев должен был стать противоположностью практик повседневной жизни высших слоев царской России» [Лебина, 2015: 328]. Однако «государство, отказавшись от курса на трезвость, которого придерживалось в 20-е гг., охотно снабжало крестьян водкой

в 30-е, поскольку она представляла собой немаловажный источник дохода» [Фицпатрик, 2008: 242]. Обилие спиртного отмечает и К. Измайлов: «Без перемен пьянка и похмелье на другой бок. Уже надоело все. Сегодня пьем последний день. Вино все не выпьешь... Вина много в советской стране» [Измайлов, запись от 19.09.1931]. После разрешения винной торговли пьянство становится обычным явлением в деревне. Неудивительно, что многочисленные праздники, как это было и в дореволюционной России, сопровождались выпивкой. Но если раньше сохраняли авторитет такие сдерживающие факторы, как вера, община, хозяйство, то после революции эти ограничители перестают работать. Результатом неконтролируемых попок становится рост девиантного поведения крестьян.

Крестьяне перестают чуждаться алкоголя в период страды, что до революции считалось недопустимо. Теряются ориентиры, которые ранее определяли время для пьянства и трезвости: «Небывалый спрос на вино. Завтра праздник — Ильин день. Третий день по 500 рублей уходит вина. Берут здорово» [Измайлов, запись от 01.08.1928]; «Вчера приехал из Бийска Степан. Ну и забусили опять. Полилось вино. Вчера и сегодня целая свадьба. Все пьяны. Степан, Алексей, Шаманай и много друзей. Закутили на неделю, пока не пропьют все деньги» [Измайлов, запись от 21.07.1932]. Со временем пирушки приобретают обычай затягиваться на продолжительное время: «Весь день пьянство и с похмелья. Опять забусили три братца ни на день, а на неделю целую...» [Измайлов, запись от 17.09.1931].

Тяжелыми становятся последствия пьянства. Девиантные поступки перестают контролироваться традицией и общиной: «На подъем я тяжел (с похмелья). Рано утром выпил чашку спирта-денатурата. Вина не пью сегодня. Днем режу дрова, убираю снег, нанесенный сегодняшним бураном. Чувствую себя очень слабым. Трясет, и вся эта болезнь получилась только с пьянства. Думаю положить этому конец! Иначе получу смерть! Не один десяток знакомых мужиков умерли с вина... В ноябре месяце двое молодых ребят Курносов и Корчагин утонули пьяные в реке, и очень много имею фактов кончины с вина: убийства, кражи, драки и тюрьма...» [Измайлов, запись от 23.12.1931]. Драки, преступность, плохое самочувствие сопровождают К. Измайлова и его окружение. Наш герой становился жертвой белой горячки после очередных попок несколько раз. После каждого случая, осознавая, что чувствует себя крайне плохо, зарекался больше не прикасаться к выпивке: «Сегодня по-старому Крещение. Опять празднуют, гуляют в селе. Я третий день болею, чувствую себя слабо: дрожь, озноб и жар. Это все от пьянства. Выходит дело, пить вино надо будет совсем отказаться, навсегда!» [Измайлов, запись от 19.01.1931].

С. Панин в своем исследовании отмечает рост преступности среди людей в нетрезвом состоянии в 1920-х гг. [Панин, 2009: 122]. Девиации на почве пьянства приобретают открытый характер. Это становится причиной формирования конфликтов: «Потом пьянство, драки, аресты. Пьянство вылилось в открытую форму. После спектакля и я тоже забусил. Пьем вино и пиво: я, Годовиков, Гудков, Кыков, Михеев, Антонида Годовикова, Романов, Сухинин Иван и его жена, Виноградов. Пьем до 3-х ночи. Пьем в моем доме» [Измайлов, запись от 07.11.1931]. Криминальное поведение приводит к прямому столкновению с правоохранительными органами: «После обеда меня позвал Василий Титов к себе в гости, выпить... Я, конечно, не выпил, а нажрался до пропасти и сотворил целый ряд дебоширств. Сегодня я должен играть на сцене нардома и там сорвал всю постановку. Спектакль поэтому был отложен, а я был забран милицией (но скоро отпустили). Я на многих кидался драться, выматерил Беспаловых девчат и еще много дурости сделал...» [Измайлов, запись от 14.02.1926].

«Позднее, вечером, праздник Октября превратился в настоящий пьяный, похожий на прежний старый престольный праздник. Загуляли все... На всех улицах

слышны разухабистые, старые наши песни, покрываемые больше всего матерками в “Бога”, “в крест”, “в царя” и в “советскую богородицу-мать”. Слышны кое-где и драки» [Измайлов, запись от 07.11.1933], — для Константина Измайлова подобные социальные явления становятся обычной составляющей его жизненного мира. Действительность, отображенная в дневнике, демонстрирует, что новая система праздников была воспринята крестьянами как дополнительный повод к коллективному употреблению алкоголя: «Второй день празднуется Октябрь и второй день вино льется рекой у нас в селе. Пьянствуют не только коммунисты, служащие и рабочие, загуляло и неорганизованное население. Революционный праздник превратился в настоящий старый престольный праздник, какой-нибудь Михайлов день или Рождество. Положительно все население справляет новый революционный праздник только в пьянке, а после этого — драки, скандалы, потом и аресты. Также и я день провожу в пьянке» [Измайлов, запись от 08.11.1931]. Ситуация мало чем отличается от прежней, а значит, предполагаемый новый порядок отсутствует.

В кругу знакомых К. Измайлова пьянство со стороны представителей местной администрации считалось ненормальным. Но работники сельских советов, как и все, злоупотребляли алкоголем, несмотря на запреты руководства. «В 20-е гг. новая государственная власть старалась следить за своим имиджем» в деревне, где «районное руководство, помимо поддержания политической стабильности и сборов налогов, выполняло еще и символическую функцию» и олицетворяло «собой советскую власть для местного населения» [Шабалин, 2012: 20]. С первых дней между смоленскими мужиками и сельскими начальниками выстраивается непреодолимая дистанция. Местная власть становится «чужой» и пьяный разгул с ее сторон воспринимается как неправильный и несправедливый по отношению к крестьянам: «Работаю в своей мастерской. Вечером — на самокурсах, потом — с Ньюрой... В селе гульба, пьянство всюю со стороны местной власти...» [Измайлов, запись от 09.01.1924]; «В нардоме шум, крик, беспорядок. Пьянство царит всюю! Больше, чем у нас в Смоленском. Пьет вся, положительно, администрация... на квартире у Рыбкина Ивана (бывший торговец)» [Измайлов, запись от 23.01.1927].

Помимо своей профессиональной деятельности Константин Измайлов увлекался театром. В селе Смоленском имелся провинциальный театральный кружок, в котором ставились постановки местных любителей. Данная досуговая практика привлекала Измайлова возможностью установить новые контакты, общение с которыми не обходилось без спиртного. В результате, театр символически и практически переориентировался для него из культурной институции в особое хмельное пространство. В дневнике он подчеркивает, что редкий спектакль обходился без выпивки, а некоторые умудрялись выходить пьяными и на сцену: «И все эти постановки сопровождаются вином... После каждой постановки пьем вино» [Измайлов, запись от 04.05.1931]. Своеобразной традицией становится ритуал попойки после совместной репетиции или премьеры нового спектакля: «А после спектакля принято, как общее правило, напиваться пьяным всем актерам. Так и сделали. Напились пьяными все участники. Так и закончился наш спектакль пьянкой» [Измайлов, запись от 20.12.1931]. Сам спектакль вызывает у героя намного меньше эмоций, чем возможность после него выпить с новообретенным коллегой по сцене. Устраивая общие пирушки, актеры тем самым одомашнивают обстановку внутри новой для них социальной коммуникации: «После спектакля с актером Волжских Константином выпили полбутылки вина на радостях. Чувствую себя хорошо, доволен, сыт и выпивши. Это хорошо!» [Измайлов, запись от 08.01.1929]. Актеры театра допускались к застолью после спектакля и в том случае, если они не принимали в нем участия: «Вчера вечером в нардоме ставили пьесу “Царь Иоанн Грозный” в пяти действиях. Я не играл. После спектакля устроили попойку, порядочно выпили... до песен и плясок. А в этой постановке я принимал участие... Дело дошло до четырех

часов утра» [Измайлов, запись от 28.03.1929]. Это пространство представляло собой место, в некоторой степени свободное от государственного контроля. Бесконтрольность приводила к таким курьезам, как игра на сцене в нетрезвом виде: «По-старому Новый год сегодня. Пока опохмелялся... да к вечеру напился пьяный. Сегодня опять играю на сцене в нардоме. Повторяем “Стеньку Разина”, а я пьяный. Так и сыграл пьяный, и все по-пьяному вышло. Вся сцена была пьяная...» [Измайлов, запись от 14.01.1929]. Театр являлся новым институтом, но герой не воспринимает ее как эталонную, образцовую форму. Вследствие чего эта институция сводится к привычной модели — выпить после официальной части.

Подводя итог вышесказанному, пьянство в деревенской среде традиционно допускалось и до установления советской власти. Оно было частью общей культурной традиции повседневной жизни крестьян. Однако, поскольку деревенская жизнь была регламентированной, существовали нормы, ограничивающие и регулирующие практику употребления алкоголя. С приходом новой государственной власти прежние регламентации утрачивают свою силу. Питейные практики оказываются менее контролируемы. С одной стороны, это помогает человеку через привычные модели усвоить новые формы. С другой, разрушение прежнего порядка становится причиной распространения девиантного поведения. Используя материалы дневников Константина Измайлова, можно увидеть, как употребление алкоголя выходит за рамки нормативной крестьянской жизни.

Библиографический список

Источники

Измайлов К. Ф. Дневник // Прожито. URL: <http://prozhito.org/person/1629> (дата обращения: 27.10.2020).

Исследования

Безгин В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX века). 2004. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Bezg/ (дата обращения: 19.11.2020).

Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления / пер. с англ. А. В. Бардина. М.: РОССПЭН, 2010.

Кобрин К. Похвала дневнику // Новое литературное обозрение. 2003. № 61. С. 288—295.

Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

Островский А. В. «Пьяная деревня»: домьслы и факты // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 140—159.

Панин С. Е. «Пьяная» преступность в России в 1920-е гг. // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11. № 2. С. 121—126.

Фицпатрик Ш. Сталинические крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / пер. с англ. Л. Ю. Пангина. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2008.

Шабалин В. В. Пьянка, выпивка, попойка (фоновые практики районной номенклатуры) // Алкоголь в России: материалы второй Междунар. науч.-практ. конф. Иваново, 28—29 октября 2011 г. Иваново: Филиал РГГУ в г. Иваново, 2012.

References

Sources

Izmailov, K. F. Dnevnik [Diary], *Prozhito*, available from <http://prozhito.org/person/1629> (accessed 27.10.2020).

Research

- Bezgin, V. B. (2004) *Krest'ianskaia povsednevnost' (traditsii kontsa XIX — nachala XX veka)* [Peasant everyday life (traditions of the late XIX — early XX centuries)], available from https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Bezg/ (accessed 11.01.2019).
- Viola, L. (2010) *Krest'ianskii bunt v epokhu Stalina: kollektivizatsiia i kul'tura krest'ianskogo soprotivleniia* [Peasant rebels under Stalin: collectivization and the peasant culture of resistance], Moscow: ROSSPEN.
- Kobrin, K. (2003) Pokhvala dnevniku [Praise to the diary], *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 61, pp. 288—295.
- Lebina, N. B. (2015) *Sovetskaia povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stiliiu* [Soviet everyday life: norms and anomalies. From war communism to great style], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Ostrovskii, A. V. (2013) «P'ianaia derevnia»: domysly i fakty [«Drunk village»: conjectures and facts], *Noveishaia istoriia Rossii*, no. 2, pp. 140—159.
- Panin, S. E. (2009) «P'ianaia» prestupnost' v Rossii v 1920-e gg. [«Drunk criminality» in Russia in the 1920s], *Izvetiia Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*, vol. 11, no. 2, pp. 121—126.
- Fitzpatrick, S. (2008) *Stalinskie krest'iane. Sotsial'naiia istoriia Sovetskoi Rossii v 30-e gody: derevnia* [Stalin's peasants. Social history of Soviet Russia in the 1930s: village], 2nd ed., Moscow: ROSSPEN.
- Shabalin, V. V. (2012) P'ianka, vypivka, popoika (fonovye praktiki raionnoi nomenklatury) [Drinking revelry, drinking bout, bacchanalia (background practices of the district nomenclature)], *Alkohol' v Rossii: Materialy vtoroj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Ivanovo, 28—29 octiabria 2011), Ivanovo: filial RGGU in Ivanovo.

АЛКОГОЛЬ В СТРАНЕ СОВЕТОВ

УДК 94(470+571)''194''

САМОГОНЩИКИ И МЕСТНАЯ ВЛАСТЬ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ БЕЛОРУССКОЙ ДЕРЕВНИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940 — НАЧАЛЕ 1960-х гг.

В. А. Лобач, Е. В. Сумко

Полоцкий государственный университет, Полоцк, Беларусь, nordic972@gmail.com

Полоцкий государственный университет, Полоцк, Беларусь, sumko_elen@mail.ru

В статье, на примере Витебской области БССР, рассматриваются различные стратегии взаимоотношений производителей нелегального алкоголя и местной власти в послевоенной белорусской деревне. Хозяйственная и социокультурная прагматика самогонварения была обусловлена как экономическими факторами, так и этнокультурной спецификой сельского сообщества, где алкоголь играл существенную роль в обрядовой жизни и в различных будничных ситуациях социальной коммуникации. Архивные источники и материалы устной истории показывают, что в рамках локальных сельских сообществ отношение власти к самогонщикам варьировалось от открытого преследования и конфронтации до политики невмешательства и, в ряде случаев, стимулирования самогонварения. Личная склонность отдельных представителей власти к употреблению нелегального алкоголя нашла отображение в шуточном фольклоре, получившем широкое распространение в сельском социуме.

Ключевые слова: самогон, система жизнеобеспечения, сельское сообщество, местные власти, БССР, устная история.

BOOTLEGGERS AND LOCAL AUTHORITIES IN THE SOCIO-CULTURAL LANDSCAPE OF THE BELARUSIAN VILLAGE IN THE SECOND HALF OF 1940 — EARLY 1960s

V. A. Lobach, E. V. Sumko

Polotsk State University, Polock, Belarus, nordic972@gmail.com

Polotsk State University, Polock, Belarus, sumko_elen@mail.ru

The article, on the example of the Vitebsk region of the BSSR, discusses various strategies of relations between producers of illegal alcohol and local authorities in the post-war Belarusian village. The economic and sociocultural pragmatics of moonshine making was due to both economic factors and the ethnocultural specificity of the rural community, where alcohol played a significant role in ritual life and in various everyday situations of social communication. Archival sources and materials of oral history show that within local rural communities, the attitude of the authorities to moonshiners varied from open persecution and confrontation to non-intervention

---

© Лобач В. А., Сумко Е. В., 2020

Ссылка для цитирования: Лобач В. А., Сумко Е. В. Самогонщики и местная власть в социокультурном ландшафте белорусской деревни во второй половине 1940 — начале 1960-х гг. // *Labyrinth. Теории и практики культуры*. 2020. № 2. С. 14—27.

Citation Link: Lobach, V. A., Sumko, E. V. (2020) Samogonshchiki i mestnaya vlast' v sotsiokul'turnom landshafte belorusskoy derevni vo vtoroy polovine 1940 — nachale 60-kh gg. [Bootleggers and local authorities in the socio-cultural landscape of the belarusian village in the second half of 1940 — early 1960s], *Labyrinth. Teorii i praktiki kul'tury [Labyrinth. Theories and practices of culture]*, no. 2, pp. 14—27.

policy and, in some cases, motivational cooking. The personal inclination of individual authorities to use moonshine is reflected in the comic folklore, which has become widespread in rural society.

Key words: moonshine, life support system, rural community, local authorities, BSSR, oral history.

Проблема «теневых сфер» культуры жизнеобеспечения села в послевоенный период в белорусской историографии долгое время игнорировалась и на сегодняшний день представлена единичными исследованиями [Костров, 1988; Кашталян, 2007; Сумко, 2018]. Вместе с тем, анализ материалов устной истории и архивных документов убедительно показывает, что такой нелегальный промысел как самогоноварение отнюдь не являлся занятием маргиналов, осуждаемых обществом и преследуемых законом, но представлял собой масштабное явление, имевшее огромную экономическую и социокультурную значимость для сельского сообщества, особенно в период послевоенного восстановления.

Целью данного исследования является анализ уровней и характера взаимоотношений производителей нелегального алкоголя (самогонщиков) и представителей власти на примере Витебской и Полоцкой (существовала с 1944 по 1954 год) областей БССР второй половины 1940 — начала 1960-х гг. Основной корпус источников составили архивные документы и материалы «устной истории», зафиксированные в ходе полевых экспедиций 2000-х гг. на территории Северной Беларуси. Методология исследования предполагает междисциплинарный подход на стыке экономической этнологии, социально-культурной антропологии и истории повседневности, когда личный опыт представителя локального сельского сообщества рассматривается в широком контексте исторического развития БССР в первые послевоенные десятилетия.

Вторая Мировая война и период нацистской оккупации стоили огромных человеческих жертв и нанесли тяжелейший урон экономике БССР в целом и сельскому хозяйству в частности. Особенно катастрофическое положение было в районах, где нацисты в борьбе с партизанами проводили политику «выжженной земли». В Витебском районе из 59 000 жителей на момент освобождения осталось только 12 000, Сиротинском — 24 449 из 48 775 человек [Витебщина освобожденная, 2009: 128, 212]. Шесть восточных районов Полоцкой области (Освейский, Ветринский, Дрисенский, Полоцкий, Россонский, Ушачский) и семь районов Витебской (Городокский, Дубровенский, Сиротинский, Суражский, Чашникский, Лиозненский, Меховский) были включены в число 36 наиболее пострадавших от нацистов на территории БССР.

В условиях тотальной разрухи, для советского правительства одной из первоочередных задач являлось восстановление на освобожденных территориях колхозной системы сельского хозяйства как принудительного механизма обеспечения продуктами и сырьем городов и промышленных центров. В свою очередь, для сельского населения Беларуси «послевоенное восстановление» прежде всего означало обустройство личного хозяйства, разрушенного войной, которое являлось основным источником жизнеобеспечения крестьянской семьи. В восточных районах БССР, где колхозная система оформилась еще в 1930-х гг. и была возрождена сразу же после освобождения от немецких оккупантов, материальные ресурсы, полученные колхозниками за работу на государство, были критически недостаточными.

Система «трудодней»¹, при фактически полном отсутствии денежной оплаты, в воспоминаниях крестьян характеризуется как крайне несправедливая, практически

---

¹ Начисление отсроченной оплаты за один рабочий день, которая суммарно производилась после расчета колхоза с государством и, как правило, осуществлялось в натуральной форме (с/х продукцией).

нищенская по содержанию. «На трудадзень на той дадуць на сколькі грам гірсы², а мы і змелем, рэдка дзе жыціна пападаецца. Змелем, хлеб пячом. А якія хлябы пяклі? Саўсім значала ірвалі шышкі такія, асакі шышкі жоўценькія бываюць растуць, і вот пірог з тэй шышкі спячэш. А тады як спячэш, дык і неяк гэта аправіцца, так цябе скрапіць жалудак шышкамі гэтымі. І не дай Бог, як жылі з вайны з гэтай. І вот там нам не давалі ніякіх грошай, нічога...»³ (Лепельский р-н) [Полацкі этнаграфічны зборнік, 2011: 259]. Даже в 1952 г. выплаты колхозникам оставались мизерными: в колхозах восточных областей БССР было в среднем выдано на один трудодень: деньгами — 37 коп., зерновыми — 1 кг, картошкой — 1,4 кг; в Западной Беларуси получали на один трудодень 27 коп., зерна — 1,3 кг, картошки — 0,5 кг [Касцюк, 2000: 234]. Оплата труда в колхозах могла обеспечить лишь скудное пропитание крестьянской семьи, но никоим образом не гарантировала даже минимального повышения благосостояния (покупку предметов первой необходимости, одежды, домашнего скота и птицы, школьных принадлежностей для детей и т. д.).

В рассматриваемый период основную роль в жизнеобеспечении крестьян играло приусадебное хозяйство, причем это было характерно как для восточных (преимущественно коллективизированных), так и для западных районов БССР (где преобладали единоличные хозяйства). Важными дополнительными источниками жизнеобеспечения были разнообразные промыслы, которые имели как легальный (собирачество, рыболовство), так и нелегальный характер (самогоноварение). В послевоенное время самогоноварение массово практикуется сельским населением как эффективный способ «конвертации» сельскохозяйственной продукции в «живые деньги», что обеспечивало необходимые финансовые средства для восстановления собственного хозяйства и уплаты налогов. Стоит отметить, что нелегальное производство алкоголя в белорусской деревне не было новым социально-экономическим явлением, поскольку опыт самогоноварения в широких масштабах был освоен еще в 1920—30-е гг. и значительно усовершенствован во время войны.

Период нацистской оккупации Беларуси 1941—1944 гг., помимо колоссальных жертв и разрушений, ознаменовался и невиданным расцветом самогоноварения, когда в условиях крайней нестабильности финансово-денежной системы алкоголь исполнял функцию универсальной «жидкой валюты» в торговых операциях и в различных формах социального взаимодействия (взятка, угощение, «антидепрессант»). Широкий размах кустарного производства алкоголя фиксируется документами на территории подконтрольной оккупационной администрации. И это несмотря на жесткие санкции, предусмотренные по отношению к самогонщикам: наказание в виде большого денежного штрафа, тюремного заключения или принудительных работ сроком до полугода [Гребень, 2016: 151—155]. Не менее активно процветало самогоноварение и в «партизанских зонах», где пьянство и сопутствующие ему произвол и мародерство в отдельных отрядах и бригадах, по многочисленным свидетельствам партийного руководства, приобретали угрожающие масштабы [Мусял, 2018: 245—247].

Для гражданского населения, и в первую очередь для крестьян, самогон становился не только средством торгового обмена, но и служил своего рода «откупом» от любых людей с оружием в руках, которые появлялись в деревне и были потенциальным источником угрозы для ее жителей. В любом случае, массовый опыт

² Гирса (бел.), костёр ржаной (рус.), *Bromus secalinus*, многолетнее травянистое растение семейства злаковых, является посевным сорняком, засоряет посевы озимой пшеницы и ржи; используется как кормовая культура в животноводстве.

³ На трудодень на тот дадут немного гирсы, а мы смелем, редко где житина падаецца. Смелем, хлеб печем. А какой тот хлеб был? Рвали шишки такие, осоки шишки желтенькие растут, вот пирог с этой шишки испечеш. А тогда как так тебе скрепит желудок, шишкамі гэтымі. Не дай Бог, как жили с войны с этой. И вот там нам не давали никаких денег, ничего.

самогоноварения в экстремальных условиях, с использованием подручных технических средств, различных приемов соблюдения скрытности, безусловно, способствовал развитию нелегального промысла и в послевоенной белорусской деревне, но уже в новых социально-экономических и политических условиях.

В западных районах Витебщины люди старшего поколения связывают расцвет самогоноварения именно с приходом советской власти, поскольку в довоенной Польше с ее развитой фискальной системой нелегальное производство алкоголя каралось очень жестко. «(А пры Польшчы не гналі?) *Не-а, не гналі. Так строга было гэта, гарэлкі не гналі і табаку не садзілі. А так самагонкі і ў паміне не было ні ў кога, а як прыйшла ўжо Савецкая владца, тады ўжо пачалі самагонку гнаць*»⁴ [7]. К тому же, в 1944—1949 гг. в западных районах, менее потерпевших от войны, чем восточные регионы, преобладали единоличные крестьянские хозяйства, производившие сельхозпродукцию в объемах, достаточных не только для самообеспечения и продажи, но и для самогоноварения. Неслучайно, что Полоцкая областная прокуратура в 1948 г. особо отметила западные районы как регион масштабного и интенсивного производства самогонки [2].

Технология кустарного производства алкоголя не являлась тайной для большинства сельчан и была отточена ими до совершенства. «(А можа вот знаеце, як самагонку зрабіць, як яе выгнаць?) *Ты знаеш у каго пытацца (смеется). Знаеш сколько я яе перагнаў? Тока ж гэта і пілі, гэта ж водкі не зналі, эта вот нядаўна паявілася водка і віно. Я сам маладым быў, віна і водкі ня відзеў. (А з чаго гналі?) З ячменю, з пшаніцы, картошка в аснаўном. Ячмень расцілі. Рост пускаіць ячмень. Намокніць, паложыць у цёплае месца, тады 2—3 дні і ён расткі пускаіць, эта ўжо называцца солад. Солад расцвіў, тады этат солад прарос, этат солад сушуць, мелюць. Жорны ж былі свае... У жорны, этат солад змелюць, тады заварываюць гэту муку кіпятком, даюць дрожджы. Стаіць трое сутак, а можа чэцвера сутак. Брадзіць. Ага, кажучь, выхадзілася, ужо ня пышкаіць, ужо нада гнаць, тады ўжо гонюць самагонку. Самагонка ж была, ня водка, эта ж хімія, здаровая ж была. І жыта, рож, ячмень, пшаніца. Картошкі дабаўлялі, картошка падхадзіла харашо. Ад картошкі яна мяккая такая, самагонка. А цяпер гарэлка, яна ж рэзкая, эта ж атрава*»⁵ [8]. Доступность сырья, нехитрая технология и достаточно простой способ изготовления крепкого алкоголя в домашних условиях во многом определили распространение самогонного промысла в крестьянской среде.

В первые послевоенные годы прагматика самогоноварения носила преимущественно коммерческий характер, поскольку продажа самогона давала необходимые денежные средства для восстановления собственного хозяйства и приобретения предметов первой необходимости [Сумко, 2018: 128]. Значимость этого нелегального бизнеса подчеркивается большинством респондентов. «*Некалі і ў гарад вазіла (смагонку), да якое вазіла — насіла на плячоx. Ехала к знакомым, а ў іх*

⁴ «(А пры Польшчы не гналі?) Нет-а, не гнали. Так строго было это, водки не гнали и табак не садили. А так самогона и в помине не было ни у кого, а как пришла уже советская власть, тогда уже начали самогон гнать».

⁵ «— А можа вот знаете, как самогонку сделать, как её выгнать?) Ты знаешь, у кого спрашивать (смеется). Знаешь, сколько я ее перегнал? Только же это и пили, это же водки не знали, это вот недавно появилась водка и вино. Я сам молодым был, вина и водки не видел. (— А из чего гнали?) Из ячменя, из пшеницы, картошка в основном. Ячмень растили. Рост пускает ячмень. Намокнет, положи в теплое место, тогда 2—3 дня и он ростки пускает, это уже называется солод. Солод расцвел, тогда этот солод пророс, этот солод сушат, мелют. Жернова же были свои... в жернова, этот солод смелют, тогда заваривают эту муку кипятком, дают дрожжи. Стоит трое суток, а может четверо суток. Бродит, ага, говорят, выходилась, уже не пышет, уже надо гнать, тогда уже гонят самогонку. Самогонка же была, не водка — химия, полезная же была. И рожь, ячмень, пшеница. Картошки добавляли, картошка подходила хорошо. От картошки она мягкая такая самогонка. А теперь водка, она же резкая, это же атрава».

палучка, знаю калі палучка і еду. На цэлую цялушку наносіла, а тады купіла цялушку і з таго зажывалі»⁶ [9]; «Гнали з бульбы, зярно прарошчвалі. Баня стаяла пад ракой, там і гнали. Мама насіла ў Дрысу. Занясець у хату знаёмым жыдам бутылку ці дзве, і на мыла там, на соль, на табаку, запалкі (памяняе). Гэтага не было ў магазінах. Плацілі тым жа, што яна прасіла»⁷ [10]. Основными потребителями сравнительно дешевой самогонки⁸ были жители городов, поселков, железнодорожных станций, военных гарнизонов, т. е. та часть населения, которая получала зарплату реальными деньгами.

Немаловажное значение самогонка имела и в качестве средства оплаты за различные услуги в рамках сельского сообщества (обработка приусадебного участка, помощь в строительстве, заготовка и доставка дров, аренда коня и т. п.) [Сумко, 2018: 128]. «Ці было, што можна было бутылкай расшчытацца?» — *Расшчытаваліся. Было. Еслі нада — папросіш, што памагчы зробіць. Бутылкай, і цяпер тое самае. Магазінную не куплялі, усё время гнали*⁹ [11]; «(Самагонкай расшчытаваліся за работу?) Да, расшчытацца за работу. Вось нада дроў прывязці — сани нада, нада ж за сани заплаціць, нада прывязці, нада за дровы заплаціць — за ўсё нада было заплаціць»¹⁰ [12].

Вместе с тем, значительные объемы самогона были предназначены для удовлетворения не хозяйственных, но социокультурных потребностей сельского социума, что было исторически обусловлено экстраутилитарной функцией алкоголя в структуре обрядов календарного и семейного цикла. «Каждая хата гнала самогонку, у нас не было грошай і вина у нас не было тады. Счас у нас у дзярэўню два раза машына прыходзіць — вина ў волю. А тады: к Пасхе — самогоначкі, к Калядам — самогоначкі, памёр чалавек — самогоначкі, свадзьба — самогоначка»¹¹ [13]. Всплеск рождаемости в послевоенные годы [Беларусы, 2001: 284] был соответствующим результатом значительного увеличения количества свадеб, формат проведения которых в сельской местности предполагал наличие большого объема алкоголя, потребность в котором обеспечивало именно самогонование. «(А много самогонки гнали на свадьбу?) Як хто сумеець, хто у каком састаянні. Можыць быць і 50 літраў, можыць быць і 200 літраў»¹² [8]; «Ну, на свадзьбу ўсяк можна здзелаць. І на 50 літраў нагоняць. А могуць і 10 літраў, але якая там свадзьба будзець — ні туды, ні сюды»¹³ [14].

⁶ Когда-то и в город возила (самагонку). Какое «возила» — носила на плечах. Ехала к знакомым, а у них получка, знаю, когда получка, и еду. На целую тёлку наносила, а тогда тёлку купила, и с того заживали.

⁷ Гнали с картошки, зерно проращивали. Баня стояла под рекой, там и гнали. Мама носила в Дриссу. Отнесет к знакомым евреям бутылку или две, и на мыло там, на соль, на табак, спички (поменяет). Этого не было в магазинах. Платили тем же, что она просила.

⁸ Ценовое соотношение между магазинной водкой и самогоном в послевоенное и настоящее время составляет негласную, но устойчивую пропорцию 1 : 2-3.

⁹ «(Было ли, что можно было бутылкой рассчитаться?) — Рассчитывались. Было. Если надо — опросишь, что помочь, сделает. Бутылкой и сейчас то же самое. Магазинную не покупали, все время гнали».

¹⁰ «(Самогоном рассчитывались за работу?) Да, рассчитывались за работу. Вот надо дров привезти — сани надо, надо же за сани заплатить, надо привезти, надо за дрова заплатить — за все надо было заплатить».

¹¹ «Каждый дом гнал самогон, у нас не было денег и вина у нас не было тогда. Сейчас у нас в деревню два раза машина приходит — вина в волю. А тогда: к Пасхе — самогоночка, к Рождеству — самогоночка, умер человек — самогоночка, свадзьба — самогоночка».

¹² «(А много самогонки гнали на свадьбу?) Как кто сумеет, кто в каком состоянии. Может быть и 50 литров, может быть и 200 литров».

¹³ «Ну, на свадзьбу всяк можно сделать. И на 50 литров нагонят, а могут и 10 литров, но какая там свадзьба будет — ни туды, ни сюды».

В целом, независимо от целепологания, самогонварение в послевоенной белорусской деревне приобрело впечатляющие масштабы, особенно с учетом колоссальных объемов сельскохозяйственного сырья, которое использовалось для изготовления нелегального алкоголя. В такой ситуации государство не могло оставаться безучастным свидетелем происходящего и реагировало на теневой сектор экономики советской деревни самым решительным образом.

Законодательные меры борьбы с самогонварением. В условиях карточной системы обеспечения и дефицита продуктов питания, самогонварение рассматривалось как деятельность, которая наносит серьезный ущерб народному хозяйству, так как кустарные алкогольные напитки производились из ценного продовольственного сырья — зерна, свеклы, картофеля и т. п. Помимо того, что самогонварение подрывало государственную монополию по производству и торговле алкоголем, изготовление самогона нередко сочеталось с кражей исходных продуктов в колхозе, а его продажа становилась источником «нетрудовых доходов», что противоречило социалистическим ценностям. Уголовная ответственность была предусмотрена за изготовление и хранение самогона с целью сбыта в виде промысла. Эти действия наказывались лишением свободы или исправительно-трудовыми работами на срок до 1 года или штрафом до 500 рублей. В 1947 г. по этой причине в БССР было возбуждено около 1 тыс. дел. Изготовление же и хранение самогона для личных надобностей преследовалось в административном порядке (исправительно-трудовые работы на срок до 1 месяца или штраф до 100 рублей) [Костров, 1988: 5].

Особый размах самогонварение приобретает после денежной реформы и отмены карточной системы в декабре 1947 года. Соответствующей реакцией государства стал указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за изготовление и продажу самогона» (07.04.1948), который ужесточил санкции за изготовление самогона и сбыт в виде промысла (лишение свободы на срок от 6 до 7 лет с конфискацией всего или части имущества), в том числе за изготовление самогонных аппаратов с целью сбыта, а также установил уголовную ответственность за изготовление самогона без цели сбыта (лишение свободы на срок от 1 до 2 лет), за что раньше предусматривалась административная ответственность [Костров, 1988: 5].

Использование жесткого законодательства было избирательным и зависело от судебных органов. Например, нарсуд Лепельского района 16 июля 1948 года осудил А. А. Климентенок за самогонварение на 6 лет исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества. Но в Толочинском районе из 15 рассмотренных нарсудом дел по 14 делам к преступникам было использовано или условное осуждение, или исправительно-трудовые работы по месту работы. Требование указа от 7 апреля 1948 г. о конфискации устройств изготовления самогона также часто не выполнялось [Кашталян, 2007]. Самогонварение являлось дополнительным источником дохода для населения, в первую очередь, для бедняков и крестьян-единоличников. Проверка летом 1948 года работы судов Лепельского района показала, что под суд как самогонщики отдавались, в основном, жены погибших фронтовиков, обремененные малыми детьми, и суды даже после указа от 7 апреля 1948 г. были вынуждены использовать меры наказания, не связанные с лишением свободы [Кашталян, 2007].

В Полоцкой области за 1948 год к судебной ответственности за самогонварение и сбыт нелегального алкоголя было привлечено 673 человека. Также было изъято 120 самогонных аппаратов, 404 литра самогона, 618 ведер браги, на изготовление которой ушло почти 3 тонны сельскохозяйственной продукции [2]. В последующие годы количество привлеченных к уголовной либо административной

ответственности за производство и сбыт самогона на территории области неуклонно снижалось: в 1949 г. привлечено 458, а в 1950 г. — 322 человека [3].

В пределах БССР, в связи с борьбой с самогонварением, в 1948 г. было возбуждено 5,5 тыс. уголовных дел. По выявленным фактам производства самогона было израсходовано почти 61 тонна хлеба и около 18 тонн иной сельскохозяйственной продукции [Касцюк, 2000: 238].

Борьба с самогонварением носила волнообразный характер, когда особая активность по разоблачению и наказанию самогонщиков ограничивалась годом, когда выходил соответствующий указ ВС СССР или БССР. Как только кампания 1948 года закончилась, количество осужденных самогонщиков резко пошло вниз. При этом самогонщики выработывали свою тактику избегания уголовной ответственности — вину на себя брали женщины либо инвалиды, наказание которых было минимальным. Это обстоятельство отмечали и органы прокуратуры, которые сетовали на недостаточные меры по борьбе с самогонварением: «Работа по выявлению лиц, занимающихся самогонварением, не проводится. В результате чего к ответственности за изготовление самогона привлекаются подставные лица, что имеют серьезные физические недостатки» [4].

Необходимо добавить, что уголовно-правовые санкции в сфере борьбы с нелегальным производством алкоголя были очень нестабильными. Так, 1 сентября 1959 г. Президиум ВС СССР издал указ «Об усилении борьбы с пьянством и самогонварением», который возобновил административную ответственность за изготовление самогона независимо от наличия цели сбыта, но указ Президиума ВС СССР «Об усилении ответственности за самогонварение» от 15 мая 1961 г. вновь устанавливал уголовную ответственность за все разновидности самогонварения, даже за хранение самогона без цели сбыта [Костров, 1988: 6].

Самогонщики и местные власти. Эффективность и степень реализации правительственных постановлений о борьбе с самогонварением во многом определялись спецификой конкретного культурного ландшафта, где значение имело множество факторов: уровень экономического развития, интенсивность торговых связей между городом и деревней, специфика сельскохозяйственного производства, состав и представительность местных органов власти и характер ее взаимоотношений с местным населением, а также особенности социальной коммуникации в рамках сельского сообщества, топография поселений и даже природные характеристики того или иного региона. В частности, особенностью сельского ландшафта Северной Беларуси является преобладание небольших деревень, значительная часть которых располагается в лесной местности, в изрядной отдаленности от административных центров различного уровня. Естественным образом, осуществлять контроль и наказывать за самогонварение в «глухих» деревнях было для представителей власти чрезвычайно проблематично. В ряде случаев, вопрос о незаконности домашнего производства алкоголя и преследовании со стороны милиции вызывал у респондентов недоумение, поскольку представителей органов правопорядка они практически не видели. «(А на свадьбу гарэлка свая ці куплёная была?) *Самагонку рабілі. Самагонку рабілі і ўсё.* (А ці можна было самагон гнаць?) *Ну, можна было. (І міліцыя не ганяла?) А мы міліцыі ня відзелі. Міліцыі не было. Якая там міліцыя?»*¹⁴ [15]; «(А милиция приезжала в деревню?) *Не, міліцыі ж у тое ўрэмя ніякай не было. Што там, у тым 47-м ці 48-м гаду, якая ж там міліцыя? Нікога не было»*¹⁵ [16].

¹⁴ «(А на свадьбу водка своя или купленная была?) Самогон делали. Самогон делали и все. (А можно ли было самогон гнать?) Ну, можно было. (И милиция не гоняла?) А мы милиции не видели. Милиции не было. Какая там милиция?»

¹⁵ «(А милиция приезжала в деревню?) Нет, милиции же в то время никакой не было. Что там, в том 47-м или 48-м году, какая же там милиция? Никого не было».

Категория «местная власть» в картине мира сельского населения всегда имеет очень четкую градацию и конкретное наполнение, где «колхозное начальство» всех уровней (председатель, агроном, бригадир) принципиально отличается от представителей правоохранительных органов, которые, в первую очередь, воспринимаются как репрессивная и карающая ипостась государства. Последний тезис был тем более актуален в условиях сталинского режима послевоенных лет и, особенно, в западных районах БССР, где проводились массовые депортации населения, а вооруженное антисоветское сопротивление носило активный характер [Шыбека, 2003: 340, 348—349].

Центральным персонажем, который для сельчан воплощал всю милицию в целом, в устных нарративах выступает участковый милиционер, появление которого в деревне всегда вызывало чувство тревоги и страха у жителей. Даже «невинная» причина визита участкового в дом вызывала оправданное беспокойство. «Участковы мог даже прыці, ціпа ён прышоў паглядець ці іспраўна печка, адкрыць занавесачку і глянуць, што там на печцы робіцца, ці стаіць там саладуха якая, брага»¹⁶ [18]. В разгар компаний борьбы с самогонварением, когда милиция должна была демонстрировать высокие показатели раскрываемости данного вида правонарушения, «договориться» с участковым было практически невозможно. Не спасало в таких случаях и личное знакомство с милиционером. «Не разрэшалася гнаць, не давалі... Стукаіць нехта ў дзверы, я прытаілася і сяджу. А муж выскачыў з хаты, дзверы адкрыў — участковы. І залавіў нас з водкай. Арыштавалі. Трыста рублей муслі плаціць. І ўчастковы знакомы, а трыста рублей усё раўно заплацілі»¹⁷ [19].

Вместе с тем, огромное значение имела личность участкового милиционера и все особенности его характера, привычек и склонностей, что и лежало в основе его взаимоотношений с сельскими жителями. Склонность отдельных представителей власти к употреблению горячительных напитков означала для самогонщиков реальную возможность избежать наказания за нелегальный промысел. В свою очередь, для милиционеров в такой ситуации самогонщик становился поставщиком бесплатного алкоголя. «А я дажа міліцыянерам давала гарэлку. Адны міліцыянеры ганялі, а другія... Гэта пасля вайны. Аднойчы нейкая аварыя была ў Мішкавічах, дык яны зайшліся: “Людвігаўна, нада вот выпіць”. Я ім бутылку бу-бух на стол. А яны: “Ну, за гэтую гарэлку судзіць нельзя, яна крэпкая”. Толькі грошы не плаціла міліцыя, калі п’ець. А я ім ставіла, каб яны мяне не чапалі»¹⁸ [20].

За лояльное отношение со стороны участкового самогонщики рассчитывались не только собственной продукцией, но и деньгами. «(Ад участковага можна было адкупіцца?) Ну, гэта можна было. Гэта тожэ немалыя срэдства нада была палажыць. (Так гэта грашыма ці гарэлкай?) Ён гарэлкі нап’ецца і будзе табе гаварыць — усё, а тады апяць сваё. І гарэлкай, і грашамі давалі. Не адкажацца»¹⁹ [14]. Подобного рода «сотрудничество» между самогонщиками и участковым носило взаимовыгодный характер: милиционер получал материальные бонусы, а взамен закрывал

¹⁶ «Участковый мог даже прийти, типа он пришел поглядеть исправна ли печка, открыть занавесочку и глянуть, что там на печке делается, стоит ли там солодуха какая, брага».

¹⁷ «Не разрешалась гнать, не давали... Стучит кто-то в дверь, я притаилась и сижу. А муж выпрыгнул из дома, дверь открыл — участковый. И заловил нас с водкой. Арестовали. Триста рублей должны были платить. И участковый знакомый, а триста рублей все равно заплатили».

¹⁸ «А я даже милиционерам давала водку. Одни милиционеры гоняли, а другие... это после войны. Однажды какая-то авария была в Мишковичах, так они зашлись: “Людвиговна, надо вот выпить”. Я им бутылку бу-бух на стол. А они: “Ну, за эту водку судить нельзя, она крепкая”. Только деньги не платила милиция, когда пила. А я им ставила, чтобы они меня не трогали».

¹⁹ «(От участкового можно было откупиться?) Ну, это можно было. Это тоже немалые средства надо было. (Так это деньгами или водкой?) Он водки напьется и будет тебе говорить — все, а тогда опять свое. И водкой, и деньгами давали. Не откажется».

глаза на самогонварение и даже предупреждал о готовящихся рейдах и проверках. «Участковы знаў, дзе добрая водка... Прыедзець участковы, ён выпіць хочаць... Ну, складваюцца калечане (жители д. Калечполье. — В. Л., Е. С.) па бутылке. Ну, бывала, што патрасуць іх, а участковы перадаць, што прыедуць трасці...»²⁰ [15].

Иногда противостояние участкового и самогонщика приобретало трагикомический характер, когда сельский житель давал своеобразный урок ретивому представителю власти. «Прыехаў участковы к майму свёкру, палез на чардак іскаць самагонку. А ён — цоп! — лесвіцу сняў. “Стаі, — гаворыць, — ёп тваю маць, на чардаку!” А ён тады будзіць: “Мікалайчык родны, спуці мяне. Нічога там нет, нічога я ня буду”. “Скуля! Сядзі, — кажа, — на чардаку, спускайся сам”»²¹ [17]. В другом случае, участковый милиционер был жестоко наказан смелой самогонщицей за собственное пристрастие к алкоголю. «Заявілі. Узялі панятных. Прыішлі і знайшлі самагонку. Яна напіла гэтага ўчастковага, так напіла, што і панятных напіліся, і сам напіўся — ўсе. І заснуў, акт злажылі, усё, а ён заснуў у ёй. Яна ўзяла з кабуры пісталет выняла і ўсё. Ён устаў, цоп-цоп — нет пісталета. Ён адразу да яе, а яна: “Парві акт — аддам, не парвеш — табе больш будзе. Ты прыішоў, панятных спаіў, самагонку найшоў, напіўся сам да бессазнанія, не то што ты в прымер паставіў, а ты сам напіўся, а я ў цябе ўкрала пісталет. Вот якая ваша міліцыя!” Круціўся, круціўся, як не прасіў. — “Не дам і ўсё. Табе больш будзе, мяне можа апраўдаюць, а табе больш будзе — не бярог ты сваё аружые”. Вот і ўсё. Круціўся, круціўся і аддаў. Парвала, парвала: “Вось цяпер на табе твой пісталет, ідзі, не хадзі сюды больш”»²² [21].

Однако приведенные примеры были скорее исключением, поскольку в большинстве ситуаций права и компетенции милиции и рядового колхозника были несоизмеримы. Страх деревенского жителя перед уголовным наказанием за изготовление и сбыт самогона был очень велик и мог быть использован милиционером даже в преступных целях, в частности для сексуального принуждения. «А ў Захарнічах прадавала адна дачка ў бацькі самагонку. Ён гнаў самагонку, яна насіла ў горад, прадавала, у Баравуху. І міліцыянер яе паймаў, як яна нясла, ну і нада было судзіць. А гэта, яна стала плакаць, прасіцца. А ён гаворыць: “Ну раз такое дзела, ну сагласісь са мной...” І яна сагласілася. Асталася ў палажэнні. Ну а ў палажэнні — эта ж не цяпер, а раньшэ — які пазор быў. Усё, неізвесна, які пазор! На ўвесь род. І яна забрала ў галаву, забрала, і павесілася»²³ (Полоцкий р-н) [Полацкі этнаграфічны зборнік, 2011: 214].

²⁰ «Участковый знал, где хорошая водка... Приедет участковый, он выпить хочет... Ну, складываются калечане (жители д. Калечполье — В. Л., Е. С.) по бутылке. Ну, бывало, что потрясут их, а участковый передаст, что приедут трясти...»

²¹ «Приехал участковый к моему свекру, полез на чердак искать самогон. А он — цоп! — лестницу снял. “Стой, — говорит, — еп твою мать, на чердаке!” А он тогда отвечает: “Николайчик родной, спусти меня. Ничего там нет, ничего я не буду”. “Скулле! Сиди, — говорит, — на чердаке, спускайся сам”».

²² «Заявили. Взяли понятных. Пришли и нашли самогон. Она напояла этого участкового, так напояла, что и понятные напились, и сам напился — все. И заснул, акт составили, все, а он уснул у нее. Она взяла из кобуры пистолет и все. Он встал, цоп-цоп — нет пистолета. Он сразу к ней, а она: “порви акт — отдам, не порвешь — тебе больше будет. Ты пришел, понятных споил, самогон нашел, напился сам до бессознания, не то что ты в пример поставил, а ты сам напился, а я у тебя украла пистолет. Вот какая ваша милиция!” Крутился, крутился, как не просил. — “Не дам и все. Тебе больше будет, меня, может, оправдают, а тебе больше будет — не берег ты свое оружие”. Вот и все. Крутился, крутился и отдал. Порвала, порвала: “Вот теперь на тебе твой пистолет, иди, не ходи сюда больше”».

²³ «А в Захарничках продавала одна дочь самогон отца. Он гнал самогон, она носила в город, продавала, в Боровуху. И милиционер ее поймал, как она несла, ну и надо было судить. А это, она стала плакать, проситься. А он говорит: “Ну раз такое дело, ну согласись со мной...” — и она согласилась. Оказалась в положении. Ну, а в положении — это же не сейчас, а раньше — какой позор был. Какой позор! На весь род. И она повесилась».

В целом, тактику производителей и сбытчиков самогона можно охарактеризовать как «партизанскую», где важную роль играли скрытность (зачастую самогон гнали в лесных урочищах), маскировка (например, транспортировка на рынок в резиновых грелках или молочных бидонах), способы оповещения о рейдах и облавах, система посредников и доверенных особ в процессе продажи. Но особое значение для нелегального промысла имело наличие либо отсутствие солидарности и взаимопомощи в рамках сельского коллектива. В большинстве случаев респонденты отмечают, что первопричиной адресного визита милиции к самогонщику являлось заявление в «органы» кого-либо из односельчан.

Совершенно иной была ситуация, когда вся деревня была заинтересована в нелегальном бизнесе и сообща защищала свои интересы. В д. Калечьполье Глубокского района, жители которой специализировались на изготовлении и продаже качественной алкоголя, существовала своего рода «профессиональная солидарность» самогонщиков. «(А былі случаи, што хто-небудзь данасіў на суседа?) Ай, у нас гэтага не было. Дружна жылі. Калі хто дзе і рабіў самагонку, дык дружна, адзін за аднаго. Ганяла міліцыя, ездзілі. Толька што жылі дружна і адзін аднаго зашчышчалі. Гэта бальшое дзела, што еслі я раблю, а саседзі папярэджуюць мяне, што ёсць міліцыя, і я ўцяку ў лес ад міліцыі»²⁴ [22]. Подобного рода корпоративная солидарность была характерна не только для западных, но и восточных районов Витебщины. «Дзярэўня бальшая была (д. Адворня, Ушачский р-н. — В. Л., Е. С.). У ніх так заведзена: сягоння ты гоніш самагонку, заўтра — ён. Сягоння ён ідзе к табе піць, заўтра — ты. Кажны сасед знаў. Вот усе ругалісь, но за самагонку ніхто нікога не прадасць. А вось каб выдаць, хоць павешай — не скажуць»²⁵ [23]. Следует отметить, что традиции взаимопомощи не ограничивались послевоенным временем, но были устойчивыми в некоторых деревнях и в 1960—1970-е гг. «Если находили самогон или аппарат, давали штраф. 150 рублей — это большой штраф был для сельской местности. В нашей деревне практиковалось, это я ещё хорошо помню, когда человек попадает, то всей деревней по рублю сбрасывались и помогали ему выплатить штраф» [24].

Колхозное руководство всех уровней, являясь органической частью сельского социума, имело собственное представление и отношение к самогону, во многом отличное от официальной позиции государства. Чрезмерная личная «интегрированность» отдельных представителей колхозного и местного советского руководства в алкогольную проблематику официально критиковалась уже в первые послевоенные годы. В 1945 г. был осужден по партийной линии случай, когда председатель Сестренского сельсовета на банкет по случаю 8 марта, который устраивался на квартире секретаря РК КП(б)Б Видзовского района Полоцкой области, привёз 10 литров самогона [5]. В 1947 г. в Дисненском районе Полоцкой области «агроном Леонид Лимановский..., вместо того чтобы присутствовать на поле, где решается успех будущего урожая, зачастую валяется пьяным, допуская грубое нарушение правил агротехники» [Новое жыццё, 1947].

Тем не менее, колхозное руководство отлично понимало реальное положение дел в послевоенной деревне и значимость самогона для сельского сообщества. Не случайно, когда речь шла о производстве алкоголя для личных нужд, прежде всего для надлежащего проведения свадеб или похорон, председатель колхоза

²⁴ «(А были случаи, что кто-нибудь доносил на соседа?) Ай, у нас этого не было. Дружно жили. Если кто где и делал самогон, то дружно, друг за друга. Гоняла милиция, ездили. Только что жили дружно и друг друга защищали. Это большое дело, что если я делаю, а соседи предупредят меня, что есть милиция, и я убегу в лес от милиции».

²⁵ «Деревня большая была (д. Адворня, Ушачский р-н. — В. Л., Е. С.). У них так заведено: нынче ты гонишь самогон, завтра — он. Нынче он идет к тебе пить, завтра — ты. Каждый сосед знал. Вот все ругались, но за самогон никто никого не продаст. А вот чтобы выдать, хоть вешай — не скажут».

не только закрывал глаза на самогонование, но зачастую оказывал материальную помощь в виде сырья для производства алкоголя [Сумко, 2018: 130]. При этом, «колхозная элита» не являлась сторонним наблюдателем, а лично принимала участие в семейных торжествах крестьян. «Самагонка на свадьбу была. Ну, приехаў брыгадзір, прыехаў прадседацель, там цётка, ягонья сёстры... На стала самагонка...»²⁶ [16].

Но куда более важное значение, с точки зрения колхозного начальства, самогон приобрел в качестве средства стимуляции и поощрения труда в тяжелейших послевоенных условиях. Практически все значимые вехи сельскохозяйственного цикла (завершение посевной, начало и окончание жатвы и т. д.) отмечались соответствующими коллективными торжествами, где самогон был угощением и формой благодарности руководства колхозникам. Стоит отметить, что в этом случае самогон производился из колхозного сырья либо закупался в достаточных количествах у производителей. «А гэта ўжо як былі калхозныя абжынкi ў кожнай брыгадзе. Гэта тады ўжо брыгадзір дасць якому мужыку жыта зерна, (той) самагонкі нагоніць. Ну, і тады тожа сабіраліся»²⁷ [24]; «Дажа, калі Кемстач (председатель колхоза. — В. Л., Е. С.) стаў работаць, усегда делалі п'янкi, што зробіць субботнікі — так абязацельна гулянкі. Самагонку ездзілі па дзярэўнях дажа куплялі. Па людзях ездзілі і куплялі канкі (1 канка — 30 літраў). Дзве купім і гулянку гуляем. (Так гэта начальства калхознае пакупала, штобы людзей угасціць?) Да. Начнецца жыта жаць, затым абязацельна абжынкi. Даже без ніякіх нічога. Заканчваецца касенне — і тут гулянку справіць. Ён так плаціў, каб людзі шлі»²⁸ [11].

Присутствие колхозного руководства на таких торжествах было обязательным, что не в малой степени способствовало интеграции всего коллектива. Вопрос о законности подобных мероприятий в контексте борьбы с самогонованием вызывает непонимание со стороны респондентов. «Былі і прэдседацелі, і ўсе. Самагонку ставілі і самагонку пілі. (Сам прэдседацель?) А чо, прэдседацель? Не такі чалавек, як усе? (Так гэта ж нельга, гэта ж забаронена. Там штрафы давалі, не?) Ай, перастацьце, усе пілі. Там і агроном, і ўсе, і прэдседацель, і ўсе эці людзі сабіраліся у якой бальшой хаце і пілі, і гулялі»²⁹ [26].

Фольклорное отображение «самогонной темы» в жанре шуточной (сатирической) песни и частушек представляется совсем не случайным по ряду причин. Сам феномен самогонования в культурном ландшафте белорусской деревни стал актуальным по причине ужасных катаклизмов XX века (коллективизация, II Мировая война, послевоенная разруха) и являлся одним из важных способов жизнеобеспечения сельского социума в экстремальных условиях. Однако изначально прагматика сельского самогонования конфликтовала с правовыми нормами советского государства как занятие нелегальное и даже криминальное. Юмористическая канва в этом случае заключается в народной убежденности в собственной правоте,

²⁶ «Самогон на свадьбу был. Ну, приехал бригадир, приехал председатель, там тетя, его сестры... на столе самогон...».

²⁷ «А это уже как были колхозные обжинки в каждой бригаде. Это тогда уже бригадир даст, какому мужику рожь зерно, (тот) самогону нагонит. Ну и тогда тоже собирались».

²⁸ «Даже, если Кемстач (председатель колхоза. — В. Л., Е. С.) стал работать, всегда делали пьянки, что сделает субботники — так обязательно гулянки. Самогон ездили по деревням даже покупали. По людям ездили и покупали конки (1 канка — 30 литров). Две купим и гулянку играем. (Так это начальство колхозное покупало, чтобы людей угостить?) Да. Начнем рожь жать, затем обязательно обжинки. Даже без никаких ничего. Заканчивается косьба — и тут гулянку справит. Он так платил, чтобы люди шли».

²⁹ «Были и председатели, и все. Самогон ставили и самогон пили. (Сам председатель?) А что, председатель? Не такой человек, как все? (Так это же нельзя, это же запрещено. Там штрафы давали, нет?) Ай, перестаньте, все пили. Там и агроном, и все, и председатель, и все люди собирались в каком большом доме: и пили, и играли».

которая на практике «побеждает» репрессивную государственную политику. «Самагоначку мы гонім, / Самагоначку мы п'ём, / Апараты разбіваюць, / А мы новыя куём»³⁰ [13]. Наряду с мотивом о тщетности запретительных мер юмористический эффект достигается и указанием на двуличность местных властей, которые декларируют официальные ценности, но в реальной жизни органически включены в сферу потребления самогона. «Зьвіньявой я была, буракоў накрала. / Буракоў накрала, самагонкі нагнала. / Самагонка удалася, самагонка удалася, / Самагонка удалася — ўся брыгада напілася. / Як напіўся брыгадзір — на работу не хадзіў. / Аграном як заліў вочы, дык паставіў дзень рабочы. / Заацехнік як напіўся — у кармушку уваліўся. / І з раёну была два, і яшчэ 'дзін галава. / І міліцыя была, самагоначку піла. / Сталі сход сабіраць — каму прэмію даваць. / Зьвіньявой трэба даць — самагонку ўмеє гнаць. / І з цех пор я завуся — самагоншчыца Маруся»³¹ [27].

Принципиально важно, что шуточные песни, такие как «Самогонщица Маруся», не предназначены для индивидуального исполнения и в силу своего характера исполняются коллективно, т. е. являются ментальной реакцией сельского сообщества на государственную политику.

Заключение

Анализ архивных источников и материалов полевых исследований показывает, что самогоноварение в послевоенной белорусской деревне представляет собой сложный социально-экономический и культурный феномен, который объективно способствовал не только хозяйственному восстановлению села, но и служил важным фактором сохранения этнокультурной идентичности в плане реализации важнейших обрядов календарного и семейного цикла, принципиально важных для сельского социума. Нелегальный характер производства самогона при его экономической востребованности предопределил различные стратегии и тактики во взаимоотношениях крестьян-самогонщиков и представителей власти. Многоуровневая прагматика самогоноварения находится в тесной связи с конкретными историческими условиями развития общества в целом, что обуславливает актуальность и перспективность дальнейших исследований в этой области.

Сокращения

ЗГАП — Зональный государственный архив в г. Полоцке.
ФАПУ — Фольклорный архив Полоцкого государственного университета.

Источники

1. Витебщина освобожденная: октябрь 1943 — декабрь 1945 : док. и материалы / сост.: Н. В. Воронова [и др.]. Витебск: Витеб. обл. тип., 2009. 584 с.
2. ЗГАП, 1. Ф. 964. Оп. 2. Д. 49. Л. 7.
3. ЗГАП, 2. Ф. 964. Оп. 2. Д. 77. Л. 12.
4. ЗГАП, 3. Ф. 964. Оп. 2. Д. 71, Л. 12.

³⁰ «Самогоночку мы гоним, самогоночку мы пьем, аппараты разбивают, а мы новые куем».

³¹ «Звеньевой я была, бураков накрала. / Бураков накрала, самогонки нагнала. / Самогонка удалась, самогонка удалась, / самогонка удалась — вся бригада напилась. / Как напился бригадир — на работу не ходил. / Аграном как залил глаза, то поставил день рабочих. / Зоотехник как напился — в кормушку ввалился. / И из района было два, и еще один голова. / И милиция была, самогоночку пила. / Стали собрание собирать — кому премию давать. / Звеньевой надо дать — самогонку умеет гнать. / И с тех пор я зовусь — самогонщица Маруся».

5. ЗГАП, 4. Ф. 964. Оп. 2. Д. 14. Л. 94.
6. Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 2. Народная проза беларусаў Падзвіння: у 2 ч. / уклад., прадм. і паказ. У. А. Лобача. Наваполацк : ПДУ, 2011. Ч. 2. 368 с.
7. ФАПГУ. 2010 г.: Хрол Чеслава Брониславовна, 1930 г. р., д. Хролы Глубокскаго р-на Витебскай обл.
8. ФАПГУ. 2012 г.: Чикун Іосиф Степановіч, 1930 г. р., д. Веретеі Поставскаго р-на Витебскай обл.
9. ФАПГУ. 2016 г.: Малахова Софья Фёдоровна, 1936 г. р., д. Кульнева Россонскаго р-на Витебскай обл.
10. ФАПГУ. 2018 г.: Снежын Станіслава Грыгорьевна, 1923 г. р., д. Жыгулі Верхнедвінскаго р-на Витебскай обл.
11. ФАПГУ. 2017 г.: Моисеенко Мария Филлиповна, 1931 г. р., д. Муравщина Полоцкаго р-на Витебскай обл.
12. ФАПГУ. 2018 г.: Трапук Зінаіда Васильевна, 1932 г. р., д. Азернікі Верхнедвінскаго р-на Витебскай обл.
13. ФАПГУ. 2007 г.: Танана Надежда Александровна, 1932 г. р., д. Гавриловичі Поставскаго р-на Витебскай обл.
14. ФАПГУ. 2018 г.: Котікова Надежда Ісаковна, 1932 г. р., д. Сиротіно Шумілінскаго р-на Витебскай обл.
15. ФАПГУ. 2018 г.: Долгорукая Елена Станіславовна, 1932 г. р., д. Юстіаново Глубокскаго р-на Витебскай обл.
16. ФАПГУ. 2018 г.: Бондар Зінаіда Алексеевна, 1932 г. р., д. Клёны Міорскаго р-на Витебскай обл.
17. ФАПГУ. 2016 г.: Селезнёва Лидия Александровна, 1926 г. р., д. Кульнева Россонскаго р-на Витебскай обл.
18. ФАПГУ. 2018 г.: Денісова Наталья Ивановна, 1964 г. р., д. Чароповка Россонскаго р-на Витебскай обл.
19. ФАПГУ. 2018 г.: Ядзяла Станіслава Адольфовна, 1927 г. р., д. Ёдловічы Браслаўскаго р-на Витебскай обл.
20. ФАПГУ. 2018 г.: Борисевич Роза Людвіговна, 1928 г. р., д. Микітіха Шумілінскаго р-на Витебскай обл.
21. ФАПГУ. 2016 г.: Половая Майя Павловна, 1937 г. р., д. Казімірово Полоцкаго р-на Витебскай обл.
22. ФАПГУ. 2018 г.: Гіль Феофанія Іосифовна, 1940 г. р., д. Калечьполье Глубокскаго р-на Витебскай обл.
23. ФАПГУ. 2018 г.: Снежын Валерий Федоровіч, 1951 г. р., д. Жыгулі Верхнедвінскаго р-на Витебскай обл.
24. ФАПГУ. 2018 г.: Тарасов Виктор Алексеевіч, 1951 г. р., д. Турлаі Оршанскаго р-на Витебскай обл.
25. ФАПГУ. 2012 г.: Сивицкая Кристина Николаевна, 1940 г. р., д. Гулідово Глубокскаго р-на Витебскай обл.
26. ФАПГУ. 2018 г.: Руденок Фёдор Антонович, 1937 г. р., д. Загатые Полоцкаго р-на Витебскай обл.
27. ФАПГУ. 2009 г. Коллектив женщин д. Туміловичі Докшыцкаго р-на Витебскай обл.

Бібліографія

- Беларусы: у 8 т. Т. 4: Вытокі і этнічнае развіццё. Мінск: Бел. навука, 2001. 433 с.
- Гребень, Е. А.* Гражданское население Беларуси в условиях немецкой оккупации (1941—1944 гг.): монография. Минск: БГАТУ, 2016. 496 с.
- Касцюк М.* Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі. Мінск: ВП “Экаперспектыва”, 2000. 308 с.
- Каішталян І.* Эканамічная штодзённасць БССР у 1945—1953 гг. // Репрессивная политика советской власти в Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <http://mb.s5x.org/homoliber.org/gu/tr/tr030112.html>. (дата обращения: 23.09.2018).
- Костров А. И.* Расследование самогоноарения. Минск: Университетское, 1988. 48 с.

- Мусял Б. Савецкія партызаны ў 1941—1944 гг.: Міфы і рэчаіснасць / перакл. з ням. У. Папковіча, нав. рэд. У. Калаткоў. Смаленск : Інбелкульт, 2018. 592 с.
Новае жыццё. 1947. № 69. С. 1.
Сумко А. В. Эканамічны і соцыякультурны аспект самагонаварэння ў сельскім ландшафце Паўночнай Беларусі ў другой палове 1940-х — 1960-х гг. // Вестн. Полоц. гос. ун-та. 2018. № 9. С. 127—135.
Шыбека З. Нарыс гісторыі Беларусі (1795—2002). Мінск: Энцыклапедыя, 2003. 490 с.

References

- Belarusy* [Belarusians]: u 8 t. T. 4: Vytoki i jetnichnae razviccjo (2001), Minsk: Bel. Navuka, 433 p.
Greben', E. A. (2016) *Grazhdanskoe naselenie Belarusi v uslovijah nemeckoj okkupacii (1941—1944 gg.)*: monografija [Civil population of Belarus under German occupation (1941—1944): monograph], Minsk: BGATU.
Kascjuk, M. (2000) *Bal'shavickaja sistjema ŷlady na Belarusi* [The Bolshevik system of power in Belarus], Minsk: VP "Jekaperspektyva".
Kostrov, A. I. (1988) *Rassledovanie samogonovarenija* [Moonshine investigation], Minsk.
Musjal, B. (2018). *Saveckija partyzany ў 1941—1944 гг.: Mify i rječhaisnasc'* [Soviet partisans in 1941—1944: Myths and reality], perakl. z njam. U. Papkovicha, nav. rjed. U. Kalatkoŷ, Smalensk : Inbelkul't.
Sumko, A. (2018). Ekanamiczny i socyjakulturny aspekt samagonavarennia u selskim landszaftie Paunocznej Belarusi v drugoj palove 1940-kh — 1960-kh gg. [Economic and socio-cultural aspects of moonshine brewing in the rural landscape of Northern Belarus in the second half of the 1940s — 1960s], *Vestnik Polockogo Gosudarstvennogo universiteta*, 9. pp. 127—135.
Shybeka, Z. (2003) *Narys gistoryi Belarusi (1795—2002)* [Essay on the history of Belarus (1795—2002)], Minsk: Jencyklapedyja.

АЛКОГОЛЬ В СТРАНЕ СОВЕТОВ

УДК 94(470+571)''19''

«ПИТЬ ПО РАБОЧЕМУ» — ПРАКТИКИ УПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЬНЫХ НАПИТКОВ В РАБОЧЕЙ СРЕДЕ 1940-Х ГОДОВ (По материалам личных дневников А. И. Дмитриева)

А. Н. Кабацков

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия, afsnik@gmail.com

В статье на основании личных дневников Александра Ивановича Дмитриева рассматриваются питейные практики в социальной среде рабочих. А. Дмитриев — квалифицированный рабочий завода № 19 им. Сталина в дневниковых записях военных и послевоенных лет, он описывал события, происходившие с ним, с близкими ему людьми в быту, на производстве, на отдыхе. Он неоднократно описывал различные практики употребления алкоголя, дополняя их собственными комментариями, оценками и суждениями. Социальные контексты употребления алкоголя — в дружеской компании, в праздник, в домашних условиях, постоянно менялись. Вместе с ними менялось символическое и ценностное значение этих практик для самого А. Дмитриева и окружающих его людей. В статье показано, что алкоголь прочно укоренен в жизненной среде советских рабочих как инструмент, позволяющий соединить разрозненные элементы городской культуры, упростить атомизированный мир социальной жизни до простых и понятных на личностном уровне социальных отношений.

Ключевые слова: история сталинизма, советские рабочие, повседневность, городская культура, алкоголь.

«DRINKING AS A WORKER» — THE PRACTICE OF DRINKING ALCOHOL IN THE WORKING ENVIRONMENT OF THE 1940S (Based on the personal diaries of A. I. Dmitriev)

A. N. Kabatskov

Perm State National Research University, Perm, Russia, afsnik@gmail.com

On the basis of the personal diaries of Alexander Ivanovich Dmitriev, drinking practices in the social environment of workers are considered. A. Dmitriev is a skilled worker of the plant No. 19 named after I. Stalin, Molotov (Perm) kept diaries for several decades. In the diary entries of the war and post-war years, he described the events that happened to him, with people close

---

© Кабацков А. Н., 2020

Публикация подготовлена в ходе работы по проекту № 19-04-013 в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

The publication was prepared in the course of work on project No. 19-04-013 in the framework of the Program “Scientific Foundation of the National Research University Higher School of Economics (HSE)” in 2019 and in the framework of state support of the leading universities of the Russian Federation “5-100”.

Ссылка для цитирования: Кабацков А. Н. «Пить по-рабочему» — практики употребления алкогольных напитков в рабочей среде 1940-х годов (по материалам личных дневников А. И. Дмитриева) // Labyrinth. Теории и практики культуры. 2020. № 2. С. 28—36.

Citation Link: Kabatskov, A. N. (2020) «Pit' po-rabochemu» — praktiki upotrebleniya alkohol'nykh napitkov v rabochey srede 1940-kh godov (po materialam lichnykh dnevnikov A. I. Dmitriyeva) [«Drinking as a worker» — the practice of drinking alcohol in the working environment of the 1940s (based on the personal diaries of A. I. Dmitriev)], *Labyrinth. Teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth. Theories and practices of culture], no. 2, pp. 28—36.

to him in everyday life, at work, on vacation. The variety of these records, containing narratives, reflections and a simple description of the life of a Soviet worker, allow the historian to reconstruct important elements of the life world of a city dweller in the 1940s and 1950s.

A. Dmitriev has repeatedly described the practice of drinking alcohol. The social contexts of drinking alcohol — in a friendly company, on a holiday, at home — are constantly changing. In one situation, alcohol can symbolize “freedom” from the norms of factory life, play the role of a simulacrum of a private space. In another situation, alcohol allows you to get or, on the contrary, not get admission to a festive party, it becomes a kind of pass into the network of interpersonal relations. In the network of social exchanges that fill the life of factory communities, alcohol also serves as a universal currency, which is used to pay for services of an informal or even illegal nature.

The article shows that alcohol is firmly rooted in the life environment of Soviet workers, as a tool to connect the disparate elements of urban culture, to simplify the atomized world of social life to simple and personal relations that are understandable at the personal level.

Key words: history of Stalinism, Soviet workers, everyday life, urban culture, alcohol.

В Пермском государственном архиве социально-политической истории находится на хранении ценный исторический источник — дневниковые записи рабочего уральского завода Александра Дмитриева. Они охватывают период в несколько десятилетий. В начале нового столетия их сдали на ответственное хранение в архив родственники автора. В настоящий момент опубликованы материалы его личных дневников за 1941—1955 годы. В отличие от многих известных источников — в записях А. Дмитриева содержится широкий спектр разноплановой информации о быте, досуге, производственной деятельности автора и тех, с кем он общался в повседневной жизни. Кроме того, А. Дмитриев постоянно рефлексировал над происходящим в его жизненном мире, не стесняется проявить свое собственное «Я» в виде оценок, суждений или моральных нотаций. В тоже время, эмоциональный компонент в дневниковых записях проявляется нечасто, что позволяет говорить о рутинизации для Дмитриева практик его ведения.

Практически всю свою жизнь А. Дмитриев прожил в г. Перми и проработал на Пермском моторном заводе¹. Он получил хорошее профессиональное образование в местной Школе мастеров². На заводе ему доверяли ответственные функции по испытанию, а затем проверке качества ремонта авиационных двигателей. Его ценило начальство, о чем он с гордостью писал в дневнике: «На работе мне в/преды³ очень доверяют, и я сам принимаю моторы. Иногда даже боишься... вдруг принять мотор и с ним чего-нибудь потом случится. Тогда и мне попадет и в/преду. Но “плохие моторы” я не принимаю» [Дневник рабочего, 2017: 14.08.1943]. Он не боялся брать на себя ответственность в сложных ситуациях, и осуждал тех, кто сознательно или по безалаберности допускал производственный брак.

А. Дмитриев писал грамотно. Общий стиль дневниковых записей повествовательный. Его кругозор достаточно широкий, чтобы включать в контекст повествования как личностные оценки и суждения, так и воспроизводить топоры из окружающей социальной действительности. В дневнике практически нет элементов идеологического нарратива. Властный дискурс воспроизводился эпизодически, преимущественно в виде пересказа сообщений по радио, заимствований из газет или реплик, услышанных на собрании в цехе.

¹ В 1940—1957 гг. г. Пермь был переименован в г. Молотов. Пермский моторный завод выпускал авиадвигатели, имел цифровую литеру «№ 19», назывался именем Сталина. В годы войны на площадке завода разместили 6 эвакуированных предприятий авиационной промышленности. Ныне завод является частью российской машиностроительной компании — АО «ОДК — Пермские моторы».

² Закончил в 1942 году.

³ Военные представители — представители заказчика, принимавшие продукцию завода.

В рамках настоящего исследования внимание будет направлено на анализ записей 1941—55 годов, затрагивающих практики и обычаи употребления алкоголя в рабочей среде заводского поселка, где жил А. Дмитриев. Тема алкоголя занимает заметное место в его рефлексии и жизнеописаниях. Ее наполнение меняется вместе с трансформацией жизненного мира А. Дмитриева. Благодаря подробностям, которые фиксирует автор дневника, очень часто можно восстановить не только социальный контекст употребления спиртного, но и выявить ценностное содержание этих практик и их символическое значение в системе повседневной жизни советского рабочего.

Для дешифровки социального смысла записей об алкоголе используется методология микроистории К. Гинзбурга [Гинзбург, 2000]. Практики и социальные реакции отдельного индивида, зафиксированные в особом рода источниках, — здесь к таковым можно отнести дневник — позволяют историку рассмотреть социальное прошлое под специальным микроскопом. Эго-документы позволяют историкам, рассматривая детали жизни и рефлексий отдельного индивида, распознать типичные для коллективной социальной реальности феномены, образы мышления, стереотипы оценок и суждений. Можно согласиться с Н. Суржиковой, отмечающей ценность эго-документов для современных исторических исследований [Суржикова, 2014: 6—13]. Важность личных дневников как исторического источника, способного передать широкий спектр эмоций, суждений и оценок конкретного человека, неоднократно демонстрировалась в исторических исследованиях [Быкова, 2014: 119—120]. В то же время, дневники, как доказывал в своем исследовании Й. Хелльбек, — это источник позволяющий историку увидеть коллективные формы социального мышления и даже распознать в них элементы институализированного политического воздействия [Хелльбек, 2017].

В архиве сохранены дневниковые записи с июня 1941 г. Именно на страницах дневника он стал реагировать на перемены, происходившие в повседневной жизни: «Сегодня мне пришла мысль о ведении дневника моей жизни. Жизнь настолько стала скучна, что даже ничем другим я не хочу заниматься. Друзей осталось у меня мало. Семен и Витька — в действующей Красной Армии. Пашка учится. Колька, Петька, Владик и Витька С. в рядах Красной Армии служат действительную службу. Витька Ф. и Толька Ч. на Дальнем Востоке работают на заводе. Один только Габдрахман со мной, да — кроме него — еще Зина — это самая моя любимая девушка. Она первая так мне нравится после Тамары Н., и я очень ее люблю» [3, запись от 23.07.1941].

С друзьями связана его первая запись об алкоголе: «В 11 ч. ночи пришли обратно домой, вытащили в ограду патефон и начали играть и пить. Нас было четверо: я, Колька, Медведь и Вася. Вспоминали, как раньше пили. Говорили «по душам», особенно Медведь со своими философскими высказываниями...» [Дневник рабочего, 2017: 16.08.1941]. Повод для сбора — вполне типичный для первых месяцев войны — проводы в армию двоих товарищей. Организуется процедура по довоенному канону. Коррозия паттерна дружеских посиделок еще малозаметна, хотя и побуждает участников вечеринки заметить отличия от довоенного времени. В речи двадцатилетних парней ностальгическая формула «вспоминали, как раньше пили» исполняет роль символической реакции на перемены в жизненном мире людей, начинающиеся с первых дней войны. Призыв в армию ведет к принудительному разрыву дружеских отношений, а зарождающийся дефицит продуктов ограничивает привычное потребление. Алкогольные напитки были одним из доступных товаров в довоенные годы. И реакция А. Дмитриева на их дефицит: «Сегодня 24-я годовщина Великой Октябрьской революции. <...> Дома ничего нет. Вина и пива тоже нет. Скучно... Утром ходил на демонстрацию, видел Зину с Лелей. Вечером они обещались зайти. Хочется выпить, а пить нечего», — отражается комплексное восприятие перемен в системе снабжения, а вместе с ними и масштаб трансформаций структур повседневной жизни [Дневник рабочего, 2017: 7.11.1941].

В первый год войны Александр Дмитриев ностальгически обращается к теме алкоголя. Весной 1942 года, записывая воспоминания о посещении Москвы зимой 1941 года, он особенно красочно рассказывает о доступности спиртного. Для него возможность свободно купить пиво или вино в столовой, буфете, магазине: «Обедал в заводском кафетерии. И, как обычно, всегда перед обедом и после [н]его выпивал по кружечке пива. Да еще кроме этого все время пил» [Дневник рабочего, 2017: 16.02.1942], — ключевое свидетельство потребительского изобилия до войны. Реальность «мирного времени» он конструирует по лекалам собственной социальной группы — городских рабочих, для которых практики употребления спиртных напитков прочно вошли в ткань повседневной жизни, как отмечала в своих исследованиях Н. Лебина, именно в предвоенное десятилетие [Лебина, 2015: 343—347].

Записывая в воспоминаниях о том, что он «все время пил», пока находился в Москве: «Зайдешь в ресторан, закажешь себе пива, вина, пельмени (их я очень любил кушать), выпьешь и куда хочешь иди. <...> Во многих кино буфет устроен так: на столиках поставлено пиво и разные бутерброды, конфеты, яблоки. Сядишь за столик, пьешь, ешь, а потом подходит официантка и ты с ней за все, что не хватает на столе, расплачиваешься. <...> А когда я ездил к Нине, то всегда перед встречей заезжал в «Кафе», а оно от них находится через дом, и выпивал там для веселья 100 грамм и бутылочку пива. Это тоже было неплохо» [Дневник рабочего, 2017: 23.02.1942], — А. Дмитриев воспроизводит особый образец заводской культуры.

«Пить» — не тождественно девиации и нарушению общественной нормы. Наоборот, это свидетельство материальных возможностей, освоенных правил поведения в дружеской компании, умения разделять работу и досуг на самостоятельные сферы. А. Дмитриев знает, что на работу следует идти трезвым, а когда в цехе много работы — то следует воздержаться от употребления алкоголя: «Но надо работать с 7 часов вечера, а поэтому, хотя бы и водка была, пить нельзя» [Дневник рабочего, 2017: 30.08.1941]. А. Дмитриев считает необходимым оправдаться перед самим собой и воображаемым читателем дневника, когда нарушает эту норму: «В цехе сработал хорошо, хотя был пьян» [Дневник рабочего, 2017: 19.03.1943]. Для него такая ситуация не совсем типичная, так как происходит размывание границ между производственной и досуговой сферами. И он подчеркивает собственный профессионализм как оправдание и одновременно ситуационную компенсацию произошедшего нарушения социального порядка.

Алкоголь — прежде всего компонент досуга: «Где-то у меня есть немного спирту, но я его берегу к свободному вечеру выходного дня» [Дневник рабочего, 2017: 21.07.1942]. Он интегрирован в сеть межличностных отношений в дружеской компании: «Вечером я, Зина, Леля, Вася, Медведь и Женька ездили в цирк. А перед этим Васька принес ликеру «Прощай, наша молодость», и мы его трое выпили — одну четверть литра» [Дневник рабочего, 2017: 24.11.1941], — и его употребление выполняет символическую роль перехода от строгих норм социального общения в производственной или иной жестко нормативной ситуации к менее формальным межличностным отношениям.

Александр Дмитриев, как и окружающие его друзья, коллеги по работе и соседи по заводскому поселку, преимущественно «новые» горожане. Они осваивали правила жизни в урбанизированном сообществе по советскому образцу в 1930-х годах. Завод, на котором трудился А. Дмитриев, начал работать в 1934 году. Формирование г. Перми как промышленного центра Западного Урала — результат властной политики по ускоренной индустриализации. Большинство жителей таких городов сохраняли связи с деревней. А. Дмитриев не был исключением. В трудные и голодные военные годы он благодаря деревенским родственникам реализовал специфичные практики обменов. С завода он вывозил детали авиационных моторов

и обменивал их на продукты питания⁴. Война заставила А. Дмитриева вместо поддержания прежних личностных связей с школьными товарищами активно развивать социальное взаимодействие с нынешней окружающей средой. В этой деятельности важную роль играл алкоголь.

В рамках дружеских отношений алкоголь превращается в специфический пропуск в «нормальную» жизнь. Способность достать алкоголь становится признаком достойного положения. Алкоголь как социальный фильтр мог регулировать доступ к той или иной компании: «Недавно Салим достал пива, и мы решили в прошедший выходной день собраться у нас и провести его, как в довоенное время. Но тут получилось очень интересное дело: Тамара Каютина хотела достать спирту и, соединясь с нами вместе, сообразить общую вечеринку. Написала заявку в баз-аптеку, но там спирту получить не удалось. Тогда мы решили организовать вечер только с пивом. И получилось следующее: в выходной день мне пришлось утром работать. С работы я пришел поздно и застал у себя Салима. Он сказал, что вечер будет у Витьки, и посоветовал мне отказаться от вышеуказанной компании» [Дневник рабочего, 2017: 5.10.1942]. Перед нами ситуация, демонстрирующая избирательный доступ на вечеринку. Неисполнение взятых на себя обязательств компрометирует Тамару и ее подруг, в результате чего Салим, обладающий реальным доступом к ценным ресурсам, требует исключить их из круга потребителей «его алкоголя». А. Дмитриев соглашается с обоснованностью этих требований, предпринимая хитрые шаги, чтобы соблюсти выдвинутое требование и сохранить собственное право на потребление дефицитного ресурса.

Трансформация алкоголя в самостоятельную ценность в рабочей среде обнажает социальные основания, по которым конструируется социальный порядок. Алкоголь, помещенный воображением А. Дмитриева в континуум столичной вечеринки довоенного образца, позволяет ему подчеркнуть успешность провинциальной социализации: «Пил я очень много. Пел им песенки, плясал и танцевал, в общем, в грязь лицом не ударил. Большой успех я там заимел, когда спел им “Синий платочек”. Они эту песенку знали не всю и почти все ее у меня переписали. Там я познакомился с новыми девушками и ребятами: Юркой, Мишей, Валей, Марусей и др. Напились крепко» [Дневник рабочего, 2017: 8.03.1942]. А. Дмитриев с гордостью предъясняет собственную способность быть не просто пьяным, а использовать алкоголь для создания всеобщего веселья, да еще и московских знакомых удивить знанием новых модных песенок.

Становясь дефицитом в рабочей среде — алкоголь также превращается в эквивалент бумажных денег. Им можно расплачиваться за услуги частного порядка: «Шофера угостили водкой, дали 100 руб. денег, да еще вечером я купил ему 0,5 литра спирту по государственной цене. И я, и он остались довольны. Я еще и на свой пай 0,5 литра спирту купил» [Дневник рабочего, 2017: 5.10.1946]. А. Дмитриев так расплатился с незнакомым ему шофером за помощь в перевозке картофеля, добытого в деревне. Социальный обмен, в который он был интегрирован, содержал негласный закон, что помощь должна вознаграждаться. Алкоголь в данной среде — общепринятый заменитель денег. Деньги важный, но в условиях дефицита недостаточный инструмент оплаты услуг, оказанных в частном порядке. Алкоголь становится дополнительным средством расчета, подчеркивая, что в ситуации обмена участвуют понимающие интересы друг друга люди. Социальные хитрости, манипуляция смыслами, конструирование неформальных сетей взаимодействия поверх официальных отношений — неотъемлемый элемент культуры в рабочей среде этого времени (см.: [Кабачков, 2017]).

⁴ Подробнее о практиках выживания А. Дмитриева в годы войны см.: *Кабачков А. Н. Образы войны по дневникам А. И. Дмитриева 1942—1944 гг. // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. № 3 (34). С. 117—128.*

В структуре неформальных отношений, которыми заполнена жизнь заводских поселков, которые дополняют, а иногда даже замещают официальные иерархии на заводе, алкоголь выполняет множество социальных функций. Он помогает участникам вечеринки превратиться в дружеское сообщество. В незнакомой ситуации — позволяет распознать в партнере по коммуникации «социального чужака». В немного другой ситуации, во время вечеринки на квартире у знакомых по заводу, алкоголь выполняет роль «лакмусовой бумажки», позволяющей отличить настоящих «горожан» от «деревенских переселенцев»: «...зашел к Д., а у нее оказалось, что была пирушка <...> Пил там спирт. Компания была все знакомая, но в большинстве были “крестьяне”. Им бы только пить, а чтоб повеселиться, так у них на это и способностей нет» [Дневник рабочего, 2017: 8.03.1943].

Алкоголь позволяет ориентироваться в социальном мире, точнее в его частном пространстве, как отделенном от мира производства, так и сконструированном непосредственно в цеху, или кладовке на время перерыва в работе. Вне официальной структуры он позволяет рабочему человеку определить для себя ориентиры социальных поступков, понять нормативный порядок ситуации. Институализация употребления алкоголя в рабочей среде упорядочивала не просто распитие спиртных напитков, она регулировала мир межличностных отношений, не позволяла ему превратиться в пространство девиаций. С одной стороны, эта среда поселковых отношений была ограничена заводским институтом, а с другой — соприкасалась с институтом семьи.

Александр Дмитриев женился в конце 1943 года, в возрасте 25 лет. В течение первых месяцев после заключения брака семейные отношения играют заметную роль, что отражается в содержании записей. Тема алкоголя и семейных практик появляется спустя два года, уже в мирное время. В его записях можно проследить ясное воздействие семьи на практику употребления алкоголя.

Прежде всего, следует отметить уменьшение спонтанности употребления спиртных напитков. Впрочем, это соотносится с ограничениями, которые накладывают семейные роли на произвольный характер небрачных контактов. Семья поменяла порядок частной жизни А. Дмитриева. Он вынужден заниматься хозяйством, сидеть с ребенком, экономить деньги и продукты. Новые обязанности воспринимаются им как важное социальное бремя. Семья требует денег — и тема заработков постоянно упоминается в дневниковых записях. Он планирует бюджет на несколько месяцев вперед. Подсчитывает выгоды от смены места работы, мотивируя в том числе и более справедливой оплатой труда. С большой гордостью сообщает о дополнительных доходах: «Весь февраль и март я на рынке продавал патефонные пластинки и на этом деле зашибал до 100 рублей в день» [4, запись от 22.06.1946]. Одновременно сетует на общие тяготы жизни после войны: «Все ждали улучшения в жизни, а сейчас как раз наоборот. Жизнь стала еще тяжелей. В магазинах ничего нет. В Особторге тоже ничего нет. На базаре все дорого. Хлеб, например, стоит 40—50 рублей буханка. И еще, пожалуй, дороже будет потому, что коммерческого хлеба в магазинах очень мало.

На нормированные товары цены тоже очень повышены. Жизнь стала очень тяжелой. Особенно это отражается на тех, кто мало зарабатывает» [Дневник рабочего, 2014: 4.11.1946].

Алкогольные практики остались частью его жизненного мира. Но семья их по-новому оценивала. Его прежние социальные достижения, когда он в пьяном виде становился «душой компании», подвергались суровой критике: «И вот, когда мы все напились, одна из девок стала во время танца лезть со мной целоваться. Зина это заметила и давай меня, вместе со своими сестрами укорять. А что я мог сделать, если был сильно пьян» [Дневник рабочего, 2014: 30.05.1946]. И он вынужден оправдываться перед собой, а, может быть, и перед супругой, ведь она могла

увидеть его записи, которые он вечерами делал в тетрадке и хранил дома, на страницах дневника.

Александр Дмитриев осознает ценность семьи. В гостях у отца он старается соответствовать статусу семейного человека: «В праздник Рождества мы были у отца. Покушали пирога, выпили водки и пива. Но я был не пьян» [Дневник рабочего, 2014: 10.01.1947]. Общаюсь с коллегами супруги, на коллективной семейной вечеринке, ведет себя сдержанно, не стараясь сыграть роль «рубахи-парня» и массовика-затейника для всей компании. Ищет оправдания, в диалоге с самим собой на страницах дневника, когда в отместку за семейную ссору позволил себе выпить: «В субботу ходил на вечер работников столовых и чайных. Ходил один. Зина заупрямилась и не пошла. Поругалась с Клавкой. Та тоже не пошла. Я разозлился и ушел один. <...> когда я пришел на [ул.] К. Маркса, то трамвая долго не было. Я пошел пешком и... по пути зашел в «Каму». Там заказал себе водки, пиво и селедочку. Выпил, но закусывать совсем не закусывал» [Дневник рабочего, 2014: 15.01.1947].

Подобные проступки для А. Дмитриева выглядят вынужденными отклонениями от нормы. Дневник «помогает» ему переложить ответственность на ситуацию, на супругу и тем самым морально себя оправдать: «Недавно я повздорил с Зиной, разозлился и со злости в вечер пропил 150 руб. денег. Вначале пил десертное на ул. Ленина в киоске, но с него не опьянел. Потом поехал в Особторг — купил 0,5 л. горного дубняка и выпил его дома. А на другой день уже снова все было хорошо» [Дневник рабочего, 2014: 9.03.1947]. Нормализация семейных отношений, о которой он упоминает в конце, — свидетельство возвращения ритма жизни в упорядоченное состояние.

В дальнейшем, по мере рутинизации семейного быта, появления у супруги неплохой работы, смены им самим работы на более высокооплачиваемую — ритмы социальной жизни Александра Ивановича выглядят менее напряженными, чем в военные и первые послевоенные годы. Он меньше уделяет внимания записям про употребление спиртных напитков, ему не требуется дополнительных оправданий в типичных бытовых ситуациях. Наоборот, он с гордостью стремится предьявить собственные достижения: «В день 8-го марта мы пьянку не устраивали. Я купил Зиночке в подарок одеколон «В полет». Говорят, что он очень хороший», — на фоне которых употребление алкоголя в дальнейшем выглядит уже рутинным и малозаметным событием, сопровождающим типичную для рабочей среды практику проведения досуга в городе: «Зато мы ходили на вечера: в субботу в гараж Молотовугля, а в воскресенье в чайную № 1. Там хорошо выпили, потанцевали. Все прошло хорошо. Я остался этим очень доволен и Зиной тоже» [Дневник рабочего, 2014: 15.03.1951].

Редкие казусы с алкоголем, записи о которых все же встречаются на страницах дневника впоследствии, воспроизводят уже привычные для жизненного мира рабочих паттерны о нормативных границах, отделяющих быт и городскую повседневность от производственного пространства, а также демонстрируют актуальное состояние социальной взаимоподдержки рабочих в проблемной ситуации: «Недавно был у Яшки на именинах. Напились там здорово, и я на другой день, т. е. 14 декабря, проспал на работу. Но очень быстро догадался, что сделать. Пошел к соседу и без десяти минут восемь часов позвонил по телефону на завод. Сказал, что работать не могу, т. к. после пьянки, и за меня остался работать Гуляев. Теперь я ему должен смену, когда-нибудь отработаю» [Дневник рабочего, 2014: 18.12.1951]. Коллеги по работе и непосредственное начальство понимающе воспринимало отдельные срывы работников из-за употребления алкоголя.

Подведем итоги. Война, а затем создание семьи и установление семейных отношений создали в жизненном мире рабочего Дмитриева множество напряженностей.

В дневнике, в диалоге с самим собой, он попытался рефлексировать над сложностями собственной жизни. Для историков такие записи стали бесценным материалом, позволяющим взглянуть на социальный мир советского рабочего изнутри, понять мотивы поступков, выявить модели рационализации и самооправданий.

Записи А. Дмитриева демонстрируют прочное укоренение алкоголя в повседневной жизни советского рабочего класса. В сети социальных обменов, которыми переплетена слободская реальность раннеиндустриального промышленного города, алкоголь стал выполнять целый комплекс социальных функций. В одних ситуациях он выполнял роль специфической валюты, поддерживающей неформальные коммуникации в однородной социальной среде. В других — стал маркером, позволяющим разделить производственное и личное пространство. Семья выступала важным регламентирующим институтом алкогольных практик. Она побуждала советских рабочих принимать соответствующие обязательства в том виде, как их диктовала фабрично-заводская, слободская или социальная традиция. В конечном счете, алкоголь позволял советскому рабочему принять новые нормы жизни в городском сообществе, гибко к ним адаптироваться, подстраивая традиционный по своему культурному наполнению стиль поселковой жизни под сложный мир городской культуры. Благодаря алкоголю атомизированный мир безличных социальных отношений, который воспроизводится в современном городском сообществе, стал для «новых» горожан в процессе властной индустриализации более простым и понятным, адаптированным к элементам сельского быта.

Библиографический список

Источники

- Дневник рабочего III.1946 — XII.1955. Документальная публикация / науч. рук. Лейбович О. Л. Пермь: ПермГАНИ, 2014. [Электронный ресурс] 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Дневник рабочего VII.1941 — VII.1944. Документальная публикация / науч. рук. Лейбович О. Л. Пермь: ПермГАСПИ, 2017. [Электронный ресурс] 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Исследования

- Быкова С. И. Дневники 1930-х годов: terra sovietica incognita // История в эго-документах: Исследования и источники / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: Издательство «АсПУр», 2014. С. 117—138.
- Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М.: РОССПЭН, 2000. 272 с.
- Кабацков А. Н. Жизненный мир советского рабочего в позднюю сталинскую эпоху (по дневнику А. Дмитриева 1945—1953) // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945—1953 гг. М.: РОССПЭН, 2015. С. 183—192.
- Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 488 с.
- Суржикова Н. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? // История в эго-документах: исследования и источники. Екатеринбург: АсПУр, 2014. С. 6—13.
- Шабалин В. В. Пьянка, выпивка, попойка (фоновые практики районной номенклатуры) // Алкоголь в России: материалы второй Международной научно-практической конференции (Иваново, 28—29 октября 2011) / отв. ред. Н. В. Демьяненко. Иваново: Филиал РГГУ в г. Иваново, 2012. С. 19—25.
- Хельбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 424 с.

---

*References**Sources*

- Dnevnik rabocheho III.1946 — XII.1955. Dokumentalnaya publikaciya / nauch. ruk. Leibovich O. L. Perm: PermGANI, 2014. [Elektronnii resurs] 1 elektron. opt. disk (CD-ROM).
- Dnevnik rabocheho VII.1941 — VII.1944. Dokumentalnaya publikaciya / nauch. ruk. Leibovich O. L. Perm: PermGASPI, 2017. [Elektronnii resurs] 1 elektron. opt. disk (CD-ROM).

Research

- Bikova, S. I. Dnevniky 1930-h godov: terra sovietica incognita [Diaries of the 1930s: terra sovietica incognita], *Istoriya v ego-dokumentah_ Issledovaniya i istochniki / In-t istorii i arheologii UrO RAN, Ekaterinburg: Izdatelstvo «AsPUr», 2014, pp. 117—138.*
- Ginzburg, K. *Sir i chervi. Kartina mira odnogo melnika, jivshego v XVI v.* [Cheese and worms. Picture of the world of one miller, who lived in the XVI century], Moscow: ROSSPEN, 2000, 272 p.
- Kabackov, A. N. Jiznennii mir sovetskogo rabocheho v pozdnyuyu stalinskuyu epohu (po dnevniku A. Dmitrieva 1945—1953) [Life of the Soviet worker in the late Stalin era (according to Dmitriev's diary. 1946—1953)], in: *Sovetskoe gosudarstvo i obschestvo v period pozdnego stalinizma, 1945—1953 gg.*, Moscow: ROSSPEN, 2015, pp. 183—192.
- Lebina, N. B. Sovetskaya povsednevnost: normi i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bolshomu stilyu [Soviet daily life: norms and anomalies. From war communism to great style], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 488 p.
- Surzhikova, N. Ego-dokumenty: intellektualnaya moda ili osoznannaya neobhodimost? [Ego-documents: an intellectual fashion or a conscious need?], *Istoriya v ego-dokumentah: issledovaniya i istochniki*, Ekaterinburg: AsPUr, 2014, pp. 6—13.
- Shabalin, V. V. Pyanka, vipivka, popoika: fonovie praktiki raionnoi nomenklatury [Drinking, drinking, drinking (background practices of the regional nomenclature)], in: N. V. Demyanenko (ed.), *Alkogol v Rossii: materialy vtoroj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii*, Ivanovo, 28—29 oktyabrya 2011, Ivanovo. Filial RGGU v g. Ivanovo, 2012, pp. 19—25.
- Hellbek, I. *Revolyuciya ot pervogo lica: dnevniki stalinskoi epohi* [Revolution from the first person: the diaries of the Stalin era], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 424 p.

АЛКОГОЛЬ В СТРАНЕ СОВЕТОВ

УДК 94(470+571)“194”

«ВЫПИВАТЬ ПО-ПАРТИЙНОМУ...»: ПИТЕЙНЫЕ КОНВЕНЦИИ В НОМЕНКЛАТУРНОЙ СРЕДЕ. 1940—1950-е гг.

О. Л. Лейбович

Пермский государственный институт культуры,
Пермь, Россия, oleg.leibov@gmail.com

В статье на основании архивных материалов исследуются алкогольные практики местных партийных работников на рубеже 1940—1950-х гг. Особое внимание уделяется социальным нормам (конвенциям), сложившимся в провинциальной номенклатурной среде. Выясняются факторы, повлиявшие на формирование социальных норм коллективного алкогольного потребления. Речь идет о культурных традициях, освоенных партийными работниками в процессе социализации, а также о формировании корпоративной солидарности по территориальному и функциональному (производственному) основаниям, способах презентации престижной социальной идентичности, властной легитимации алкогольного потребления, воздействии городской окружающей среды. Алкогольные практики номенклатурных работников рассматриваются как составная часть управленческих практик — не досуговых. Предлагается гипотеза, что изменение норм коллективного алкогольного потребления было следствием разграничения публичной и частной (личной) жизни в связи с регламентацией рабочего времени в 1953 г.

Ключевые слова: советское общество в 1946—1955 гг.; партийно-хозяйственная номенклатура, социальная идентичность, культурные конвенции, алкогольные практики.

“PARTY DRINKING...” ALCOHOLIC CONVENTIONS IN A NOMENCLATURE MILIEU. 1940—1950

O. L. Lejbovich

Perm State Institute of Culture, Perm, Russia, oleg.leibov@gmail.com

In the article on the basis of archival materials alcoholic practices of local party workers at the turn of 1940—1950th years are investigated. Special attention is paid to the social norms (conventions) established in the provincial nomenclature milieu. Factors that influenced the formation of social norms of collective alcohol consumption are revealed. It is about the cultural traditions assimilated by party workers in the process of socialization, as well as about the formation of corporate solidarity on territorial and functional grounds, methods of presentation of prestigious social identity, power legitimization of alcohol consumption, the impact of urban environment. Alcoholic practices of nomenclature employees are considered as an integral part of management practices — not leisure ones. Alcoholic practices were a mode of forming a distinctive collective identity. In the mid-1950s, the social norms of nomenclature alcoholic practices underwent significant changes. There was a gradual transition to moderate consumption of alcoholic drinks, as well.

© Лейбович О. Л., 2020

Ссылка для цитирования: Лейбович О. Л. «Выпивать по-партийному...»: питейные конвенции в номенклатурной среде. 1940—1950-е гг. // *Labyrinth. Теории и практики культуры*. 2020. № 2. С. 37—50.

Citation Link: Lejbovich, O. L. (2020) “Vypivat’ po-partijnomu...”: pitejnye konvencii v nomenklaturnoj srede. 1940—1950-e gg. [“Drinking Party...”: drinking conventions In a nomenclature milieu. 1940—1950s], *Labyrinth. Teorii i praktiki kul’tury [Labyrinth. Theories and practices of culture]*, no. 2, pp. 37—50.

It is hypothesized that the change in the norms of collective alcohol consumption was a consequence of the distinction between public and private life in connection with the regulation of working hours in 1953.

Alcoholic practices went into the sphere of leisure — in the home settings, under family control. Thus, they were deprived of their basic social content — to be a tool of integration of the nomenklatura community.

The process of forming unified, more civilized social alcohol practices in the Soviet political class was gaining momentum. The role models were no longer nomenclature norms, but the behavioral rules adopted in the engineering milieu, from which a new generation of party workers were recruited.

Key words: Soviet society in 1946—1955; party and economic nomenclature, social identity, cultural conventions, alcoholic practices.

Отечественные интеллигенты на протяжении всего двадцатого столетия клеймили русское пьянство. Они называли его пороком, распространенным в низших классах населения в силу его отсталости, непросвещенности, подверженности ухищрениям темных сил. Писатели социалистического направления искали причины пьянства в рабском наследии.

«Сейчас живет только второе поколение взрослых людей после крепостного права, — писал в 1929 г. Ю. Ларин. — Весьма понятно, что если все это было так недавно, а крепостное право продолжалось сотни лет, то оно должно было оставить в душе наших трудящихся глубокие следы» [Ларин, 1929: 8].

Влиятельный партийный литератор имел в виду грубость, приниженность, угодливость, но главным образом пьянство, обращая внимание «...на три основные беды от развития алкоголизма»: разложение общественных организаций, снижение производительности труда и «значительное ухудшение положения рабочих» [Ларин, 1929: 18—20].

Люди, придерживающиеся противоположных политических убеждений, видели истоки зла в сознательном спаивании русского народа «иноземцами и иноверцами». Читаем у Ф. Углова: «Значительное число питейных заведений в России принадлежало еврейскому торговому капиталу» [Углов, 1986: 32]. Впрочем, в оценке пагубных последствий винопития идейные противники были солидарны: «Сам же алкоголизм — это потребление спиртных напитков, оказывающее вредное влияние на здоровье, быт, труд, благосостояние общества» [Углов, 1983].

Партийные пропагандисты видели в алкоголизме, прежде всего, пережиток капитализма в сознании людей (см.: [Ларин, 1929]). В свою очередь, в диссидентском лагере — в его социалистическом крыле — можно было услышать мнение, что люди пьют от бессилия что-либо изменить в своем угнетенном положении и от разочарования в коммунистической идеологии (см.: [Ихлов, 1986]).

Заметим, к слову, что тема пьянства в публицистике была прочно привязана к ситуации социальных низов. Как заметил некогда Ю. Ларин: «Основная беда — это пьянство городских рабочих» [Ларин, 1929: 27].

Отечественная социологическая традиция разделяла интеллигентский этос. Исследователи общественных отношений анализировали пьянство как «социальное явление, выражающееся в относительно массовых и устойчивых формах человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе нормам и ожиданиям» [Гилинский, Афанасьев, 1993: 7]. Говоря социологическим языком, пьянство представало одной из форм девиантного поведения, наряду с наркоманией, преступностью и самоубийствами.

Оно «...крайне негативно влияет на экономику, демографию, правопорядок, физическое и нравственное здоровье и образ жизни населения, препятствуют совершенствованию социума» [Барановский, Осипчик, Пилипенко, 2016: 90].

Источники пьянства искали и находили «...в отчуждении личности от норм общественных отношений» [Шереги, 2017: 9]. И только в последнее время в социологической литературе была сформулирована гипотеза, что «...в массовом сознании умеренное потребление алкогольных напитков выступает как социальная норма, как часть бытовой культуры и образа жизни» [Заиграев, 2009: 78].

Можно согласиться с такого рода интерпретацией алкогольного потребления, только уточнив, что речь не только и не столько о явлениях общественного сознания, но и об адекватных ему практиках [см.: Лебина, 2015]. При этом следует учитывать специфику их в разных социальных группах. Рабочие пили иначе, нежели деятели культуры или ответственные руководители партийных, государственных и хозяйственных учреждений. Социальная норма потребления алкогольных напитков в номенклатурной среде и является темой настоящей статьи. Предмет исследования локализован территорией Молотовской (Пермской) области, расположенной на западном Урале. Временные рамки охватывают период 1945—1955 гг. Из сообщества номенклатурных работников исключены кадровые сотрудники карательных органов. Об алкогольных практиках в этой среде есть опубликованные работы [Лейбович, 2016; Шабалин, 2015].

Под социальной нормой в статье понимается совокупность практик, реализуемых членами сообщества как нечто естественное, общераспространенное и общедоступное, в известных ситуациях обязательное, не нуждающееся ни в объяснениях, ни в оправданиях. В данном случае речь идет о норме, не фиксированной в каком-либо регламенте или кодексе, своего рода конвенции между ответственными работниками по поводу коллективного и индивидуального алкогольного потребления в их собственной среде. Социологи знают, что нормы с трудом поддаются описанию по той причине, что их носители относятся к ним как к чему-то само собой разумеющемуся, не фиксируемому ни в частных или казенных бумагах, ни даже в разговорах.

«В истории, так же как и в газете. Нормальное не попадает в заголовки. История состоит из документов, которые сохранились, и они опираются часто на кризисы и несчастья, на преступления и прегрешения, так как эти дела являются темой документального расследования, судебных актов, договоров, доносов, литературных сатир и папских булл. Ни один папа не публиковал буллу, чтобы выразить в ней свое удовлетворение», — замечает исследовательница позднего Средневековья [Tuchman, 2007: 16—17]. Номенклатурные работники, привыкшие жить в ситуации закрытости, сохранения партийных и государственных тайн, тем более оставили мало свидетельств о практикуемых ими социальных нормах как публичных, так и домашних.

Иначе говоря, социальную норму замечают, если с ней сталкиваются люди, ее не признающие, либо в случае нарушения, чаще всего, произвольного расширения ее границ кем-либо из социального сообщества.

Два примера. Начальник областного управления милиции призывал своих подчиненных следовать более правильным образцам поведения, ссылаясь при этом на воображаемое сообщество партийных лидеров: «Почему же наши вожди, которые прошли не через такие трудности и препятствия, пришли в наше время стойкими, крепкими, уверенными в себе, вдохновляя все человечество. С них надо брать пример» [Протокол, 1952: 9].

Он обнаружил эталонную группу («наших вождей»), указал на ее неоспоримые достоинства («стойкость, крепость, уверенность в себе») и потребовал от капитанов и майоров вести себя так же, как т. Сталин и его соратники.

Другой пример — о выходе за границы нормы. Прокурор Молотовской области, проводя плановую проверку состояния социалистической законности в отделенном районе, среди множества нарушений обнаружил и такое:

«Установлено также и то, что после демонстрации в районном центре 7 11 1947 г. б. первый секретарь РК ВКП(б) Кайдалов, председатель райпотребсоюза Любимов и бухгалтер сельпо Елтышев зашли в чайную, где за закуску и вино не уплатили 765 руб. 80 коп. денег, впоследствии списанных на “культурные нужды”» [Доклад, 1948: 152].

Прежде всего прокурор обратил внимание на цену праздничного обеда. Бутылка водки в конце 1947 г. стоила 30 рублей [Печенкин, 2015: 90]. Слово «вино» не должно вводить в заблуждение. В соответствии с дореволюционной традицией в 1940—1960-е гг. вином, или хлебным вином называли водку, что даже нашло отражение в городском фольклоре: «Получил получку я / девяносто два рубля. / Рубль на танцы. / Рубль в кино. / Остальное на вино» [Цитаты]. Стало быть, пили очень много и обильно закусывали. Денег не пожалели. Обед обошелся в 2/3 от месячного оклада жалования сельского секретаря райкома. Попойку в чайной можно было назвать банкетом, или, вырваясь партийном языком, пьяной гульбой.

Секретарь обкома К. М. Хмелевский в объяснительной записке в ЦК при ЦК ВКП(б) категорически опровергал обвинение, что он-де устраивал в г. Кизел банкеты за казенный счет:

«Вас интересовал вопрос, почему в январе месяце 1944 г. на слете, после деловой части, был устроен банкет для артистов? Прежде всего — это был не банкет. Руководство комбината и треста устроило после слета ужин для артистов Ленинградского театра оперы и балета им. Кирова, в числе которых было 10 заслуженных и народных артистов республики. На ужине присутствовали управляющие трестов, секретари горкомов и начальники крупных шахт. Ужин длился не более полутора часов, после чего все разъехались по местам. Никакого пьянства, гульбы, чем обычно сопровождаются банкеты, здесь не было ничего» [Хмелевский, 1945: 28].

По мнению прокурора области Д. Н. Куляпина, секретарь райкома организовал настоящий банкет по случаю праздника. И его смутило или возмутило то, что затраты на вино были списаны «на культурные нужды». Заметим, что в упомянутом докладе не случайно указано, что пили в чайной — в публичном месте, открытом для посторонних глаз. Иначе говоря, бывший секретарь райкома нарушил все мыслимые правила: выпивал с подчиненными за казенный счет, проявил личную нескромность, да еще делал это, не таясь, чем вводил в соблазн колхозников, собравшихся на демонстрацию. Публичность потребления алкогольных напитков номенклатурными работниками была отягчающим обстоятельством в глазах начальства.

В одной из справок, адресованных в Молотовский горком ВКП(б) читаем: «Пьянка и бытовое разложение их все это проходило на глазах рабочих, коммунистов и справедливо надо считать то, когда они спрашивают, когда этому будет положен конец. <...> “Руководители завода пьют, почему мне нельзя”. Такие заявления и настроения не единичны на заводе» [Справка (а), 1946: 11].

Следует заметить, что высшие инстанции считали неформальные контакты номенклатурных работников нарушением принципов партийной жизни, отступлением от служебной этики.

На XIX съезде КПСС секретарь ЦК Н. С. Хрущев предупреждал партийных товарищей:

«Там, где собирается семейка своих людей — приятелей, родственников или земляков, — неизбежно создается тихая заводь, стремление взаимно укрывать недостатки, возникает круговая порука» [XIX, 1952].

С точки зрения партийного руководства, любое неформальное объединение партийных кадров было недопустимым. В 1937 г. Сталин призвал бороться против «артелей», складывавшихся вокруг того или иного руководителя [Сталин, 1995: 12]. С того времени партийные органы неоднократно напоминали, что номенклатурным работникам следует поддерживать между собой только сугубо официальные

отношения, ни в коем случае не дружеские, избегать внеслужебных контактов. Впрочем, все эти призывы на практике игнорировались. Секретарь обкома ВКП(б) вынужден был констатировать, что районная «головка» представляет спаянную группу:

«В Нытве, например, укоренилась такая система, когда многие районные руководители объединились в один “дружный” коллектив на почве систематических семейных встреч и выпивок по всякому поводу и даже без повода. Сегодня у одного именины, у другого завтра крестины, у третьего — свадьба и т. д. и т. п. И вот, начиная с секретарей райкома, районные руководители — и партийные, и хозяйственные, и советские, и прочие систематически гостят от одного к другому, выпивают, веселятся, развлекаются» [Стенограмма, 1946: 33].

Бюро обкома уже при другом секретаре наложило взыскания на районных руководителей за то, что они вместе отмечали торжественные даты:

«Нередко в праздничные дни тов. Мальцев устраивает коллективные попойки с участием членов бюро райкома партии тт. Колчановым, Горцуновым, Бириним и Артемовым, что создает затхлую обстановку в бюро райкома, порождает беспринципность и безответственность и не способствует развертыванию критики недостатков в работе» [Протокол, 1953: 21].

Перед первым секретарем сельского райкома вставала дилемма: или не пить совсем, может быть, пропускать рюмку-другую в кругу семьи, либо нарушать установленные сверху правила. Кроме начальника отдела МГБ все остальные жители района так или иначе попадали под категорию подчиненных. Впрочем, и начальник отдела МГБ, как правило, был членом бюро райкома — выпивать с ним означало породить все те же беспринципность и безответственность. В свою очередь, служебными инструкциями чиновникам министра госбезопасности не рекомендовалось устанавливать личные связи с партийным начальством. Начальник одного из райотделов МГБ Молотовской области за то, что он «...находился в приятельских отношениях с секретарем райкома ВКП(б)...», был «...в марте 1951 года переведен на работу в другой район и предупрежден, что если допустит подобные действия, будет снят с руководящей работы» [Семенова, 1951: 25]. Как правило, секретари райкомов не выполняли требование не пить с подчиненными.

Люди, работавшие вместе, несшие коллективную ответственность, часто сверстники со сходной траекторией социального продвижения, семейными традициями, устанавливали между собой личные и семейные связи, формировали узы социальной солидарности, необходимые для поддержания ранговой идентичности, отгороженности от иных местных сообществ. Как правило, эти контакты поддерживались с помощью алкогольных практик, заимствованных либо из родительских обычаев, либо из фронтового опыта.

Добавим, что в годы войны потребление водки было санкционировано высшим руководством. Приказы о фронтовых «ста граммах» были подписаны Верховным главнокомандующим [Горьков, 2002: 505—506].

Открытые после войны павильоны и ларьки вблизи заводских проходных предоставляли каждому желающему возможность выпить на ходу те же сто двести граммов водки. Депутат районного совета М. Н. Колпаков предложил на сессии упорядочить торговлю алкоголем:

«Неужели нельзя запретить торговлю водкой на разлив в киосках и ларьках, чтобы прекратить все эти пьяные беспорядки? До каких же пор мы будем преклоняться богу вина и водки греческой мифологии Бахусу? До каких пор мы будем отдавать жертву этому ненасытному богу Бахусу наших советских людей. <...> Нельзя продавать водку на улице, на разлив у каждого киоска и ларька. Это нужно запретить категорически» [Колпаков, 1951: 7, 9].

Его «...не хотели просто слушать, а некоторые руководящие работники просто мне говорили, что я не понимаю политики партии и правительства, что я подрываю этим самым экономику нашей страны» [Колпаков, 1956: 106].

Речь шла в данном случае о выполнении напряженного плана по товарообороту алкогольной продукции в масштабе района. Но не только. С фискальной точки зрения, «некоторые руководящие работники» были правы. В цену каждой бутылки водки было заложено 89 % налога с оборота (см.: [Старовский, 1953]).

Областные руководители также не давали примеров воздержания. В стенограмме пленума Молотовского обкома ВКП(б) читаем:

«Мне кажется, надо будет бюро областного комитета заняться аппаратом областного исполнительного комитета. Там такая атмосфера создавалась нетерпимая. Существуют такие разговоры, если раньше было два заместителя председателя облисполкома, которые помалу не пили, то там теперь три заместителя, которые помалу не пьют — Левченков, Гительман, о Гладкове здесь говорили» [Стенограмма, 1950: 181]¹.

Алкоголизм в партийных кругах считался заболеванием, чем-то вроде воспаления легких, сердечной недостаточности. Собственный корреспондент газеты «Звезда» писал секретарю обкома, что в борьбе с антипартийными элементами он подорвал свое здоровье, «достукался до полового бессилия, до того, что в ближайшее время могу стать алкоголиком. Если нужен партии — то спасите» [Данилкин, 1950: 35].

У стен партийных комитетов современники видели разлитое море пьянства. Майор Некрасов, откомандированный в г. Молотов, писал в ЦК ВКП(б):

«Взять Молотовскую область, я нигде не видал такого массового пьянства мужчин и женщин, что в рабочий день валяются по городу не десятки, а сотни пьяных мужчин и женщин, подчас в трамвае валяется пьяный, милиционер спокойно перешагивает через него, в результате массовое нищенство в городе, забываются отцовские и материнские обязанности, развита проституция открытая, усиливается влияние поповщины... Все пущено на самотек, да я не знаю, как на это смотрит обком ВКП(б) и другие ответственные лица в области и в городе. Хотя им в особняках и на дачах где же все это видеть, пешком они не ходят» [Армейская, 1952].

Если автор письма и преувеличивал, то очень немного. В выступлении М. Н. Колпакова на пленуме райсовета говорилось о том же самом:

«Почти под самыми окнами райисполкома на трамвайной остановке расположены три ларька, которые торгуют водкой на разлив. Тут творится что-то невообразимое. Везде толпятся завсегдатаи, всегда вы услышите матерную ругань, грубые выкрики, всюду вы увидите тут пьяных. И это на глазах райисполкома и блюстителей порядка — постовых милиционеров».

Очень часто можно видеть, как некоторые пьяные люди, уже потеряв всякое человеческое достоинство, в самых некрасивых и неприятных позах валяются тут же у ларьков на панели. Люди проходят и смеются, некоторые возмущаются и плюются, а невозмутимый милиционер не обращает на это никакого внимания» [Колпаков, 1951: 6—7].

---

¹ У М. И. Гладкова была репутация горького пьяницы, не нуждавшегося в собутыльниках. «Когда придем к нему, говорит — не приму, нет время, то еще что-нибудь, неоднократно заставлял его крепко выпившим. Сразу просили секретаря, чтобы она доложила Гладкову о нашем приходе, сначала пообещает принять, посидим в приемной, лично сам видел — принесут ему пива в кабинет, иногда бутылку — две из буфета официантка, а иногда сходит туда сам и через некоторое время его личный секретарь закрывает на ключ, говоря, нет Гладкова у себя, не дождавшись приема, приходится уходить» [Балчугов, 1947: 22—23]. Несмотря на это, секретарь обкома считал М. И. Гладкова ценным работником: «Как по опыту, так и по объему выполняемой работы, тов. Гладков стоит значительно выше тех работников, которые работают сегодня заместителями председателя горисполкома» [Хмелевский, 1947: 6].

Партийные работники городского и районного звена ходили пешком и видели то же, что майор Некрасов — автор письма в ЦК — и заводской профсоюзный активист Колпаков, но в отличие от него привыкли к таким картинам с натуры, оправдывающим их собственные подобные практики.

Рассмотрим по имеющимся в распоряжении историка материалам социальные конвенции — нормы алкогольных практик в номенклатурном сообществе.

Прежде всего, отметим, что с точки зрения начальства, алкогольные эксцессы, если и были нарушениями партийной дисциплины, то простительными и незначительными. Если ответственный работник справлялся со своими обязанностями, его непосредственное руководство мирилось с его склонностью к питию. Секретарь обкома наставлял своих подчиненных: «Ты так построй работу, ну, если пьет, пусть пьет, если женщину обнял, пусть обнимает, лишь бы план выполнял» [Стенограмма, 1950: 158].

Торжественные мероприятия, как правило, заканчивались банкетом с обильным употреблением водки и вина. В объяснительной записке участника «товарищеского ужина», устроенного для ответственных работников по случаю встречи председателя ВЦСПС Н. М. Шверника с избирателями, отвергалось обвинение в адрес секретаря Молотовского райкома ВКП(б): «...я не слышал о его шумных требованиях достать ему водки, да вряд ли это и требовалось, так как водки на этом ужине для человека, желающего выпить, было вполне достаточно» [Утяшев, 1946: 27].

Секретарь райкома, а в недавнем прошлом начальник цеха на заводе № 172 Наркомата вооружения СССР, имел репутацию пьяницы, скандалиста и матерщинника: для домашних посиделок требовал спирт у директора пищекомбината, угрожал ему арестом и пр. «Тов. Бессарабенко сильно увлекается выпивкой, это знают все в районе. Часто не выходит на работу по этой причине» [Шафиев, 1946: 22].

Поводом для партийного расследования стал скандал на квартире второго секретаря райкома М. Х. Утяшева. По случаю рождения ребенка в ней собрались заводские и районные начальники: парторг ЦК ВКП(б), главный инженер завода, директор хлебокомбината, начальник милиции, прокурор, заместитель директора завода, директор пищекомбината. После ужина секретарь райкома стал буянить, требовать еще спирта, угрожать расправой и пр. Директор пищекомбината пожаловался в горком партии.

На докладной записке, посвященной пьяным подвигам неугомонного секретаря, есть резолюция К. М. Хмелевского: «Тов. Попову! Обсудить на бюро горкома и строго предупредить тов. Бессарабенко — если он не прекратит пьянство и грубости, будет снят с работы» [Резолюция, 1946: 17]. На партийном языке это означало — оставить без взыскания, ограничиться обсуждением.

Попробуем понять причины, почему секретарь обкома в этом случае проявил не характерную для него снисходительность. Партийные работники крутой нрав К. М. Хмелевского знали и откровенно его побаивались. «Шевелин (Краснокамск): Мне непонятно, как большевики могут так пасовать перед авторитетом т. Хмелевского. Почему такое мандраже получается? /в зале смех/» [Стенограмма, 1950: 58]. Смех, по-видимому, был не очень веселым.

Никаких личных отношений у К. М. Хмелевского с секретарем райкома не было. А. К. Бессарабенко на партийную работу выдвинул его предшественник Н. И. Гусаров.

Предположим, что пьяные эксцессы молодого партийного работника были едва заметным отклонением от условий негласного договора по поводу алкогольных практик в номенклатурной среде.

Они происходили в замкнутом пространстве, закрытом от глаз посторонних, в так называемой «нулевке» — в огороженном особняке, окруженном садом, где отдыхало руководство завода № 172, или в просторной отдельной квартире.

Посторонние граждане не могли быть свидетелями начальственного пьянства. Авторитет партийных работников не пострадал.

Среди участников попойки и на товарищеском ужине в «нулевке», и на квартире, где был устроен «пир», по выражению одного из его участников, были только номенклатурные работники высшего и среднего звена. Бессарабенко вспомнил, что ужинал вместе с заместителем министра вооружения, главным инженером завода и другими высокопоставленными лицами, так что в их присутствии он не мог бегать по саду и кричать: «На каком основании не даете водки первому секретарю райкома партии?» [Бессарабенко, 1946: 24]. В «нулевке» он пил с людьми, равными ему по положению, или вышестоящими, но ни в коем случае не с подчиненными. А вот на квартире секретарь райкома от этого правила отступил: устроитель «пира» был его заместителем, среди гостей были люди зависимые: начальник милиции, хозяйственники. Распивать с ними водку было нарушением негласной конвенции. Застигнутый на месте преступления спустя десять лет другой секретарь райкома в объяснительной записке признавал свои ошибки:

«Виновен я тут в том, что совершил два непростительных поступка — выпил с подчиненными и совершил половой акт с подчиненной, с посторонней женщиной» [NN, 1955: 162].

Бессарабенко к женщинам не приставал, стало быть, совершил поступок хоть и неправильный, но все-таки простительный, поскольку буянил в собственном кругу, более того, совместные попойки не снижали его требовательности к подчиненным. В «Справку», составленную для бюро горкома ВКП(б), были включены высказывания работников партийного аппарата о стиле управления первого секретаря: «тов. Утяшев сообщил, что тов. Бессарабенко очень груб в обращении с работниками, на работе, что его боятся, и он сам боится его окриков в повседневной встрече с ним по работе. Вопросы о поведении тов. Бессарабенко нигде и ни перед кем не ставил, считая, что характер тов. Бессарабенко известен и вышестоящим организациям.

Тов. Бородина — второй секретарь РК ВКП(б) — подтверждает грубости тов. Бессарабенко, сообщила, что к нему, к его требовательности надо привыкнуть, что он требовательный в работе, не терпит невыполнения его указаний, это неплохо, но в отношении к работникам, как человек, очень груб» [Справка, 1946: 18].

С партийной работы его, в конце концов, сняли после того, как А. К. Бессарабенко нарушил еще одно негласное правило: при посторонних держать себя в рамках. На отдыхе в Севастополе он устроил скандал на теплоходе: «зашел в ресторан 1 класса с пьяными старшинами». Уходить из ресторана не захотел. «Несмотря на предупреждения, тов. Бессарабенко был неумолим, продолжал безобразничать в ресторане, высказывал разные недостойные фразы и слова, выражался нецензурными словами, не обращая внимания на присутствующих. Своим поведением Бессарабенко унизил достоинство и честь члена партии. Он засуживает привлечения к строгой ответственности», — писал в обком ВКП(б) комендант военно-морской части гарнизона г. Новороссийска [Ежель, 1946: 284]. В 1947 г. А. К. Бессарабенко был откомандирован на работу в атомный проект СССР в г. Арзамас-16 директором завода².

В последнем казусе можно обнаружить нарушение еще одной социальной нормы, назовем ее выездной. Партийный работник, отправляясь в служебную командировку в большой город или на отдых, приобретал условную «шапку-невидимку». Из ответственного товарища, хорошо известного по внешности соседям, случайным прохожим, бывшим и нынешним сослуживцам, он превращался

² Был награжден орденами, Сталинскими премиями. «Одна из улиц г. Сарова названа именем А. К. Бессарабенко — это дань памяти первому директору завода и замечательному человеку» [Бессарабенко, 1996: 27—32].

просто в хорошо одетого мужчину, достаточно молодого, осанистого, румяного, обеспеченного и привлекательного. В режиме инкогнито этот человек мог быть, кем угодно: военным в штатском, крупным инженером, деятелем искусств — и вести себя соответственно: обедать в ресторанах, знакомиться с женщинами, не скупиться на выпивку. Если не было эксцессов вроде приглашения в «ресторан 1 класса» пьяных нижних чинов, такое поведение сходило с рук. В противном случае, от анонимности ничего не оставалось. И в партийную организацию поступал соответствующий сигнал, чаще всего из гостиницы.

Выезд в областной центр даже по сугубо служебной надобности создавал ситуации, побуждающие к потреблению алкоголя. Партийные секретари по пути в обком могли выпить по дороге в ближайшем кафе стакан-другой вина и в таком виде явиться с докладом.

«Первый секретарь Нытвенского райкома партии т. Сергеев также допускал факты недостойного поведения. В первый день проведения VI областной партийной конференции т. Сергеев явился в нетрезвом состоянии. Был случай явки т. Сергеева “навеселе” на один из пленумов обкома в 1954 году.

В марте т. г. в обком КПСС прибыл секретарь Соликамского горкома партии т. Пьянков, который перед приходом в обком изрядно выпил в кафе и к секретарю обкома КПСС т. Галаншину явился уже в нетрезвом состоянии. Тов. Пьянкову указано на недостойное поведение» [Шмуляй, 1955: 8]. Заметим, что нарушение хотя и было зарегистрировано, но сочтено маловажным, не заслуживающим взыскания.

В объяснительной записке Утяшева есть примечательные слова: «Как видно из изложенных выше данных, все случаи моей выпивки не имеют специальной цели выпивки, а связаны с теми или иными официальными моментами, где приходится позволять себе “выпить” по занимаемому положению, если не считать товарищеского ужина (или вечер) у меня на квартире 2 мая 1946 года» [Утяшев, 1946: 28].

«Выпить по занимаемому положению» — в этом обороте есть прямое указание на доминантную социальную норму. Человеку, занимающему определенное положение в партийных структурах, полагается принимать участие в официальных мероприятиях — заседаниях, торжествах, приемах. На «товарищеский ужин» в «нулевку» Утяшев получил срочное приглашение от директора завода по телефону. Ему пришлось даже отменить запланированное совещание и немедленно прибыть по указанному адресу. Иначе говоря, он получил приглашение, от которого не имел права отказаться. Как только Утяшев оказался на месте, ему тут же налили водку: «Мне, как опоздавшему, был предложен довольно объемистый тост, который мне пришлось выпить» [Утяшев, 1946: 27].

«Объемистый тост» — это фужер, бывший чем-то сродни кубкам большого орла, которым петровские гвардейцы потчевали участников гуляний в Летнем саду. Другими словами, речь шла о ситуациях вполне официальных, в которых нельзя было отказываться от употребления алкоголя.

И здесь уместно поставить вопрос, являлись ли алкогольные практики досуговым мероприятием, либо они были влетены в административную, управленческую активность. Этот вопрос можно сформулировать проще: где, когда и с кем полагалось пить.

Как мы уже видели, были специально отведенные места — «нулевой объект завода № 172» в Мотовилихе или так называемая «дача Хмелевского» возле Кировского завода — на другом конце Перми: «Дача была обставлена так, что там всегда имелись пиво, водка, закуски — и все это за государственный счет» [Стенограмма, 1950: 156]. Пользовались ей ответственные работники завода № 98 вместе с секретарями райкома. Туда приезжали в любое время суток, в том числе и днем. Тех, кто не мог ходить, отвозили домой; более стойкие возвращались к рабочим местам. Из сохранившихся документов не ясно, обсуждались ли за столом деловые

вопросы, как это происходило десять лет назад в г. Свердловске в квартире председателя областного суда Чудновского (см.: [Колдушко, 2006: 195—212]). В официальные бумаги попадает далеко не все, так что есть основание предположить, что со стаканом водки партийные чиновники разговаривали не только на бытовые темы.

Если в районе не было возможности оборудовать соответствующий объект, то для совместных выпивок использовались подручные средства: прогулочный катер, например. Районный прокурор информировал обком, что местным начальством «...был дан обед для рабочих в столовой, а для районных работников — на катере. Обслуживала районных работников официантка Ключарева, расходы были отнесены за счет подсобного хозяйства рейда» [Конев, 1949: 10].

Во всяком случае, на этих закрытых объектах проходили служебные мероприятия, бывшие обязательной итоговой частью конференций, торжественных заседаний. Кроме того, до марта 1953 г. ответственные работники пользовались услугами буфета на протяжении рабочего дня, продолжавшегося для них до самого утра. Потребление алкогольных напитков входило тем самым в их аппаратные практики, сопровождало их служебную деятельность. Иначе не объяснить укоренившиеся в номенклатурной среде привычки начинать рабочий день со стакана портвейна, за обедом принимать две-три рюмки водки и в таком состоянии идти на прием к секретарю обкома или на заседание партийного пленума. После упорядочения рабочего дня для ответственных работников и антиалкогольных правительственных мероприятий партийные инстанции пытались отучить ответственных работников приходить на службу в нетрезвом виде. Такого рода поведения теперь называлось недостойным.

Все эти дачи и «нулевые объекты» были нужны для того, чтобы партийные работники не напивались в публичных местах: ресторанах, кафе, гостиницах, в местах народных гуляний, в поездах. Проступки такого рода рассматривались партийными органами как серьезное дисциплинарное нарушение.

Председателя сельского райисполкома строго предупредили за то, что он «...напился в чайной села Березовка до невменяемого состояния и долгое время валялся под столом» [Шмуляй, 1955: 7]. В более активном состоянии этот советский работник, возвращаясь с пленума обкома КПСС, на котором активу сообщили о причинах изменений в в правительстве, «...поехал на поезде, изрядно выпивший, с порывами броситься с кулаками, кричал: “Ах, он такой-сякой Маленков”, но его придерживали неизвестные пассажиры» [Еловиков, 1955: 9].

К середине 1950-х годов алкогольные практики в номенклатурной среде подверглись изменениям.

Был упорядочен рабочий день. В соответствии с постановлением правительства установили «...с 1 сентября 1953 г. для учреждений и организаций союзного и республиканского значения, находящихся в г. Москве, начало работы с 9 часов утра и окончание работы в 6 часов вечера с перерывом на обед продолжительностью 1 час». Министров обязали внести соответствующие изменения в регламент работы подведомственных им учреждений [Постановление, 1953].

Если у секретарей райкомов и до массового жилищного строительства была в их распоряжении отдельная квартира, то после августа 1953 г. у них появилась время до полноценной приватной жизни в кругу семьи, а не только товарищей по работе. Контроль над алкогольным потреблением постепенно из служебных кабинетов вышестоящих руководителей перемещался в семью, где он был плотнее и жестче. Одновременно у людей появился досуг, позволяющий им самостоятельно планировать свободное время. Повторюсь: алкогольные практики постепенно становились семейным делом; родственники и свойственники постепенно вытесняли из застольного круга товарищей по партии.

Власти уже в 1954 г. начали первую антиалкогольную кампанию. Спустя год правительство запретило продавать водку в рабочих столовых и буфетах, а также на разлив в общественных местах и во время массовых гуляний.

Постановления ЦК КПСС и правительственные меры по борьбе с пьянством поставили под вопрос легитимность номенклатурных практик — служебных, коллективных, не стеснительных. Пьянство на рабочем месте стало рассматриваться как серьезное нарушение партийной дисциплины. Страдающие запоями секретари лишались должности. Так Молотовский обком КПСС в октябре 1956 г. поступил с секретарем Боровского горкома за то, что тот «...вместо пресечения фактов недостойного поведения ответственных работников, сам встал на путь пьянства. Он принимал участие в коллективной пьянке, в течение 2 дней (31 декабря и 1 января 1956 г.) на квартире у тов. Демидкина. Кроме того, тов. Шандицев вместе с директором бумкомбината тов. Макушиным допустили выпивку 18 января 1956 г. в центральной гостинице г. Молотова после окончания областной партийной конференции. А в день отъезда из Молотова, 19 января тов. Шандицев вновь напился пьяным.

В начале мая 1956 г. тов. Шандицев пьянствовал с 1 по 7 мая. В эти дни он на работе появлялся лишь утром на 5—10 минут» [Телепов, 1956: 65].

Такое поведение стало считаться для партийного работника нетерпимым.

В середине 1950-х годов социальные нормы номенклатурных алкогольных практик подверглись существенным изменениям. Наблюдался постепенный переход к умеренному потреблению горячительных напитков: нельзя напиваться до положения риз, устраивать скандалы, впадать в запой и пр.³ Алкогольные практики переходили в сферу досуга — в домашнюю обстановку, под семейный контроль. Тем самым, они лишались своего основного социального содержания — быть инструментом интеграции номенклатурного сообщества, способом формирования особой коллективной идентичности.

Можно предположить, что со второй половины 1950-х годов в обществе набрал силу процесс формирования единых, более цивилизованных социальных практик, в том числе и алкогольных, в советском образованном классе. Причем образцом для подражания выступают уже не номенклатурные нормы, но поведенческие правила, принятые в более интеллигентной инженерной среде, откуда рекрутировалось новое поколение партийных работников.

Библиографический список

Источники

- XIX съезд ВКП(б) — КПСС (5—14 октября 1952 г.). Документы и материалы. URL: <http://stalinism.ru/dokumentyi/materialy-xix-s-ezda-vkp-b-kpss.html?showall=&start=5>. (дата обращения: 8.11.2018).
- NN — А. И. Струеву. 24 07 1955 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 146.
- Армейская дисциплина — в офицерском письме 1952 года. URL: <http://archive.svoboda.org/programs/hd/2003/hd.030703.asp> (дата обращения: 12.11.2018).
- Балчугов — УМГБ. Объяснение. 27 02 1947 г. // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 152.
- Бессарабенко. Объяснения Бессарабенко. Май 1946. Без даты // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 146.

³ Читаем в протоколах партийного бюро УМВД по Молотовской области характерный диалог: «Тов. Цикляев: А Вы сами всю ночь пили, топали, на лестничной площадке кого-то из вас стошнило. Так вести себя нельзя. Тов. Арутюнов: Что же выходит, что нашим работникам нельзя и собраться вместе и нельзя петь? Замкнуться в рамки и не знать никого. Тов. Цикляев: Можно и собираться вместе, можно и петь, и танцевать, но не всю же ночь петь и стучать, топтать, мешать людям отдыхать» [Протокол, 1956: 68].

- Горьков Ю. А.* Государственный Комитет Обороны постановляет (1941—1945). Цифры, документы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 575 с.
- Данилкин М. Т. — Прассу Ф. М. 27 04 1950 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 16. Д. 176.
- Доклад о состоянии социалистической законности в Юго-Осокинском районе Молотовской области. 17 11 1948 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 137. Л. 152.
- Ежель — секретарю Молотовского обкома ВКП(б). Октябрь 1946 г. // ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 159.
- Еловиков — Первову. Справка о некоторых фактах недостойного поведения председателя Уинского райисполкома тов. Батракова И. Е. 1955. Без даты // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 22. Д. 145.
- Колпаков М.* Выступление т. Колпакова на сессии районного Совета Мотовилихи. 8 06 1951 // ГАПК. Ф р — 952. Оп. 1. Д. 114.
- Колпаков М.* Выступление тов. Колпакова — председ. культурно-массовой комиссии завкома, на партийном собрании завода им. Молотова. Апрель 1956 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 23. Д. 115.
- Конев М. Ф. — Хмелевскому К. М. 1949. Без даты // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 15. Д. 187.
- Постановление Совета министров СССР от 29 августа 1953 г. № 2295. О режиме рабочего дня в министерствах, ведомствах и других советских учреждениях // Библиотека нормативно-правовых актов СССР / http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4906.htm (дата обращения: 13.11.2018).
- Протокол № 1 общего партийного собрания парторганизации Управления милиции. 3 01 1952 // ПермГАСПИ. Ф. 1624. Оп. 1. Д. 44.
- Протокол № 32 заседания бюро <Молотовского>обкома КПСС от 13 марта 1953 г. // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 41.
- Протокол № 14 заседания бюро парторганизации УМВД по Молотовской области. 21.04.1956 // ПермГАСПИ. Ф. 1624. Оп. 1. Д. 20.
- Резолюция К. М. Хмелевского. 10 06 1946 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 146.
- Семенова З. — Секретариат ЦК ВКП(б). 14 V 1951 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 17. Д. 191.
- Справка. О нетактичном поведении первого секретаря Молотовского райкома ВКП(б) тов. Бессарабенко А. К. 10 06 1946 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 146.
- Справка (а) о морально бытовом разложении коммунистов завода № 260 / зам. директора т. Судомоева, зам.секретаря партбюро т. Царькова и председателя завкома т. Толмачова. Сентябрь 1946 // ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 58.
- Сталин И. В. Из речи т. Сталина. 5 марта 1937 года: Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. 5 марта 1937 года. Вечернее заседание // Вопросы истории. 1995. № 12. С. 11—23.
- Старовский В. Н.* Докладная записка ЦСУ СССР Г. М. Маленкову об изменении государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары по сравнению с довоенным уровнем. 8 декабря 1953 г. Секретно // Советская жизнь. 1945—1953 / сост. Е. Ю. Зубкова, Л. П. Кошелева, Г. А. Кузнецова и др. М.: РОССПЭН, 2003. 720 с. (Документы сов. истории) // <http://istmat.info/node/18465> (дата обращения: 15.11.2018).
- Стенограмма 21-го пленума обкома ВКП(б). Т. 1. 15 июля 1946 г. // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 9.
- Стенограмма VI пленума Молотовского обкома ВКП(б) 13—14 января 1950 г. // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 16. Д. 2.
- Телепов, Воробьев — Струеву А. И. Справка о непартийном поведении секретарей и некоторых членов бюро Боровского горкома КПСС. 20 мая 1956 г. // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 23. Д. 90.
- Утяшев М. Х. — Мальцевой М. Е. Ответы на поставленные вопросы в партколлегию 25 мая 1946 года. 29 05 1946 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 146.
- Хмелевский — Харитонову 3 02 1945 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 11. Д. 154.
- Хмелевский К. М. — Жданову А. А. 22 07 1947 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 141.
- Шафиев А. Н.* Объяснения А. Н. Шафиева. 8 06 1946 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 146.
- Шмуляй С. П. — Струеву А. И. Справка о фактах недостойного поведения некоторых партийных и советских работников. 1955. Без даты // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 22. Д. 145.

Исследования

- Барановский Н. А., Осипчик С. И., Пилипенко Е. В. Проблема пьянства и алкоголизма в социологическом измерении // Социологический альманах. 2016. № 7. С. 81—92.
- Бессарабенко А. К. Люди «Объекта»: очерки и воспоминания. Саров; Москва: ИНФО, АОЗТ «Человек и Ко», 1996. С. 27—32.
- Гилинский Я. И., Афанасьев В. С. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения. СПб: С.-Петербург. филиал ИС РАН, 1993. 167 с.
- Заиграев Г. Г. Алкоголизм и пьянство в России. Пути выхода из кризисной ситуации // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 74—84.
- Ихлов Б. Проблема алкоголизма в СССР. Август 1986. http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=395456 (дата обращения: 08.11.2018).
- Колдушко А. А. Роль партийных органов в осуществлении массовых репрессий // «...Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937—38 гг. Пермь: изд-во ПГТУ, 2006. С. 195—212.
- Ларин Ю. Алкоголизм и социализм. М.: Госиздат, 1929. 143 с.
- Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 488 с.
- Лейбович О. Л. «Милицейская норма»: практики потребления алкоголя в номенклатурной провинциальной среде в первое послевоенное десятилетие // Альманах центра исследований экономической культуры факультета свободных искусств и наук СПбГУ. Специальный выпуск. «Экономика пороков и добродетелей». М.; СПб.: Изд-во ин-та Е. Гайдара, 2016. С. 81—100.
- Печенкин В. Советская водка. Краткий курс в этикетках. М.: Изд-во Ломоносов, 2015. 232 с.
- Углов Ф. Алкоголь и мозг: культовый доклад академика Углова в 1983 году. <https://econet.ru/articles/167839-alkogol-i-mozg-kultovyy-doklad-akademika-uglova> (дата обращения: 08.11.2018).
- Углов Ф. Г. Из плена иллюзий. 2-е изд., дораб. и доп. М.: Мол. гвардия, 1986. 288 с.
- Шабалин В. В. Хулиганы в погонах: региональная кампания по идейно-политическому воспитанию милицеевских кадров в послевоенный период (на примере Молотовской области) // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945—1953 гг. М.: РОССПЭН, 2015. С. 293—303.
- Шереги Ф. Э. Социология девиации. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2017. 323 с.
- Tuchman B. Der ferne Spiegel. Das dramatische 14. Jahrhundert. Berlin: Spiegel-Verlag, 2007. 580 S.

References

Sources

- XIX s'ezd VKP(b) — KPSS (5—14 oktyabrya 1952 g.): Dokumenty i materialy [XIX Congress of the CPSU (b) — CPSU (October 5—14, 1952): Documents and materials], available from <http://staliniism.ru/dokumenty/materialy-xix-s-ezda-vkp-b-kpss.html?showall=&start=5>. (accessed 8.11.2018).
- Armeyskaya distsiplina v ofitser'skom pis'me 1952 goda [Army discipline — in the officer's letter of 1952], available from <http://archive.svoboda.org/programs/hd/2003/hd.030703.asp> (accessed 12.11.2018).
- Gor'kov, Yu. A. Gosudarstvennyy Komitet Oborony postanovlyayet (1941—1945): Tsifry, dokumenty [The State Defense Committee decides (1941—1945): Numbers, documents], Moskva: OLMA-PRESS, 2002.
- Postanovlenie Soveta ministrov SSSR ot 29 avgusta 1953 g. N 2295. O rezhime rabochego dnya v ministerstvakh, vedomstvakh i drugikh sovetskikh uchrezhdeniyakh [Resolution of the Council of Ministers of the USSR No. 2295 of August 29, 1953. On the working day regime in ministries, departments and other Soviet institutions], *Biblioteka normativno-pravovykh aktov SSSR*, available from http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4906.htm (accessed 13.11.2018).
- Stalin, I. V. Iz rechi t. Stalina. 5 marta 1937 goda: Materialy fevral'sko-martovskogo plenuma TsK V VKP(b) 1937 goda. 5 marta 1937 goda. Veчерnee zasedanie [From the speech of T. Stalin. March 5, 1937: Proceedings of the February-March 1937 Plenum of the Central Committee of the CPSU (b). March 5, 1937. Evening session], *Voprosy istorii*, 1995, № 12, pp. 11—23.

Starovskiy, V. N. Dokladnaya zapiska TsSU SSSR G. M. Malenkovu ob izmenenii gosudarstvennykh roznichnykh tsen na prodovol'stvennyye i promyshlennyye tovary po sravneniyu s dovoennym urovnem. 8 dekabrya 1953 g. Sekretno [Report of the Central Executive Committee of the USSR to G. M. Malenkov on changes in state retail prices for food and industrial goods in comparison with the pre-military level. December 8, 1953 Confidentially], *Sovetskaya zhizn'*, 1945—1953, sost. E. Yu. Zubkova, L. P. Kosheleva, G. A. Kuznetsova i dr. Moscow: ROSSPEN, 2003, 720 p., (Dokumenty sov. istorii), available from <http://istmat.info/node/18465> (accessed 15.11.2018).

Research

- Baranovskiy, N. A., Osipchik, S. I. Pilipenko, E. V. (2016) Problema p'yanstva i alkogolizma v sotsiologicheskom izmerenii [The problem of drinking and alcoholism in the sociological perspective], *Sotsiologicheskiy al'manakh*, no. 7.
- Bessarabenko, A. K. (1996) *Lyudi "Ob"ekta": ocherki i vospominaniya* [People of the "Object": essays and memories], Sarov; Moskva: INFO, AOZT «Chelovek i Ko», pp. 27—32.
- Gilinskiy, Ya. I. Sotsiologiya deviantnogo (otklonyayushchegosya) povedeniya [Sociology of deviant behaviour], Ya. I. Gilinskiy, V. S. Afanas'ev. Sankt-Peterburg: S.-Peterb. filial IS RAN, 1993. 167 s.
- Ikhlov, B. *Problema alkogolizma v SSSR. Avgust 1986* [The problem of alcoholism in the USSR. August 1986], available from http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=395456 (accessed 8.11.2018).
- Koldushko, A. A. (2006) Rol' partiynykh organov v osushchestvlenii massovykh repressiy [Role of party institutions in realization of mass repressions], «...*Vklyuchen v operatsiyu*»: *Massovyy terror v Prikam'e v 1937—38 gg.*, Perm': izd-vo PGU, pp. 195—212.
- Larin, Yu. (1929) *Alkogolizm i sotsializm* [Alcoholism and socialism], Moscow: Gosizdat, 143 p.
- Lebina, N. B. (2015) *Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo goroda: Normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilyu* [Everyday life in the Soviet city: Norms and anomalies. From military communism to big style], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Leybovich, O. L. (2016) «Militseyskaya norma»: praktiki potrebleniya alkogolya v nomenklaturnoy provintsial'noy srede v pervoe poslevoennoe desyatiletie [“Police Norm”: alcohol consumption practices in the provincial nomenklatura in the first post-war decade], *Al'manakh tsentra issledovaniy ekonomicheskoy kul'tury fakul'teta svobodnykh iskusstv i nauk SPbGU: Spetsial'nyy vypusk*, «*Ekonomika porokov i dobrodeteley*», Moscow: Sankt-Petersburg: Izd-vo in-ta E. Gaydara, pp. 81—100.
- Pechenkin, V. (2015) *Sovetskaya vodka: Kratkiy kurs v etiketkakh* [Soviet vodka: Labeled Brief Course]. Moscow: Izd-vo Lomonosov, 232 p.
- Uglov, F. *Alkogol' i mozg: kul'tovyy doklad akademika Uglova v 1983 godu* [Alcohol and Brain: a cult report by Academician Uglov in 1983], available from <https://econet.ru/articles/167839-alkogol-i-mozg-kultovyy-doklad-akademika-uglova> (accessed 08.11.2018).
- Uglov F. G. (1986) *Iz plena illyuziy* [From a captivity of illusions], 2-e izd., dorab. i dop., Moscow: Molodaya gvardiya, 288 p.
- Shabalin, V. V. (2015) Khuligany v pogonakh: regional'naya kampaniya po ideynopoliticheskomu vospitaniyu militseyskikh kadrov v poslevoenny period: (Na primere Molotovskoy oblasti) [Hooligans in uniform: regional campaign for ideological and political education of police personnel in the post-war period: (Using the example of Molotov region)], in.: *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma, 1945—1953 gg.*, Moscow: ROSSPEN, pp. 293—303.
- Sheregi, F. E. (2017) Sotsiologiya devyatsii [Sociology of deviation], F. E. Sheregi. 2-e izd., ispr. i dop., Moscow: Izdatel'stvo Yurayt, 323 p.
- Tuchman, B. (2007) *Der ferne Spiegel. Das dramatische 14. Jahrhundert*. Berlin: Spiegel-Verlag, 580 S.
- Zaigraev, G. G. (2009) Alkogolizm i p'yanstvo v Rossii. Puti vykhoda iz krizisnoy situatsii [The problem of drinking and alcoholism in the sociological perspective], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 8, pp. 74—84.

АЛКОГОЛЬ В СТРАНЕ СОВЕТОВ

УДК 94(470+571)''194''

ОТ «МАССАНДРЫ» ДО «АМБРОЗИИ»: ПРАКТИКИ ПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ В СРЕДЕ СОВЕТСКОЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

А. Д. Боронников, О. В. Лысенко

Независимый исследователь, Пермь, Россия, aldibor@mail.ru

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Россия, lysenko_ov@pspu.ru

Статья посвящена изучению практик потребления алкоголя в 1960—1980-х гг. в обществах провинциальной технической интеллигенции. Мы рассмотрим правила распития спиртных напитков у инженеров предприятий тяжелой промышленности, работников академического научно-исследовательского института и у работников авиации. В каждом сообществе сложились определенные правила потребления алкоголя, включавшие, в том числе, свои наборы ограничений и принуждений. Наконец, в каждом сообществе вокруг алкоголя сложился собственный фольклор, включающий названия нетрадиционных напитков («амброзия», «гомерчик»), условных обозначений самой процедуры (например, «на лонь» — то есть поездка на «лоно природы»), байки и легенды, повествующие в духе плутовского романа о хитростях и удачных проделках, связанных с употреблением спиртных напитков. Статья построена на серии биографических интервью с представителями этих сообществ, взятых в 2019—2020 гг.

Ключевые слова: повседневность, практики, алкоголь, интеллигенция, город, Пермь.

FROM “MASSANDRA” TO “AMBROSIA”: THE PRACTICE OF ALCOHOL CONSUMPTION AMONG THE SOVIET PROVINCIAL TECHNICAL INTELLIGENTSIA

A. D. Boronnikov, O. V. Lysenko

Independent Scientist, Perm, Russia, aldibor@mail.ru

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia,
lysenko_ov@pspu.ru

Alcohol is known to be one of the important components of social communication. Studies about the role of different types of alcohol as an indicators of social status are widely known (see P. Bourdieu, M. Douglas, M. Thornton). However, in Soviet society there was an absence of traditional “third places”. Together with the traditions of collective consumption of alcohol and deficit, these practices acquired a peculiar connotation.

© Боронников А. Д., Лысенко О. В., 2020

Ссылка для цитирования: Боронников А. Д., Лысенко О. В. От «массандры» до «амброзии»: практики потребления алкоголя в среде советской провинциальной технической интеллигенции // Labyrinth. Теории и практики культуры. 2020. № 2. С. 51—65.

Citation Link: Boronnikov, A. D., Lysenko, O. V. (2020) Ot «massandry» do «ambrozii»: praktiki potrebleniya alkogolya v srede sovetsoy tekhnicheskoy intelligentsii [From “Massandra” to “ambrosia”: the practice of alcohol consumption among the Soviet provincial technical intelligentsia], *Labyrinth. Teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth. Theories and practices of culture], no. 2, pp. 51—65.

The article is devoted to the study of the practices of alcohol consumption in the 1960s—1980s in the communities of the provincial technical intelligentsia. We will consider the rules for drinking alcohol among engineers of heavy industry, employees of an academic research institute and among aviation workers. Each community has developed its own methods of obtaining an alcohol (from the consumption of “massandra” — a mix of alcohol and water, used in military aircrafts, to research institute, where chromatograph was used to create drink, that was indistinguishable from dry wine). Each community has developed certain rules for the consumption of alcohol, including, inter alia, its own sets of restrictions and constraints. Finally, each community has developed its own folklore around alcohol, which includes the names of unconventional drinks (like “ambrosia”, “little Homer”), creation of tales and legends, that narrates — like some kind of a rogue novel — about tricks and successful rigs associated with the use of alcohol, and giving codenames for the procedure itself.

The article is based on a series of biographical interviews taken in 2019—2020 from representatives of these communities.

Key words: everyday life, practices, alcohol, intelligentsia, city, Perm.

Алкоголь, как известно, является одним из важных компонентов социальной коммуникации. Широко известны исследования о роли того или иного вида алкоголя в качестве индикатора социального статуса (см.: П. Бурдьё, М. Дуглас, М. Торнтон). Однако в советском обществе, с отсутствием традиционных «третьих мест» коллективного потребления алкоголя и дефицитом, эти практики приобрели своеобразный оттенок.

Статья посвящена изучению практик потребления алкоголя в 1960—1980-х гг. в сообществах провинциальной технической интеллигенции. Мы рассмотрим правила распития спиртных напитков у инженеров предприятий тяжелой промышленности, работников академического научно-исследовательского института и у работников авиации.

В каждом сообществе были выработаны свои приемы добывания алкоголя (от потребления «массандры» — раствора спирта и воды, используемого в военных самолетах, до создания в НИИ с помощью хроматографа напитка, неотличимого от сухого вина). Внутри каждого сообщества сложились определенные правила потребления алкоголя, включавшие, в том числе, свои наборы ограничений и принуждений. Наконец, в каждом сообществе вокруг алкоголя сложился собственный фольклор, включающий названия нетрадиционных напитков («амброзия», «гомерчик»), условных обозначений самой процедуры (например, «на лонь» — то есть поездка на «лоно природы»), байки и легенды, повествующие в духе плутовского романа о хитростях и удачных проделках, связанных с употреблением спиртных напитков.

Статья основана на серии биографических интервью с представителями этих сообществ, взятых в 2019—2020 гг.

Теоретические предпосылки ответа на вопрос «зачем пили советские интеллигенты?»

Концептуальную рамку нашего исследования когда-то подсказал Арсений Борисович Рогинский. В 2014 году, на конференции «История сталинизма» в Твери он присутствовал на секции, где одним из авторов этой статьи был зачитан доклад о социальной структуре городов поздней сталинской эпохи. Главным тезисом доклада стала мысль о тотальной маргинализации советских послевоенных городов вследствие массовых миграций населения. Доклад вызвал некоторую дискуссию. В перерыве Арсений Борисович подошел и выразил поддержку этому тезису: «Вы правы. Я помню, тогда людей в городе вообще ничего не связывало между собой. Все только пили!».

Сейчас уже, увы, невозможно уточнить, о каком городе конкретно он говорил: о Вельске Архангельской области, в котором родился, о Ленинграде, куда вернулась его семья в 1956 году, или о Тарту, где был студентом. Впрочем, это, наверное, уже и не важно: слова Арсения Борисовича применимы едва ли не ко всем советским городам.

Данная статья построена на материалах 6 интервью людей, живших в Перми в 1960—1980-е гг. и относившихся, согласно официальной классификации советского населения [Интеллигенция, 1965] к технической или инженерно-технической интеллигенции. Наши информанты подошлись в основном из работников Пермского политехнического института (ныне — Пермского национального исследовательского политехнического университета), его научных подразделений, заводов, а также работников пермского аэропорта Большое Савино. Все они имеют высшее техническое образование. Также были использованы многочисленные рассказы и байки, услышанные от многих других людей в разные годы. Историческая достоверность последних, разумеется, относительна, но они, на наш взгляд, хорошо характеризуют общие настроения и специфические ценности людей той эпохи. Но, прежде чем приступить к анализу материалов, следует уточнить некоторые черты исследуемого социального слоя.

В целом тема советской технической интеллигенции неплохо разработана в исторической и социологической литературе [Кугель, 1971; Крыштановская, 1989; Гудков, 2007; Лейбович, 2008; Абрамов, 2017; Колчанова, 2015; Кимерлинг, 2017]. К характеристикам инженерно-технической интеллигенции, по мнению этих авторов, наиболее удачно суммированному Р. Н. Абрамовым, можно отнести преимущественно высшее образование, профессиональную автономию, стихийный позитивизм и прогрессизм и технократичность мышления и критическое восприятие позднего советского времени [Абрамов, 2017]. В этой логике алкогольные практики воспринимаются как «реакция на усугубляющуюся пропасть между коммунистической идеологией и практикой жизни в условиях реального социализма, как форма эскапизма и выражения экзистенциального разочарования» [Абрамов, 2017], либо, шире, как выношенная в студенческих общежитиях и в долгих беседах по душам форма демонстративного отрицания нормативности, как средство преодоления разрыва между рационализмом в решении технических и научных задач, чего от инженеров требовала сфера профессиональной деятельности, и их социальной, бытовой беспомощности при соприкосновении с советской повседневностью [Кукулин, 2017].

Однако, если к изложенным выше характеристикам технической интеллигенции добавить ряд некоторых выпавших или недостаточно артикулированных нюансов, тема алкоголя может приобрести иной разворот. Во-первых, техническая интеллигенция в массе своей была, разумеется, мужской — благодаря традиционным гендерным стереотипам советского общества, согласно которым техническая, инженерная, производственная сфера прочно ассоциировалась с мужским полом. Женщин в конструкторских бюро и научных лабораториях, по воспоминаниям наших информантов, было мало, начальниками они, как правило, не становились. Гендерный состав не мог не накладывать свой отпечаток на алкогольные практики «технарей».

Во-вторых, инженерно-техническая интеллигенция концентрировалась, разумеется, в городах, но в массе своей состояла из горожан первого, максимум — второго поколения, со всеми вытекающими отсюда последствиями, в первую очередь — отсутствием городских привычек. Не случайно внутри этого слоя была выработана собственная неформальная иерархия статусов не только по месту работы (НИИ и оборонные заводы с одной стороны и «обычные» отрасли народного хозяйства с другой [Абрамов, 2017]), но и по семейному образовательному капиталу. Так, в конце 1980-х среди студентов ходила присказка: «Чтобы быть интеллигентом,

надо чтобы университет закончил не ты, а твой дедушка». Услужливый Яндекс подсказывает, что эта видоизмененная фраза приписывается еще А. В. Луначарскому. Легко догадаться, что в СССР такой родословной могли похвастаться единицы. Спрашивается: насколько правомерно тогда видеть мотив «культурного бунта» в массовых алкогольных практиках самых широких слоев интеллигенции? Не будет ли правильной видеть в этих застольях скорее деревенскую или даже архаическую практику социальной коммуникации?

В-третьих, в этот период интеллигенция вообще, и техническая интеллигенция в частности, постепенно смыкается с государственной и партийной номенклатурой среднего уровня в области личных связей, семейных отношений, карьерных переходов, что хорошо описано в работе А. Бикбова «Грамматика порядка» [Бикбов, 2014]. В наших полевых материалах это тоже нашло отражение: женщины в научных лабораториях и конструкторских бюро часто были выходцами из семей местной хозяйственной номенклатуры, а в мужских алкогольных компаниях инженеры-руководители и мелкие партийные начальники легко уживались друг с другом. Поэтому алкогольные практики интеллигенции отчасти формировались и под воздействием номенклатурных привычек, в которых со времен Великой Отечественной войны алкоголь играл весьма заметную роль, и, разумеется, отнюдь не «бунтарскую».

Ну и последний, нюанс, возможно, самый важный для обоснования нашего базового тезиса. Техническая интеллигенция, разумеется, как и любая реальная социальная группа, должна была стремиться к выработке своей особой «инженерной» идентичности [Исаев, Трапш]. Но перед всей этой разнородной массой людей стояла не менее важная задача нахождения простых и эффективных механизмов взаимодействия друг с другом, выработки совместных социальных ритуалов, сцепляющих ткань повседневного общения, позволяющих создавать социальные сети взаимопомощи, взаимного признания и формирования почвы для доверительных отношений.

Учитывая эти нюансы, и опираясь на собранный полевой материал, мы склонны выдвинуть собственное объяснение популярности алкоголя в среде советской технической интеллигенции 1960—1980-х гг. Алкоголь в этот период становился важной частью социальных практик для подавляющего числа советских инженеров и «технарей» не потому, что нес в себе «дух бунтарства», а потому что выполнял роль своеобразного «актанта» [Латур, 2017], участвующего в строительстве горизонтальных социальных сетей, инструмента выстраивания повседневной социальной коммуникации. Перефразируя слова А. Б. Рогинского, мы утверждаем: горожане пили потому, что искали во взбаламученном, неустоявшемся социальном пространстве хоть какие-то простые и доступные механизмы установления личных связей.

Портрет пьющего советского интеллигента на фоне городского пейзажа

Изложим расширенную версию озвученного тезиса. На начало рассматриваемого периода советское городское сообщество представляло собой некий продукт миграционных процессов 30—40-х гг. Помимо потока рабочей силы из сельской местности в областные центры, типичного для процессов урбанизации любой страны, рост советских городов во многом обеспечивался за счет людей, добровольно или вынужденно покинувших свои прежние места обитания в результате раскулачивания и голода 1930-х гг., образовательной миграции молодежи, вербовки работников на промышленные предприятия, послевоенной демобилизации военнослужащих, освобождения бывших заключенных, распределения выпускников вузов и техникумов, массовой эвакуации в годы войны, насильственных депортаций и т. д. и т. п. [Полян, 1999].

Разумеется, складывающееся из столь разных источников население в городах должно было вырабатывать некие правила внутригруппового и межгруппового поведения, особенно — в условиях начавшегося в период оттепели некоторого раскрепощения быта повседневности. Этого требовала власть: тема «окультуривания» трудящихся красной нитью проходит через весь советский проект [Хесанов, 2012]. Особая роль в этом, напомним, отводилась «советской интеллигенции», которая должна была вступать неким эталоном нового советского быта. Но для этого требуется доступный материал в виде более-менее понятных и воспроизводимых практик. Откуда такой материал могли взять новые горожане?

Каноны поведения, предлагаемые официальной идеологией и воспроизведенных произведениями государственного искусства, коммунистической прессой, агитационными плакатами и прочими источниками «воспитания масс», явно не могли покрыть все бытовые ситуации, да и носили слишком отвлеченный от реалий жизни характер. Не было и слоя людей, который мог бы стать зримым и массовым образцом городского поведения для всех приехавших в советские города: 50 лет войн, репрессий, насильственных перемещений и социальных экспериментов почти полностью вымыли из городов пресловутых условных «профессоров Преображенских». Да и сами советские города были зачастую совсем непохожи на «нормальные» города других стран, ввиду недоразвитости целого ряда атрибутов городского образа жизни: развитого коммунального транспорта, современного городского жилья (напомним, массовая застройка барачных окраин «хрущевками» в этот период была в самом разгаре), магазинов, публичных пространств и «третьих мест» [Ольденбург, 2014]. Неудивительно, что новой «советской интеллигенции» приходилось изобретать городские практики на пустом месте, причудливо сплетая воедино те образцы бытования, которые были им доступны: деревенские или полудеревенские привычки заводских поселков, навыки выживания в послевоенную пору, обрывки исторической памяти о «бывших» интеллигентах, образцы поведения из фильмов, и не только советских. Словом, в ход шло все, что было под рукой.

Теперь об алкоголе. Если верить статистике, к началу рассматриваемого периода население страны пило относительно немного. В работах известного специалиста в этой области А. В. Немцова утверждается, что в послевоенный период (конец 1940-х — начало 1960-х гг.) среднее потребление алкоголя на душу населения составляло всего около 2 литров чистого спирта (для сравнения — в 2019 г. в России этот уровень составляет около 11,1 л/чел. по данным OECD [OECD, 2020]). Он же утверждает, что на этом невысоком фоне существовали отдельные группы населения, потребление алкоголя которых многократно превышало средний уровень — например, фронтовики, многие из которых «вернулись с фронта уже зависимыми» [Как спился Советский..., 2018]. Воспоминания наших информантов это тоже подтверждают. Основная масса населения сразу после войны пила мало ввиду ограниченных финансовых возможностей, преимущественно — алкоголь собственного изготовления (по мнению А. В. Немцова до 40 % спиртных напитков приходилось в этот период на самогон, и это без учета браги, домашнего вина и т. п.). Зато среди более или менее зажиточных слоев населения (партхозактива, высокооплачиваемых специалистов, сотрудников милиции, прокуратуры и прочих органов, среди которых, кстати, было много бывших военных) практики потребления спиртных напитков были в послевоенном городе распространены очень широко (см.: [Лейбович, 2008; Кимерлинг, 2017]). Неудивительно, что новые горожане с ростом социального статуса и доходов ориентировались часто на практики советских городских верхов, вкуче с алкоголем. По мере «залечивания ран войны» и общего роста благосостояния к 1960-м доступность алкоголя стала существенно выше, а численность людей, находящихся в процессе выработки новых практик городской жизни — больше.

Здесь следует отметить еще одно важное обстоятельство, способствующее росту популярности алкоголя. Массовая урбанизация, усиливающаяся в СССР как раз в период 1950—1960 гг., предполагала в числе прочего и «раскрепощение» быта, рост самостоятельности в определении форм и социальных координат общения. Особенно это справедливо для образованных горожан, образ жизни которых предполагал частые контакты за пределами узкого круга семьи, соседей и коллег, в том числе с людьми иного социального статуса. Алкоголь был незаменим в качестве инструмента для решения подобных задач. Если угодно, выпивка в дружеском кругу и стала одним из проявлений «самостоятельного творчества масс», один из способов самоопределения новых горожан «с кем дружить», с кем говорить «по душам», причем не сухими казенными шаблонами, а сочным языком повседневности, от души, не сжимая эмоционального накала.

Таким образом, сочетание этих трех факторов (необходимость обретения социальных связей в новой для них среде и выработки городских моделей поведения, престиж алкоголя и его растущая доступность, удобство использования алкоголя в качестве «социального медиатора») и предопределило важное место алкоголя в социальной жизни позднего советского общества.

Что пила советская техническая интеллигенция?

Ответ на этот вопрос, с одной стороны, прост: примерно то же самое, что и все остальные советские люди: вина и коньяк, которые можно было иногда найти в советских магазинах или достать «по благу», водку и спирт, доступ к которым существовал на многих советских предприятиях и в НИИ, а также самогон и многие другие алкогольные суррогаты. Другое дело, что отношение к разным напиткам в разных социальных когортах интеллигенции отличалось. В полном соответствии с мнением П. Бурдье о противопоставлении «вкуса к роскоши (или к свободе)» и «вкуса от нужды» [2005], в разных слоях советской интеллигенции культивировалось нормативное потребление разных напитков. Чем выше был статус человека и мероприятия, тем строже следовало подходить к выбору горячительного. Так, один из информантов, сын одного из ведущих конструкторов авиационного завода, вспоминает, что во время командировок в Москву помощникам вменялось в обязанность брать на борт заводского самолета не просто запас алкоголя, но обязательно коньяка и иных элитных по меркам того времени крепких напитков «в специальном портфеле». Коньяк и вино маркировались как «престижные» напитки и в академической среде: здесь бутылка коньяка воспринималась как подходящий подарок за оказанную услугу мужчине, а бутылка вина — женщине (напомним: за услуги в рабочей среде было принято расплачиваться водкой), да и на кафедральных/ лабораторных собраниях коньяк и вино явно подчеркивали более высокий статус их приносящего. Впрочем, если «пьянка удавалась», вслед за коньяком в ход могли пойти и напитки попроще.

В интервью есть один интересный эпизод, описывающий процедуры приобщения молодежи к правилам «интеллигентного» потребления алкоголя. В самом конце 1960-х информант после окончания 1 курса политеха отдыхал с однокурсниками в Крыму. В съемной комнате вместе с ними оказался старшекурсник, взявший на себя роль воспитателя в этом деликатном вопросе. В это лето, по воспоминанию информанта, в Крыму свободно продавалось чешское пиво, и первокурсники с удовольствием его потребляли. Но старший товарищ сделал им внушение: «Негоже интеллигентному человеку пить пиво, это для работяг. Вы будущие интеллигенты и должны пить сухое вино. Видите, на набережной сидят бабушки и продают домашнее вино? Вот у них и покупайте». Урок оказался весьма запоминающимся.

Впрочем, изысканные вкусы истинных интеллигентов постоянно подвергались испытаниям со стороны окружающей советской действительности. Коньяк не всегда можно было купить в розничных магазинах, да и стоил он достаточно дорого — по прейскуранту розничных цен 1986 года от 12 до 28 рублей за бутылку [Дополнительны прейскурант, 1986], то есть примерно от 10 до 23 % от средней зарплаты. Вино стоило чуть дешевле (более или менее приличные — от 4 до 6 рублей), но его тоже часто не было в магазинах. К тому же оно явно проигрывало водке с точки зрения алкогольного «эффекта», и считалось «дамским» напитком. Поэтому на практике в широких интеллигентских кругах чаще использовалась все же водка, либо разведенный спирт, если к нему был доступ. Бывший начальник отдела в НИИ вспоминает, как в конце 1970-х гг. при подготовке к празднованию Нового Года у них возникла проблема: мужчины пили водку (на самом деле — разведенный спирт, из запасов НИИ. — А. Б., О. Л.), а дамы отказывались участвовать в общем застолье, поскольку им требовалось вино, отсутствовавшее в магазине накануне праздника. Поскольку НИИ специализировалось на технической химии, мужчины-ученые выход нашли. Смешав виноградный сок и спирт, они на хроматографе сравнили получившуюся смесь с образцом имевшегося у них вина. Первый результат оказался удручающим: прибор показывал отдельно спектр спирта и отдельно спектр сока. Но советская наука оказалась на высоте: смесь, нагретая до 80 °С, приобрела все спектральные и вкусовые признаки вина. Дамы остались довольными. Информант также сообщил, что много позже, уже в 1990-е гг. он прочитал в каком-то журнале, что этот способ широко применялся в мире для производства дешевого суррогатного вина.

В аэропорту Б. Савино существовали свои способы заменить покупной алкоголь в случае его недостачи. Местная техническая интеллигенция в целом была проще вузовской: высшее образование было не у всех, дистанция между специалистами и обычными работниками была меньше, а линейка социальной значимости разных видов алкоголя — короче. Наш информант принадлежал к неформальной группе нескольких руководителей авиаотряда, куда входили начальники некоторых служб, председатели парткома и профкома. Командир авиаотряда и его заместитель по политической части (а гражданская авиация, напомним, имела некоторые черты полувоензированной структуры — с категориями начальствующего состава, своими знаками отличия, погонами и т. д.) в этот круг не входили — по советской номенклатурной «табели о рангах» они принадлежали к более высокому слою и держались особняком. Не допускались туда и подчиненные — в силу необходимости блюсти субординацию.

Так вот, сам информант и его товарищи в основном потребляли водку: самый доступный и понятный для них вид алкоголя. Коньяк, как и на среднем уровне академической и заводской интеллигенции, был продуктом «для особых случаев», и популярностью не пользовался. Запасным вариантом в аэропорту был либо спирт, которым с гражданскими начальниками часто делились коллеги из военного авиационного полка, базировавшегося рядом, либо, на худой конец, знаменитая «массандра» — смесь воды и спирта с техническими примесями, заливаемую в противообледенительные системы МИГов. До гражданского аэропорта она доходила уже использованной. Интернет-источники предлагают следующую расшифровку этого названия: «Микоян Артем Славный Сын Армянского Народа Дал Радость Авиаторам» [Почему технический спирт..., 2020]. Наш информант о такой расшифровке не знает, а отношение к «массандре» у него достаточно брезгливое — пить технический отработанный спирт в его компании считалось уделом либо окончательно спившихся алкоголиков, либо совсем уж бедных и непритязательных работяг.

Достать «массандру» у военных было делом нехитрым, каналы действовали исправно, любой техник на военном аэродроме мог ее позаимствовать. Еще один

веселый рассказ об этом к нам пришел от информантов из политеха. Однажды, кто-то из руководителей этого авиаполка обратился в НИИ с просьбой помочь решить одну загадку. Чтобы рядовые военнослужащие не воровали готовую, но неиспользованную «массандру», в какой-то момент было принято решение заменить в смеси воду на авиационный керосин. Разделить спирт и керосин практически невозможно ввиду их абсолютной растворимости, да и температура кипения двух веществ близкая, поэтому отделить одно от другого перегонкой тоже нельзя. Но через некоторое время командиры стали обнаруживать бочки, в которых оставался только керосин, а внизу была пробита и заткнута маленькая дырочка. Приглашенному специалисту-химику пришлось месяц ломать голову над этой задачей. Решение оказалось весьма остроумным: солдаты отливали из бочки часть смеси и добавляли туда воды. Смесь воды и спирта уже не обладала абсолютной растворимостью в керосине, а потому от него отделялась и опускалась вниз бочки за счет большей плотности. Далее находчивые солдатики начинали осторожно сливать смесь воды и спирта, нацеливаясь по одному ковшику и приносясь к каждому. Как только жидкость начинала вонять керосином, слив прекращался, а дырочку тщательно затыкали, потешаясь над бдительными командирами...

В одной из баек, связанных с авиацией, встречается упоминание еще об одном алкогольном напитке — «гомерчике» (произносится с фрикративным украинским звуком «г», поскольку сама байка родом из южных регионов). К сожалению, воспроизвести этот шедевр устного творчества здесь не получится — рассказ объемный, со множеством колоритных деталей, которые неизбежно пропадут в письменном изложении. Скажем только, что так назывался некий напиток яркого зеленого цвета в трехлитровой банке, который два летчика почтового АН-2 употребляли прямо во время полета. Впрочем, наш информант из Большого Савино факты пьянства пилотов на работе всячески отрицает.

Примерно о таком же социальном распределении спиртных напитков сообщают и информанты с пермских заводов. Высшее заводское начальство пило коньяк при контактах с вышестоящими лицами, коньяк или водку с ближайшими подчиненными, средний управленческий слой и основная масса инженеров предпочитала водку, ну а заменителем ее выступает спирт, если он более или менее доступен на данном предприятии. Особая специфика заводов заключается только в широком использовании самогона и, чуть реже, браги, которые выполняли ту же роль, что и «массандра» в аэропортах: дешевые и общедоступные аналоги водки. Практики распространения самогонварения на заводах удивлять не должны: основная масса рабочих и технических работников была родом из деревни. Как правило, на заводах всегда работало несколько человек, у которых можно было отovarиться самогоном. Особую славу приобретали умельцы, годами продававшие свою «продукцию», умудряясь не «светить» хорошо спрятанные в глубинах заводских городков самогонные аппараты. Особого внимания заслуживают отработанные схемы алкогольной взаимопомощи между рабочими и представителями низшего слоя технической интеллигенции на пермских заводах. Суть ее заключалась в следующем: сотрудники одного цеха вскладчину приобретали самогонный аппарат, который потом передавался из дома в дом (без заноса на территорию завода). Чаще всего порядок передачи не был жестко фиксированным: аппарат брали те, кому он был наиболее нужен в данный момент для обеспечения свадьбы, поминок, юбилеев и т. д. Ни одного случая уголовного преследования из-за самогонварения информанты при этом вспомнить не могут: эта схема явно была известна не только рабочим, но официально не преследовалась.

Но, пожалуй, самый экзотический пример суррогатного алкоголя, который наблюдался одним из авторов статьи в реальной жизни — это «амброзия». Ее официальное название — «композиция мандариновая четырехкратная», и применялась

она для производства безалкогольных (sic!) напитков на Пермском пищекомбинате. Личное знакомство с ней произошло уже в начале 1990-х, когда свежее испеченный выпускник вуза пытался заняться предпринимательством и снял с товарищами в аренду часть складских помещений вышеупомянутого предприятия. Там, после короткого знакомства, он был принят в старую, существовавшую более десятилетия компанию старожилов пищекомбината, куда входил главный инженер, пару сотрудников отделов и кладовщица. Каждую пятницу, в конце дня они собирались на складе, большой литровой кружкой зачерпывали из алюминиевой 50-ти литровой фляги эту самую композицию, раскладывали немудреную закуску и «культурно» проводили рабочую неделю. Крепостью эта композиция явно превышала 40°, на вкус была странной, но приятной, пила легко и последствий для здоровья не имела. Надо ли говорить о том, что молодой выпускник в скором времени стал угощать этой композицией своих товарищей из общежития, где этот странный напиток и приобрел свое благородное прозвище — «амброзия».

Алкоголь как ритуал дружбы

Воспоминания очевидцев показывают, что уровень «алкоголизации» мероприятий постепенно нарастал с 1960-х по конец 1980-х гг. Если в период оттепели распитие спиртных напитков в основном оставалось в пределах неформальных компаний и групп, то к концу рассматриваемого периода они уже стали почти обязательной, хотя по-прежнему полузакрытой практикой. В рамках нашего тезиса это можно интерпретировать так: низовые алкогольные практики постепенно смыкались с официальными, балансируя на грани нормы. В основе всего этого лежал базовый социальный феномен: мужская неформальная компания, сплоченная регулярным совместным употреблением спиртного.

Один из самых ярких и, одновременно, типичных примеров неформальной мужской компании, выстроенной вокруг потребления алкоголя, представлен в воспоминаниях информанта, работавшего в аэропорту. На протяжении многих лет несколько мужчин, достаточно обеспеченных, чтобы без особого ущерба для семейного бюджета позволить себе примерно раз в неделю водку и закуску, практиковали дружеские встречи на природе, в некоторых излюбленных местах по дороге от аэропорта до города. В компании такие поездки назывались «на лонь» (ироничное, от «на лоно природы»). Такие встречи были невозможны на работе — как говорит сам информант, «если бы нас на работе за этим поймали, всем бы досталось», поскольку аэропорт был режимным объектом, да и сами участники этих встреч, будучи начальниками, не могли себе позволить публично нарушать правила. Состав компании был достаточно устойчивым, не более 4—5 человек (описание состава этой группы приводится в предыдущем разделе). К ним иногда присоединялся еще кто-то из сослуживцев или приглашенных друзей. Кстати, если в компанию навязывался замполит авиаотряда, его, конечно, не прогоняли, но вели себя с ним более осторожно, и вообще не любили его присутствия. Средством доставки был служебный микроавтобус РАФ, с доверенным шофером, которому оставляли немного выпивки и закуски. По дороге заезжали в магазин, скидывались «по рублю» и отправляли «самого молодого» за бутылкой водки и символической закуской. Если погода была холодной или дождливой, выпивали прямо в автобусе или в подсобке магазина, куда пускала знакомая заведующая. Во время встреч главным было не физиологическое желание выпить — они не были алкоголиками ни с медицинской, ни с социальной точки зрения. Это был некий ритуал, позволявший установить доверительные отношения, выйти за пределы привычных социальных ролей, потравить анекдоты, обсудить в неформальной обстановке ситуацию на работе или в стране.

Из рассказов почти всех информантов видно, что изначально совместная выпивка (иногда достаточно обильная, вплоть до потери ориентации в пространстве и времени) была для них аналогом проверки на надежность, своеобразной «сывороткой правды», в прямом смысле поговорки «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». Если человек после выпивки вел себя адекватно, не лез в драку, умел не попадать в неприятные ситуации (например — в вытрезвитель) и уж тем более не болтал с непосвященными о встречах и участниках, то с ним можно было строить дальнейшие отношения, перерастающие в долговременное товарищество или даже в дружбу. Напротив, если человек в состоянии подпития становился неадекватным, вел себя неподобающе, принимался на всех углах пересказывать содержание разговоров, услышанных во время «посиделок», а тем более, информировать вышестоящие инстанции, его репутация падала, дальнейшие отношения, как правило, ограничивались служебными рамками. «Алкогольная репутация» в советских мужских кругах явно выступала аналогом системы социальных репутаций в иных, более стабильных и сложных обществах.

В случае прохождения «проверки» участие в алкогольных встречах становилось регулярным, а между их участниками завязывались доверительные отношения, простиравшиеся далеко за пределы служебных отношений. Скрепленная таким образом дружба предполагала готовность помогать друг другу в бытовых и рабочих ситуациях, в продвижении по службе, получении дефицитных товаров и услуг «по блату» и многое другое, вплоть до совместного отдыха семьями.

Отметим, что широко известный феномен «интеллигентские кухни» и «кухонных разговоров» тоже можно рассматривать как частный случай подобных компаний: все необходимые атрибуты (выпивка, узкий и контролируемый круг участников, рождавший и обеспечивающий доверительность, регулярность встреч), равно как и функции в них совпадают.

Каждая из подобных компаний в свою очередь являлась одной из первичных ячеек неформальной сети взаимоотношений, охватывающих многие сферы советской жизни. Сетевой эффект достигался благодаря тому, что каждый из участников этого «мужского союза» параллельно входил еще в одну или несколько (в зависимости от своей коммуникабельности) алкогольных компаний и выступал между ними в роли проводника информации, товаров и услуг. Можно даже сказать, что социальный капитал того ли иного человека измерялся количеством алкогольных компаний, в которых он был «своим» и ресурсами которых мог воспользоваться. Чем дальше простирались эти сети, тем уверенней человек мог рассчитывать на поддержку, взаимопонимание и элементарную помощь при решении социальных проблем, которыми так богата была жизнь в условиях «развитого социализма». Пусть это касалось узкого круга людей, и эти связи не всегда были прочными, но известный запас устойчивости они давали.

Такого рода компании были характерны не только для начальственных кругов. Этот же информант из аэропорта рассказывает о том, что похожие сборища после работы регулярно устраивали водители, летчики, аэродромные техники, грузчики — практически все. И начальство, и партийные чины относились к этому с пониманием. Неудовольствие и наказание могли вызвать только две ситуации: если работники начинали пить непосредственно на работе, или кто-то из участников алкогольных встреч нарушал общественный порядок, устраивал дебоши и привлекал к этой практике излишнее внимание. К таким относились крайне неодобрительно: они создавали явные угрозы как для начальства, «допустившего у себя разложение», так и для коллег, невольно оказывавшихся втянутыми в скандал. Единственная категория работников, которые редко были включены в эту систему алкогольных

встреч в аэропорту — женщины¹. Все же потребление алкоголя оставалось там преимущественно мужским занятием.

Нечто подобное прослеживается и на других предприятиях. Судя по разным прямым и косвенным свидетельствам, на каждом заводе и в каждом учреждении советского общества эти дружеские алкогольные компании составляли основу неформальных социальных сетей. Места встреч, численный состав и политика допуска в них «новичков» могли различаться, неизменным оставалось одно — базовая практика совместного распития алкоголя.

Судя по интервью, для заводов были характерны такие же, как и в аэропорту, мужские компании, объединявшие представителей одного круга. В вузах и НИИ гендерный принцип соблюдался реже. Видимо, сказывалась большая «культурная продвинутость» этих более образованных групп интеллигенции. Может, именно поэтому академические компании чаще, чем работники аэропорта и промышленных предприятий собирались на дому — наличие жен не ставило под угрозу доверительный характер встреч. Вообще, складывается впечатление, что алкогольные практики академических работников были разнообразней: тут встречаются и регулярные походы с пивом на берег Камы, и совместное распевание песен (часто — достаточно хулиганских), и большая склонность к расширению социальных контактов — их чаще приглашали в другие, внешние компании выступить в роли интересных собеседников, чтобы узнать что-то новенькое, а то и запретное.

Со временем неформальные алкогольные практики настолько плотно вошли в ткань повседневной жизни, что стали использоваться партийным и производственным начальством как почти легальный метод формирования коллектива. На многих заводах и предприятиях уже в 1970-е гг. получили распространение посиделки с алкоголем в конце рабочего дня, после совещаний. В этом случае инициатором совместной выпивки должен был выступить сам руководитель, а участвовать в ней мог только узкий круг допущенных приближенных, например, сотрудники отдела или, если речь шла о более крупном управленце — начальники подчиненных подразделений. Выпивка здесь должна была играть роль и средства установления неформальных отношений, и особого поощрения.

Так, один из информантов вспоминает характерный случай, произошедший на одном из пермских оборонных заводов. Один из директоров каждую пятницу под вечер устраивал совещание для руководителей служб и отделов, опять-таки преимущественно мужчин. Если дела шли более или менее нормально, в конце он открывал свой сейф и извлекал водку и закуску. Периодически, если у подчиненных за недели накапливалось много нареканий, он демонстративно отказывался от алкогольного ритуала. Информант вспомнил об этой традиции в связи с одним забавным случаем. Как-то раз, после одного особо напряженного совещания, директор заявил, что сегодня пить никто не будет, закрыл свой сейф и ушел домой. Раздосадованные подчиненные, явно несогласные с его нагоняем, решили устроить своему директору розыгрыш. Придя на работу в понедельник, директор обнаружит в сейфе осколки пустой бутылки. Как потом выяснилось, мужики сообща подняли немалый засыпной сейф, с размаху бросили его на бетонный пол и слили водку из разбившейся бутылки в заранее припасенный тазик.

В вузах подобные алкогольные «тимбилдинги» устраивали реже, в основном — по поводу окончания больших проектов, защит диссертаций или выхода значимых научных публикаций.

---

¹ Осмелимся высказать предположение, что женщины создавали и пользовались собственной системой формирования социальных сетей поддержки. Но это исследование предстоит провести.

С течением времени алкогольные практики стали все глубже проникать в ткань официальных праздников и торжественных мероприятий. Понятно, что изначально употребление спиртного во время демонстраций 7 ноября и 1 мая было широким, но скрытым: что участники постоянных мужских компаний с предприятий, что вузовские работники — все с удовольствием вспоминают, как приносили с собой кто водку, а кто и экзотические напитки типа глинтвейна, разливали их в подворотнях и грелись во время ожидания очереди прохождения перед трибунами.

Примерно с 1965 года, когда День Победы стали отмечать официально, некоторое распространение получили вечера для ветеранов, в том числе разумеется, с алкоголем. Тогда же в академических кругах, пользовавшихся большей свободной поведением на рабочих местах, стали устраивать празднование официальных дат с алкоголем уже на кафедрах, правда не везде и не всегда, судя по тому, что часть информантов из этой среды об этом не знала. В НИИ и в некоторых небольших подразделениях заводов практиковались неформальные «вечера» накануне больших праздников — опять-таки с соблюдением социальных границ. Самым «продвинутым» предприятием тут оказался аэропорт: как минимум с начала 1970-х гг. накануне государственных и юбилейных профессиональных праздников тут было принято снимать аж Дворец Культуры, проводить торжественный вечер с приглашенными артистами и в конце — общее застолье. Все расходы оплачивались из профсоюзных денег, иногда с финансовой помощью самого предприятия. Единственное, что не позволялось — проводить алкоголь через официальный счет. Спиртное работники оплачивали в складчину, хотя на практике нарушалась и эта норма — часть водки и вина в счета просто камуфлировалось под продукты.

Но подлинным апофеозом распространения алкогольных практик на всех этажах советской лестницы стали 1980-е гг. Именно тогда почти все официальные мероприятия в учреждениях и партийных органах заканчивались закрытыми пьянками для партийных и профсоюзных активов. Интересно, что для райкомов партии застолья готовились, как правило, за счет предприятий, из неучтенных фондов, с ведома, разумеется, партийного начальства.

Выводы и последствия

Еще раз вернемся к исходному тезису: если бы массовое распространение практик употребления алкоголя в качестве своеобразного «бунта» против системы действительно имело место, логично было бы увидеть разную степень алкоголизации на разных этажах советского общества. Но собранные материалы, равно как личные воспоминания авторов этого не подтверждают. Напротив, с какого-то момента спиртное стало универсальным инструментом выстраивания неформальных отношений и в среде интеллигенции, и в среде партийного начальства, и среди обычных рабочих, очеловечивая и, одновременно, ослабляя государственные скрепы.

Представляется, что даже в основе популярности фильма «Ирония судьбы» (1974 г.) лежит узнаваемость завязки сюжета: мужская компания, дружеские отношения, алкоголь и раздраженная, неприветливая женщина — Надежда Шевелева, встречающая подвыпившего мужчину вечером 31 декабря. Именно это сделало центральных героев близкими, родными и единодушно понимаемыми миллионами зрителей. Единственное, что отличает изображение этой компании в фильме от того, что мы видим в наших полевых материалах — баня. В провинцию привычка совмещать «посиделки» и баню пришла чуть позже, в 1990-е.

Библиографический список

- Абрамов Р. Н. Советская инженерно-техническая интеллигенция 1960—80-х гг.: в поиске границ коллективного сознания // Вестник Института социологии. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskaya-inzhenerno-tehnicheskaya-intelligentsiya-1960-80-h-gg-v-poiske-granits-kollektivnogo-soznaniya> (дата обращения: 22.11.2020).
- Бикбов А. Т. Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 429 с.
- Бурдые П. Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. 2005. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razlichenie-sotsialnaya-kritika-suzhdeniya> (дата обращения: 21.11.2020).
- Гудков Л. Д. «Советский человек» в социологии Юрия Левады // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 16—30.
- Дополнительный прейскурант № 013-1981/155. Розничные цены на вина виноградные и коньяки. М.: Прейскурантиздат. 1986. 95 с. URL: http://www.sovietwine.com/prices_gallery/ (дата обращения: 22.11.2020).
- Интеллигенция // Советская историческая энциклопедия: в 16 т. М.: Советская энциклопедия, 1965. Т. 6. 1022 стб. С. 119.
- Исаев Д. П., Трати Н. А. Профессиональный облик советского инженера: от традиционных ценностей к альтернативным элементам идентичности // Власть. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnyy-oblik-sovetskogo-inzhenera-ot-traditsionnyh-tsennostey-k-alternativnym-elementam-identichnosti> (дата обращения: 21.11.2020).
- Как спился Советский Союз? Известный исследователь о корнях «пьянства испокон веков» и о том, так ли глубоки эти корни. Интервью с А. В. Немцовым // Onliner, 10 декабря 2018 г., URL: <https://people.onliner.by/opinions/2018/10/12/neformat-85> (дата обращения: 22.11.2020).
- Кимерлинг А. С. Выполнять и лукавить: политические кампании поздней сталинской эпохи. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2017. 211 с.
- Колчанова Ю. С. «Инженерова дочь»: жизненный мир советского разнорабочего в письмах во власть. 1961—1994 гг. // После Сталина. Реформы 1950-х гг. в контексте советской и постсоветской истории: материалы VIII Международной научной конференции. Екатеринбург, 15—17 октября 2015 г. М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2016. С. 570—578.
- Кугель С. А., Никандров О. М. Молодые инженеры. М.: Мысль. 1971. 208 с.
- Кукулин И. В. Периодика для ИТР: советские научно-популярные журналы и моделирование интересов позднесоветской научно-технической интеллигенции // Новое литературное обозрение. 2017. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2017/3/periodika-dlya-itrv-sovetskie-nauchno-populyarnye-zhurnaly-i-modelirovanie-interesov-pozdnesovetskoj-nauchno-tehnicheskoy-intelligenczii.html> (дата обращения: 22.11.2020).
- Крыштановская О. В. Инженеры. Становление и развитие профессиональной группы. М.: Наука, 1989. 144 с.
- Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими осложнениями // Философско-литературный журнал «Логос». 2017. № 1 (116). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-aktorno-setevoy-teorii-nekotorye-razyasneniya-dopolnennye-esche-bolshimi-uslozhneniyami> (дата обращения: 22.11.2020).
- Latour B. On Actor-Network Theory. A Few Clarifications Plus More than a Few Complications // Soziale Welt. 1996. Vol. 47. P. 369—381.
- Лейбович О. Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40—50-х гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 295 с.
- Полян П. М. Насильственные миграции и география населения // Мир России. Социология. Этнология. 1999. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasilstvennye-migratsii-i-geografiya-naseleniya> (дата обращения: 22.11.2020).
- Хестанов Р. З. Генезис культурной политики и возникновение массовой культуры в СССР (1917—1953) // Социология власти. 2012. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

- genezis-kulturnoy-politiki-i-voznikovenie-massovoy-kultury-v-sssr-1917-1953 (дата обращения: 22.11.2020).
- Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 454 с.
- Почему Технический спирт в армии называется “Массандрой”? // Большой вопрос.ru. URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/3551107-pochemu-tehnicheskij-spirit-v-armii-nazyvaetsja-massandroj.html> (дата обращения: 22.11.2020).
- OECD Health Statistics 2019. URL: OECDiLibrary. <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/961753cf-en/index.html?itemId=/content/component/961753cf-en> (дата обращения: 22.11.2020).

References

- Abramov, R. N. (2017) *Sovetskaya inzhenerno-tehnicheskaya intelligenciya 1960—80-h gg.: v poiske granic kollektivnogo soznaniya* [Soviet Engineering and Technical Intellectuals from the 1960'S to the 1980'S: Searching for the Boundaries of Collective Consciousness], Vestnik Instituta sociologii, no. 1, 2017, available from <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskaya-inzhenerno-tehnicheskaya-intelligentsiya-1960-80-h-gg-v-poiske-granits-kollektivnogo-soznaniya> (accessed 22.11.2020).
- Bikbov, A. T. (2014) *Grammatika porjadka: Istoricheskaya sociologiya ponyatij, kotorye menyayut nashu real'nost'* [The Grammar of Order: Historical Sociology of Concepts That Change our Reality], Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki.
- Burd'e, P. (2005) Razlichenie: social'naya kritika suzhdeniya [Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste], *Ekonomicheskaya sociologiya*, no. 3, 2005, available from <https://cyberleninka.ru/article/n/razlichenie-sotsialnaya-kritika-suzhdeniya> (accessed 21.11.2020).
- Gudkov, L. D. (2007) «Sovetskij chelovek» v sociologii YUriya Levady [“Soviet Man” in the Sociology of Yuri Levada], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, 2007, pp. 16—30.
- Dopolnitel'nyj prejskurant № 013-1981/155. Roznichnye ceny na vina vinogradnye i kon'yaki* (1986) [Additional Price List No. 013-1981 / 155. Retail Prices for Wine and Cognacs], Moscow: Prejskurantizdat // available from http://www.sovietwine.com/prices_gallery/ (accessed 22.11.2020).
- Kukulin, I. V. Periodika dlya ITR: sovetskie nauchno-populyarnye zhurnaly i modelirovanie interesov pozdnesovetskoj nauchno-tehnicheskoy intelligencii [Periodicals for Engineers: Soviet Popular Science Journals and the Shaping of the Late-Soviet Scientific and Technical Intelligentsia's Interests], *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 2 (85), 2018, available from <https://magazines.gorky.media/nlo/2017/3/periodika-dlya-itri-sovetskie-nauchno-populyarnye-zhurnaly-i-modelirovanie-interesov-pozdnesovetskoj-nauchno-tehnicheskoy-intelligenczii.html> (accessed 22.11.2020).
- Intelligenciya (1965) [Intelligentsia], *Sovetskaya istoricheskaya enciklopediya*, vol. 6, Moscow: Sovetskaya enciklopediya.
- Isaev, D. P., Trapsh, N. A. (2017) Professional'nyj oblik sovetskogo inzhenera: ot tradicionnyh cennostej k al'ternativnym elementam identichnosti [Professional Image of the Soviet Engineer: from Traditional Values to Alternative Elements of Identity], *Vlast'*, no. 2, 2017, available from <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalny-oblik-sovetskogo-inzhenera-ot-traditsionnyh-tsennostey-k-al'ternativnym-elementam-identichnosti> (accessed 21.11.2020).
- Onliner (2018) *Kak spilsya Sovetskij Soyuz? Izvestnyj issledovatel' o kornyah «p'yanstva ispokon vekov» i o tom, tak li gluboki eti korni. Interv'yu s A. V. Nemcovym* [How did the Soviet Union Get Drunk? A Well-Known Researcher About the Roots of “Drunkenness from Time Immemorial” and Whether These Roots are So Deep. Interview with A. V. Nemtsov], available from <https://people.onliner.by/opinions/2018/10/12/neformat-85> (accessed 22.11.2020).

- Kimerling, A. S. (2017) *Vypolnyat' i lukavit': politicheskie kampanii pozdnej stalinskoj epohi* [Perform and Deceive: Political Campaigns of the Late Stalinist Era], Moscow: Izdatel'skij dom NIU VSHE.
- Kolchanova, Y. S. (2016) «Inzhenerova doch'»: zhiznennyj mir sovetskogo raznorabocheho v pis'mah vo vlast'. 1961—1994 gg. [“The Engineer’s Daughter”: the Life World of a Soviet Handyman in Letters to the Authorities. 1961—1994], in: *Posle Stalina. Reformy 1950-h gg. v kontekste sovetskoj i postsovetskoj istorii: Materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Ekaterinburg, 15—17 oktyabrya 2015 g. Moscow: Politicheskaya enciklopediya; Prezidentskij centr B. N. El'cina.
- Kryshtanovskaya, O. V. (1989) *Inzhenery. Stanovlenie i razvitie professional'noj grupy* [Engineers. Formation and Development of a Professional Group], Moscow: Nauka.
- Kugel', S. A., Nikandrov O. M. (1971) *Molodye inzhenery* [Young Engineer], Moscow: Mysl'.
- Latur, B. (2017) Ob aktorno-setevoj teorii. Nekotorye raz'yasneniya, dopolnennye eshche bol'shimi uslozhneniyami [On Actor-Network Theory. A Few Clarifications Plus More than a Few Complications], *Logos: filosofsko-literaturnyj zhurnal*, no. 1 (116), 2017, available from <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-aktorno-setevoy-teorii-nekotorye-razyasneniya-dopolnennye-eshe-bolshimi-uslozhneniyami> (accessed 22.11.2020).
- Lejbovich, O. L. (2008) *V gorode M. Ocherki social'noj povsednevnosti sovetskoj provincii v 40—50-h gg.* [In the City of M. Essays on the Social Everyday Life of the Soviet Province in the 40s and 50s], Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN); Fond Pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'cina.
- Polyan, P. M. (1999) Nasil'stvennye migracii i geografiya naseleniya [Forced Migration and the Geography of the Population], *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya*, no. 4, 1999, available from <https://cyberleninka.ru/article/n/nasilstvennye-migratsii-i-geografiya-naseleniya> (accessed 22.11.2020).
- Hestanov, R. Z. (2012) Genezis kul'turnoj politiki i vozniknovenie massovoj kul'tury v SSSR (1917—1953) [The Genesis of Cultural Policy and the Emergence of Mass Culture in the USSR (1917—1953)], *Sociologiya vlasti*, no. 8, 2012, available from <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-kulturnoy-politiki-i-vozniknovenie-massovoy-kul'tury-v-sssr-1917-1953> (accessed 22.11.2020).
- Oldenburg, R. (2014) *Tret'e mesto: kafe, kofejni, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta «tusovok» kak fundament soobshchestva* [The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Community Centers, Beauty Parlors, General Stores, Bars, Hangouts, and How They Get You Through the Day], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

АЛКОГОЛЬ В СТРАНЕ СОВЕТОВ

УДК 159.96

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ЭТИКЕТКИ: КАТАЛОГ-ДНЕВНИК «ЛЮБИТЕЛЬНИЦЫ ТОКАЯ»

М. Ю. Тимофеев

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,
timofeev.01@gmail.com

Предметом исследования являются алкогольные практики в позднем Советском Союзе (1968—1991), а также характер и структура потребления алкоголя в кругу семьи и среди ИТР. В качестве объекта анализа выступает собрание этикеток разнообразных алкогольных напитков с написанными на оборотной стороне заметками личного содержания. В рассматриваемом кейсе пересекаются темы ведения личных дневников, коллекционирования и алкогольных практик в СССР.

Ключевые слова: эго-документ, коллекционирование, этикетки, эфиллабелофилия, культура повседневности, алкоголь в СССР, СЭВ.

BACK SIDE OF LABEL: DIARY CATALOG “TOKAJ LOVER”

M. Yu. Timofeev

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia,
timofeev.01@gmail.com

The subject of the research is alcoholic practices in the late Soviet Union (1968—1991), as well as the nature and structure of alcohol consumption in the bosom of family circle and among engineers and technicians. The object of analysis is a collection of labels of various alcoholic beverages with personal notes written on the reverse side. In the case under consideration, the themes of keeping personal diaries, collecting and alcoholic practices in the USSR intersect.

Key words: ego-document, collecting, labels, ephilabelophilia, everyday culture, alcohol in the USSR, CMEA.

П а ш а. Самое смешное, что никого народу.
Они всё больше тут употребляют красненькое да
мордастенское. Говорю: «Мне чинзано». А один
около меня стоял, спрашивает: «А чего это?»

Л. Петрушевская «Чинзано» (1973)

1. Этот маргинальный предмет анализа

Если попытаться определить предмет исследования, то это будет не коллекционирование, не ведение личного дневника и даже не алкогольные практики, включённые в систему советских ритуалов. И в то же время объектом анализа выступает собрание этикеток разнообразных алкогольных напитков с написанными

© Тимофеев М. Ю., 2020

Ссылка для цитирования: Тимофеев М. Ю. Обратная сторона этикетки: каталог-дневник «любительницы токая» // Labyrinth. Теории и практики культуры. 2020. № 2. С. 66—82.

Citation Link: Timofeev, M. Yu. (2020) Obratnaya storona etiketki: katalog-dnevnik «lyubitel'nitsy tokaya» [Back Side Of Label: Diary Catalog “Tokaj Lover”], *Labyrinth. Teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth. Theories and practices of culture], no. 2, pp. 66—82.

на оборотной стороне заметками личного содержания, где достаточно часто обозначается повод, ради которого была открыта и выпита соответствующая этикетке бутылка. Соответственно, это не дневниковые записи в общепринятом смысле и не график выпитого за определённый период алкоголя, — это коллекция без признаков коллекционирования.

Коллекция (или всё же собрание) этикеток с надписями была подарена мне осенью 2018 года после открытия в ивановском Музее первого Совета выставки «Советский дизайн в упаковке» Валентиной Алексеевной М., которая первоначально предложила их для экспозиции. После получения высшего технического образования она, отработав несколько лет по распределению, вернулась в город Иваново, где стала работать на авиаремонтном заводе. Из надписей легко можно установить, что родилась она в 1939 году. Самая ранняя запись на этикетке датирована 15 апреля 1968 года, когда В.А.М. было 28 лет. Из её собрания для настоящей статьи я отобрал этикетки с записями только советского времени и не рассматривал записи, сделанные позднее декабря 1991 года, — времени официального прекращения существования СССР. Таким образом, в моём распоряжении оказалось 118 этикеток, лишь на пяти из которых не было записей. Количественная характеристика данного собрания по номенклатуре напитков представляет собой следующее. Большая часть этой коллекции — сладкие десертные вина (47); затем идут азербайджанские, армянские, молдавские и грузинский коньяки (15) и болгарские и грузинский бренди (4), сухие вина (11), портвейны (11), мускаты (5), игристые вина (5), ликёры (5), водки и горькие настойки (6), сладкие настойки (2), аперитивы (2), бальзамы (2), вьетнамский ром (1). Если учитывать только имеющееся в моём распоряжении количество этикеток напитков, то получается, что в среднем потреблялось в компаниях разной численности 5 бутылок в год. Даже если учесть, что некоторые напитки, как это следует из записей, употреблялись в течение долгого времени, следует предположить, что какая-то часть в число доступных для рассмотрения не попала. Аргументами в эту пользу может служить то, что за 23 года было распито всего пять бутылок советского шампанского и его аналогов, хотя именно этот напиток являлся «ритуальным» при встрече Нового года (кстати, ни одна из имеющихся в коллекции этикеток игристых вин не описывает этот праздник). В описаниях встречаются такие советские праздники, как Международный женский день (8 марта) и День Советской Армии (23 февраля), но, если ориентироваться на этикетки, отмечались они не каждый год. Дважды упоминается «ВОСР» — День Великой Октябрьской социалистической революции, несколько чаще «майские праздники». Кроме этого, в синтагме поводов для употребления присутствуют дни рождения и просто встречи с подругами и друзьями. Часть записей не имеет привязки к какому-либо событию.

Предлагаемый к рассмотрению маргинальный эго-документ, несмотря на свою фрагментарность, о которой дополнительно будет сказано ещё и ниже, является достаточно репрезентативным источником, проливающим свет на женские алкогольные практики в позднем Советском Союзе, а также на характер и структуру потребления алкоголя в кругу семьи и среди ИТР. Опыт, лежащий в основе настоящего исследования, задан несколько специфической моделью саморефлексии, связанной с рядом сторон повседневной жизни периода, охватывающего эпоху застоя и перестройки в СССР.

Следует сказать, что трудно определить степень уникальности подобного симбиоза личного дневника и коллекции артефактов, превращённых в символические маркеры жизненного пути. В Живом Журнале мне удалось обнаружить, в частности, свидетельство схожей модели собирательства.

Как-то kenderiha обмолвилась, что неплохо бы мне обнародовать свою коллекцию винных лейблов. Я с ней полностью согласна: это не просто коллекция, это — документ эпохи. Я ведь коллекционировала лишь то, что распивалось в on-line. Одни этикетки времен антиалкогольной кампании чего стоят! [О выпивке].

Особый интерес, как в случае с автором данного блога в ЖЖ, так и с коллекцией В.А.М., представляет обилие винодельческой продукции стран СЭВ — Болгарии, Венгрии, Румынии, Югославии. В настоящее время достаточно сложно разобраться, в какой степени импортный алкоголь из стран Восточного блока был в СССР доступен «широким народным массам», а в какой был дефицитным продуктом. Примеры того, что какие-то напитки приходилось «доставать» до начала горбачёвской антиалкогольной кампании, можно найти в этом дневнике на этикетках. Это обстоятельство в определённой степени помещает импортный алкоголь в круг предметов престижного потребления и указывает на распространённое в позднем СССР фетишистское отношение к вещам [Ушакин, 2020]. Алкогольная продукция стран СЭВ имела сложную структуру дефицита, и если чешское пиво было сложно достать, то болгарские, венгерские и румынские вина продавались практически повсеместно [Тимофеев, 2017]. Автор ЖЖ пишет:

У меня очень много этикеток венгерских вин, в основном — белых. Их много продавали в Союзе, нам нравилось, мы их много и покупали. Особых реминисценций нет. Масса красивых этикеток с разными названиями, выпито в кругу семьи. Были они двух типов: с лентой венгерского флага и надписью «венгерское вино» и MONIMPEX. Ряд названий на венгерском, написанных русскими буквами: Бадачони Сюркебарат, Семелт Ризлинг, Цирфандли, Итальянский Ризлинг, Гевеши Эзере, Зеленый Вертелини, Немеш кадарка, Ризлинг Сильвани. <...> Много Токая. Заболела им еще студенткой в советское время, когда попробовала «Токай Самородны Сладкий»» [Винный опус] (рис. 1, 2).

Рис. 1

Рис. 2

Хотя В.А.М. отдавала предпочтение в своих оценках молдавским виноделам, но в целом её пристрастие к сладким десертным винам дало повод назвать её «Любительницей токая». В приводимых выдержках из её записей я буду заменять начальными буквами имени и фамилии отмеченных в записях людей, там, где нет возможности обойтись без их упоминания.

2. Три оптики и три составные части исследования

Итак, мы имеем дело с пометками на предметах коллекционирования, которые могут трактоваться как личный дневник. Пропаганда коллекционирования как важной формы досуга советского человека возникает ещё в раннесоветское время

[Саверкина, 2005]. В позднесоветское время разнообразное собирательство поощрялось со школьного возраста, что не могло не отразиться на пристрастиях миллионов людей [Куляпин, Скубач, 2005]. При этом вещи, выступающие в качестве носителя информации, имели в СССР весьма значимый семиотический и эстетический статус. Как отмечал Ж. Бодрийяр, «сегодня жилище ценится не за его удобство и уют, а за его информативность, насыщенность изобретениями, контролируемость, постоянную открытость для сообщений, вносимых вещами; ценность сместилась в сторону синтагматической исчислимости, которая, собственно, и лежит в основе современного “жилищного” дискурса» [Бодрийяр, 2001: 31]. Импортные бутылки оригинальной формы использовались для украшения интерьера. Что же касается этикеток, отделённых от бутылок, то их использование имело весьма специфическую форму. С одной стороны, импортные бутылки (и этикетки) могли быть знаками престижного потребления [Юрчак, 2014: 383], а, с другой, знаками «красивой жизни» в сугубо эстетическом аспекте, ибо дизайн многих (но далеко не всех) этикеток делал их для неизбалованных дизайнерскими вещами советских граждан материалом для самостоятельного творчества. Сферой применения креативных решений чаще всего становились туалеты в квартирах с отдельными санузлами, которые обклеивались яркими экзотическими этикетками. В.А.М. сообщила мне, что после переезда на приобретённую, вероятно, путём обмена квартиру, она обнаружила такого рода интерьер в туалете и использовала часть своей коллекции для его рестайлинга. Количество ушедших для реализации этой задачи этикеток я не смог узнать. Подобное решение делает пространство, где размещается коллекция, аналогом музея с недоступным глазу этикетажом, генерирующим дополнительную семантику демонстрируемых предметов. Если В.А.М. использовала для обновления этикетки со своими пометками, то при наклеивании они могли проступить сквозь бумагу и стать зашифрованными текстами, к которым не так сложно подобрать код. Однако это обстоятельство остаётся для нас тёмным местом.

При оформлении пространства предметами личного прошлого оно отсылает владельца к субъективному опыту переживаний личной истории, требующему незначительной рефлексии. Когда же мы сталкиваемся с чужой коллекцией, то значительная часть её смыслов не будет нами воспринята. В любом случае мы будем иметь дело с обращением к коллективной истории, объективированной в текстах, которые мы в состоянии воспринять и интерпретировать. Тесное пространство значительной части советских туалетов делает его перенасыщенным информацией в случае оформления любой полиграфической продукцией. К сожалению, «пионер» социологического рассмотрения туалетного функционала обошёл вниманием этот аспект [Паченков, 2006], хотя это в большей степени требует исследования со стороны культурной антропологии и семиотики.

Как отмечала И. Оствальд, *какая-то конкретная коллекция может показаться странной сторонним наблюдателям*, но все же они, как правило, признают сам принцип подобного собирания. Коллекция — это не масса, не просто собранные вместе груды предметов, это нечто иное — у коллекции есть внутренняя логика, смысл. Свой смысл коллекция приобретает не как *механическая сумма своих экспонатов*, а прежде всего благодаря *подбору и классификации*. То, что раньше существовало в виде отдельных единиц и имело случайную потребительскую и эмоциональную ценность, теперь стало частью нового бытия, подчиненного определенным *правилам* и обладающего совершенно новой ценностью. Благодаря классификации, упорядочиванию, привнесению субъективного смысла *homo collector'ом*, разрозненные предметы превращаются в коллекцию, количество переходит в качество [Оствальд, 2005: 35—36].

Что касается рассмотрения исследуемого собрания в качестве личного дневника, то не следует забывать, что размер носителя информации существенно ограничивает возможности автора. Если найти аналог в современных соцсетях, то мы

имеем дело не с ЖЖ или Фейсбуком, а с Твиттером. Следовательно, транслируемый текст заведомо будет лишён подробностей и будет носить эмоциональный или сугубо информационный характер. Отмечая, что как всякий «линейный» нарратив дневник обладает опасностью возникновения в читательской рецепции каузальных отношений между событиями, по принципу «после того — значит вследствие этого», Ю. Л. Троицкий указывает, что по этой причине режим чтения дневника должен включать деконструкцию текстовых спонтанных причинно-следственных отношений [Троицкий, 2014: 18]. В случае, с которым мы имеем дело, нужно принимать во внимание, что запись о событии могла быть сделана, скорее всего, не раньше, чем на следующий день после него, т. к. процедура отделения этикетки от бутылки и просушка занимали не менее часа, а распитие алкогольных напитков чаще всего начинались во второй половине дня. Т. о., даже кажущиеся весьма спонтанными и эмоциональными записи были сделаны не «по горячим следам», а задним числом, либо в результате усугубления ситуации. Целью рассмотрения записей В.А.М. не является анализ событий личной жизни. Эти записи — не только фиксация праздников в хорошей компании, но и порой не очень глубокая рефлексия над местом и ролью возлияний. В женских дневниках, как отмечает И. Л. Савкина, употребление алкоголя — это «органическая часть повседневности, важная составляющая обыденности» [Савкина, 2015: 86], и именно социокультурный, социально-экономический и социально-политический фон будет представлять для нас наибольший интерес.

3. Система алкогольных мер и предпочтений

Мера

В заметках можно обнаружить и малую праздничную дозу в одиночестве, и длительное смакование напитка, и способность разделить пол-литра на 26 членов коллектива, и самоограничение в период дефицита, и необходимость «добавить»:

- Tokaji Szamorodni: «1 мая — 1 рюмашка в диком одиночестве. <...> 73 г.» (рис. 3).

- Крымское десертное вино «Кокур» (крепость — 16 %, сахар — 16 %): «19 августа 1973 г. Приезд А.Г. с югов. «За что мы только не выпили эти 250 гр.!!»

- «Гевеши Эзерё» (крепость — 10,5—12 %, сахар — 10—20 %): «Приятное вино! "...А где-то свадьба, свадьба, свадьба пела и плясала!". Откушали с В.С. На прощание запивали коньяком! <...> Ноябрь 1982 г. — 20 числа» (рис. 4).

Рис. 3

Рис. 4

- «Апшерон»: «23 февраля 1983 г. Да здравствует сильный пол! Все было удивительно и прекрасно, особенно, если смотреть (даже) через 3 звездочки!! Хватило аж на 26 душ! И не по одному разу! 1 цех — за здоровье мужчин по работе» (рис. 5).

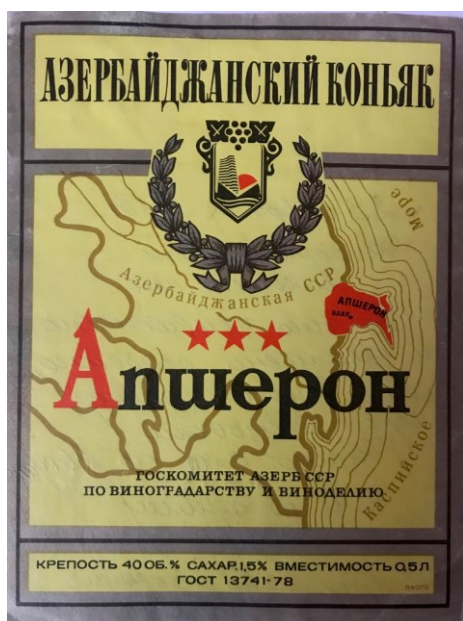

Рис. 5

Рис. 6

• «Ркацители»: «Оказывается, «Ркацители» бывает и десертное. Приятный напиток январь-февраль-март 1991 г. По чуть-чуть — Се-ля-ви — по талонам, все-таки» (рис. 6).

Предпочтения

Пожалуй, главным критерием предпочтений В.А.М. среди алкогольных напитков было высокое содержание сахара, что является типичным для «женского потребления» [Мартыненко, Рощина, 2015]. Оценочные суждения достаточно частотны именно на этикетках десертных вин. Забавно, что одна из оценок коньяка содержит следующее замечание: «И всего-то чуть-чуть сах. (1,5 %), а уже приятно! Ну что ж, будем знакомы, милый, приятный «Апшерон» (до «Наполеона») мы все-таки доберемся!). Болгарский бренди «Слънчев Бряг», впрочем, тоже заслуживает добрых слов: «Майские праздники 1986 года. В.П. Коньяк порядочный. Спасибо, болгары!».

Всех больше похвал адресовано молдавскому десертному вину «Лидия» (крепость — 16 %, сахар — 10 %): «Чудесная «Лидия»», «Любимая «Лидия»». Как удалось выяснить, — это вино рубинового цвета, имеющее букет и вкус с приятными земляничными тонами, свойственными сорту винограда [Молдавские вина] (рис. 7).

Среди избранных у В.А.М. было румынское крепленое вино «Рымникское» (крепость — 15,8—16 %, сахар — 8—9 %) («Мое любимое вино»), болгарское белое десертное вино «Славянка» (алкоголь — 16—17 %, сахар — 8—10 %) («Самое любимое из Болгарских»), болгарское белое десертное вино «Варна» (крепость — 18—19 %, сахар — 10—12 %) («Любимая Варна и, естественно, Болгария!»), болгарское красное десертное вино «Тырново» (крепость — 18—19 %, сахар — 10—12 %) («Хороший, слегка терпковатый напиток»), «Muscat» («Самый лучший в мире греческо-кипрский «Мускат»!!!») (рис. 8—11).

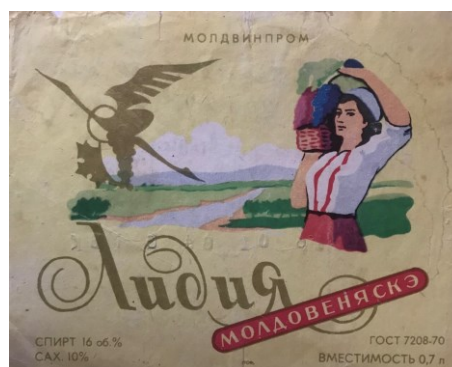

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

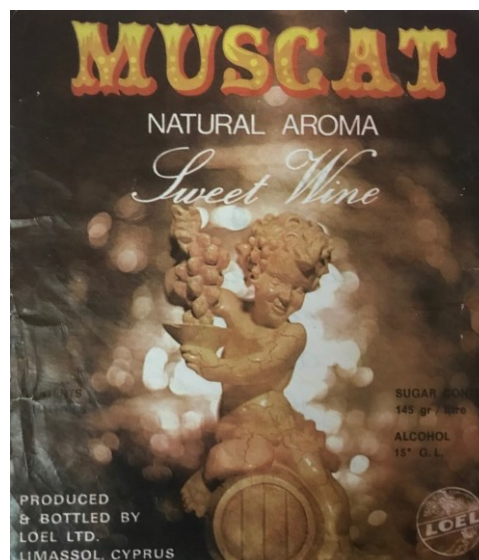

Рис. 11

На этом фоне довольно анекдотично воспринимается ремарка, сделанная в адрес таджикского сладкого вина «Хисор Гиссар» (крепость — 16 %, сахар — 16 %): «С милыми дамами Валдайки оприходовал этот напиток (сладковат, правда, но ничего!)»¹. Узбекский портвейн «Чашма» (крепость — 19 %, сахар — 7 %), возможно, как раз из-за недостатка сахара заслуживает следующей характеристики: «Суббота, 11.06.83 <...> Да здравствует Братская республика УЗБЕКИСТАН! Надо сказать, винцо неплохое! (хотя бы такие не переводились). Но пусть простят мне узбеки, я предпочитаю солнечную Молдавию с её милым, добрым, надёжным АИСТОМ». Но были и исключения и в отношении молдавских вин. Так, на обороте этикетки «Мадеры» (крепость — 19 %, сахар — 4 %) В.А.М. пишет: «август, 1991 г. Привез Т. С. дядя из Тирасполя. Еще раз убедилась, что это не мой напиток. Но «Аисты» все равно молодцы» (рис. 12—13).

¹ Имеется в виду санаторий-профилакторий авиаремонтного завода на окраине города около Валдайского озера.

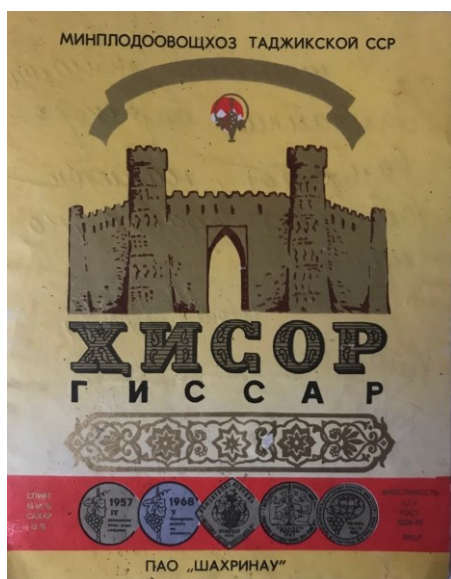

Рис. 12

Рис. 13

На обороте этикетки румынского вина «Фетяска» записывается стихотворение Ирины Снеговой с некоторыми отступлениями от оригинала:

Зеленое вино
 По прозвищу «Фетяска»,
 И все предрешено —
 Триумфы и фиаско,
 Лозы молдавской ток
 И трезвый счет итога...
 Все он, Софоклов Рок,
 Но только смявший тогу,
 Нас усадил вдвоем
 Развязывать развязку...
 И нелегко мы пьем
 Легчайшую «Фетяску» (рис. 14, 14а).

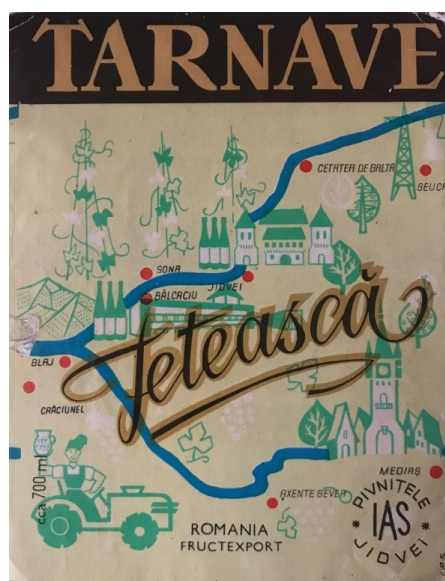

Рис. 14

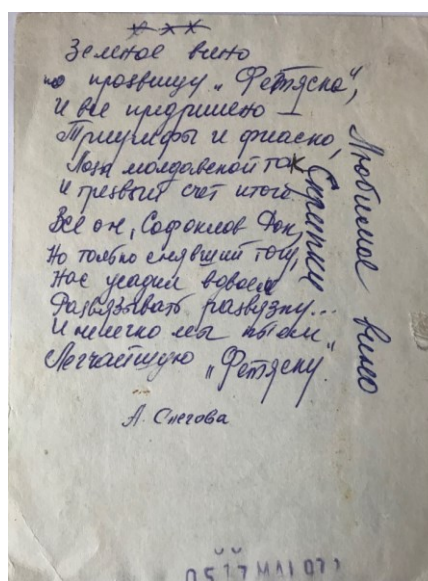

Рис. 14а

Приобретение

История потреблённого алкоголя начинается с момента его приобретения или обретения. В имеющемся массиве записей не упомянут ни один случай дарения, но несколько раз говорится о том, что бутылку кто-то откуда-то привёз, что иногда прямо, а чаще косвенно указывает, что речь идёт о совместном употреблении этого алкоголя. Обычно доставлялся алкоголь с окраин СССР либо из командировок или турпоездки в соц. страны Восточной Европы. Югославское белое полусладкое вино «Zlatna Kapljica» (крепость — 14 %) заслуживает нарратива, изобилующего разного рода подробностями, связанными с поводом употребления и оценкой напитка, и, что является наиболее важным, с ироническим описанием его приобретения (рис. 15).

Рис. 15

Пятница — «маленькая суббота» — 24—25.06.83

Наконец-то отведала это «сверхвино»! Надо сказать, приятное! Опять же проблема: где купить? Эта же приобретена с заднего «кирильца».

Больше 1 раза не обратишься.

Выпита за белые ноги, за светлые головы (оказывается, голова светлеет от этого винца!)

Ну, что ж, «Золотая капелька», мы Вас любим!

И включаем в свой «Золотой фонд».

Рис. 16

Рис. 17

Ликёр «Старый Таллин» встречается в коллекции дважды. Всякий раз отмечается, что он был привезён из Эстонии: в 1981 году — из Пярну, а в 1988 году — из Таллина. В последнем случае указывается, что пил кто-то из знакомых, и делается пометка «Но я такой тоже пила!», в более поздней приписке сообщаются подробности: «Вана Таллин! В 1958 году 3 месяца на практике в Таллине» (рис. 16—17).

Экспортный вариант водки «Kubanskaya», на этикетке которой отсутствует датировка, сопровождается записью В.А.М.: «“Кубанская” на каждом шагу в продаже» (рис. 18). Скорее всего, это связано с какими-то изменениями поставок продукции в нестоличные регионы, благодаря которым в Иванове появилась невиданная прежде алкогольная продукция. Условия приобретения напитков обычно включены в записи В.А.М. в более широкий нарратив, и об этой стороне алкогольных практик ещё будет сказано ниже. Особое внимание будет обращено на этот процесс в период горбачёвского «сухого закона», подорвавшего сформировавшуюся и устоявшуюся в период «застоя» модель.

Рис. 18

Цены

В рассматриваемый период цены на алкоголь неуклонно росли (за исключением выпуска в сентябре 1983 года водки «андроповки»). Так, 15 сентября 1981 года газета «Правда» писала о том, что Государственный комитет СССР по ценам принял постановление об изменении розничных цен. На винно-водочные изделия они повысились в среднем на 17—27 %, однако на крепленые вина они оставались вполне доступными и после повышения 1986 года [Розничные цены]. Цена лишь дважды упоминается В.А.М. в её записях. В одном случае — это приятное удивление дешевизной продукта, а в другом — просто фиксация, вероятно, призванная сопоставить цену и качество.

- Вино «Букет Абхазии»: «Привезла Т.М. из «Гагров». Допили 14.12.80 (и еще немного раньше) в очень милой компании. Винцо, конечно отменное и цена..? 1 р. 70 — ёмк. 0,7»

- Вино «Токайский Фурминт»: «Привезена 5 ноября из Шурино м-на «Диета». Пили-смаковали! Напиток очень приятный Ст. 3 р. 50 коп.» (рис. 19).

- Коньяк «Белый Аист»: «Сентябрь 1987 г. Напиток славный, стоит денег! Пусть в этом «гараже» все стоит во всю ступню!» (рис. 20).

Рис. 19

Рис. 20

4. Поводы

Поводов для распития алкоголя в относительно благополучные длинные семидесятые было достаточно много, и исследователи до настоящего времени пытаются объяснить, почему советские люди, начиная с 1960-х годов, начали «пить без меры» [Клинова, 2008: 60].

- Вино «Чёрные глаза» (крепость — 16 %, сахар — 16 %): «Пили за рождение Сашеньки с 8 апреля — 15 апреля. К.Г., Р., Г., Л., Н., А. М., С., Л.Л., К.Т.А. продегустировали. Пила мама и муж — отец С. Мне же выпить не удалось. =1968 г.=». На этой этикетке есть ностальгическая приписка, сделанная в ноябре 2015 года: «ул. Куконковых 27 (съемная приделок)».

Рис. 21

- Десертное азербайджанское вино «Гара Чанах» (крепость — 16 %, сахар — 8—9 %): «Пили за 30 лет В.А.М. август 1969 г. С медалями, не хухры-мухры! Оправданы (медали)» (рис. 21).

- Десертное молдавское «Трифешты» (крепость — 16 %, сахар — 16 %): «28 апреля 1972 г “Обмыли” собственные стены. Было 13 душ — одна веселее другой. Было здорово! А медали стоят!!! свеч и шапки с плафоном! Ха, ха, ха! С новосельем, В.А.» (рис. 22).

Рис. 22

- Румынское вино «Cotnari» (крепость — 13—14 %): «Пили у Татьяны в день 55 годовщины ВОСР. 7.11.72» (рис. 23).

Рис. 23

- Молдавское десертное вино «Трифешты» (крепость — 16 %, сахар — 16 %): «Пили 13 августа 72 г. за рождение с М. Допили с С. 9 сентября».

- Румынское полусладкое вино «Murfatlar»:

«14 августа 1972 г. Пили у Г.В.С. за день рожденья М. Было 6 человек. Бутылку привез А.И.С. из Турне в «Братской стране союзных республик». Винцо прелестное. А потом было все как в кино» (рис. 24).

Рис. 24

- Яичный ликер «Eier Likör» (крепость — 20 %): «Привезла из ГДР Т. Рытикова в 1971 г. Допили 19.07.73 г.»

Рис. 25

- Вино «Tokaji Szamorodni»: «1 мая — 1 рюмашка в диком одиночестве. 22 мая — делали замеры с <...> 24 мая — да здравствуют кресла. Спасибо С. и З. К. 73 г.»

- Болгарское белое десертное вино «Тамянка» (крепость — 16—17 %, сахар — 16—17 %): «31 марта 1973 г. Пили за 5-летие Ш.» (рис. 25).

- Вьетнамский лимонный ликёр «Rượu Chanh» (крепость — 40 %): «Пили 15/XI/73 г. За 5ые и 4 разряды! С повышением Вас, Г.В.С., С.А.В. и Г.М.Ш.!! Пили в «последний раз» у меня (так поклялась Г.В.С.)» (рис. 26).

Рис. 26

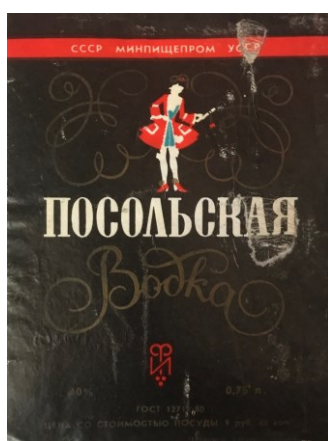

Рис. 27

Рис. 28

• Водка «Посольская»: «Пусть всегда будет солнце, / Пусть всегда будет небо, / Пусть всегда будет май! / “А жизнь продолжается!..” Водочка, надо сказать, ничего особенного — немножко “помягче”. Привезена из ком-ки (Москва, апрель, 1983 г.) (семинар). Пусть хотя бы будет так! 1—2 мая 1983 г.» (рис. 27).

• Молдавский коньяк: «8.11.83. Общ-во В.Г. Да здравствует В.О.С.Р. и солнечная Молдавия».

• Вино белое сухое «Старый замок»: «Пили за 45 с Т. Б. 26. авг. 1984 г.» (рис. 28).

• Портвейн «Лучший»: «29 сентября 1989 г. Мы с Т. Б. пили у Г. Т. по случаю 35 годовщины хозяйки и, естественно, за «хороших людей, таких, как мы» в новейшей квартире из 3х комнат этот вкусный напиток».

• Водка «Пшеничная»: «С Рождеством Христовым! 1989 г.»

• Коньячный напиток «Флуераш» (крепость — 38 %): «За старый Новый год. Л., Р., Я. 13.I.1989 г. Напиток приятный. Молодцы «Аисты!»» (рис. 29).

• Вино «Букет Кубани»: «Куплена на 1ый талон в день аварии во всем городе (отсутствие хол. воды!) — и это был день последнего отоваривания талонов (31 июля 1990 г.). Пита много раз, аж до 8 октября (умер свекр)».

• Ароматизированное молдавское вино «Поляна» (спирт — 18 %, сахар — 7 %): «22 декабря 1990 года крестился А. К. (Младший) и мама Г. К. в “Ивановской Лавре” Преображенский храм. Бутылка (св. причастие) привезена из Загорска К. “Святые-боже, святые-крепки, святые-бессметрны! Помилуй нас!” Напиток посредственный».

Рис. 29

В этом перечне присутствуют приметы счастливой жизни, в которой наряду с празднованием годовщины «ВОСР» присутствует череда дней рождения, переезд на новую квартиру, ритуал обмывания повышения по службе, посиделки в дружеской компании и появление в конце 1980-х новых праздников и поводов. Доминируют сладкие десертные вина, что, исходя из не только советских практик потребления алкоголя, предполагает наличие раздельного потребления напитков мужчинами и женщинами, где указанные напитки предназначены преимущественно или исключительно для последних.

5. Линия партии и линия жизни

Начавшаяся в мае 1985 года антиалкогольная кампания радикально изменила не только практики потребления, но и способы приобретения алкогольных напитков. В августе 1985 года было проведено повышение цен, в частности на водку на 25 %, а в августе 1986 года последовал еще более резкий рост цен на спиртное. В РСФСР к 1987 году почти в пять раз сократилась сеть магазинов, торгующих спиртным. Производство водки и ликеро-водочных изделий с 1984 по 1987 год в РСФСР сократилось на 59 %, вина — на 57 %, пива — на 27 % [Уваров, 2016]. Эти новые реалии отразились в записях на этикетках. Своеобразным эпиграфом к теме алкоголя в период «перестройки» может служить приписка, сделанная В.А.М. на этикетке болгарского бренди «Плиска». Исходный текст — единственный в коллекции, описывающий закуску: «9 сентября 1974 г. Пили за очередной отпуск супругов С. Пили под лососевую икру, лимоны, куру и запивали шампанским». И ниже, после отчёркивания: «—“—“— И кому это всё помешало? Март 1991 г.». Канву новых проблем можно проследить по следующим записям:

Рис. 30

- Коньяк «Белый Аист»: «День рождения М.! 1988 г., июнь мц. Баловство немыслимое! при нашей-то жизни»

- Венгерское вино «Мушкоталь»: «Начали появляться вина сухие. Вино, надо сказать, приятное Октябрь 1988 г.» (рис. 30).

- Коньяк «Азербайджанский»: «Были напитки и покрепче «Изабеллы» и «Шампуньского», Азербайджан, правда, не Армения, но увы... Мы боремся с ал-ем. Но за 50 сам Бог велел...! ...Нам рано жить воспоминаньями!»

- Коньяк «Азербайджанский»: «19.XI—30.XI.1990. Выменяла бутылку у Риммы, чтобы ехать в сказочную здравницу “Решма” — бывшее “дворянское гнездо Чазова — 4 гл. упр. Минздрава”². Выпита с К. (были в гостях). С <...> Л.А.Г., пили москвичи В. с Д., остатки увезла (гр. 120) К. — неудобно, но...».

- Бальзам «Лесной»: «Очень приятная добавка — выручалочка для хоть чего! Купил Шурик в какой-то дыре. Спасибо. август-сентябрь 1990».

- Бальзам «Лесной»: «“Лесной бальзамчик” — милая добавка для горячих напитков, а также рекомендую для водочки и просто незаменима для самогоночки!! 1990».

- Портвейн Белый «777»: «“Всплыли” и Знаменитые “Топоры” — то бишь “три семёрки”. 1990 декабрь, — все по-немножку» (рис. 31).

- Водка «Московская»: «Еще надо знать, как она добыта!! в эти трудовые дни перестройки! и от этого еще крепче она!!!»

- Вино «Алазанская Долина»: «Господи, как давно мы не подписывали хороших картинок — «загнали» только в водку. Эта же привезена

Рис. 31

² Номенклатурный санаторий «Решма» был открыт в 1987 году, и впоследствии переориентирован на лечение пострадавших в аварии на Чернобыльской АЭС.

из Загорска Ж.К. Народу было аж 11 чел! Собрались по поводу приезда О. из Германии и Ж. с семьей из Загорска. А день был траурным в связи с похоронами жертв (3 чел.) переворота в стране (19.08.91—22.08). А дальше??? 24.08.91 г.»

На обороте этикетки другого портвейна «777» В.А.М. пишет: «Благодаря талонам всплыли древние напитки, такие, как “три топора”. Пита в янв — ф-ле 1991 г. 22.1.91 — по 1.02.91 Ездили в ком-ку в г. Фурманов — Мекку нашей торговли, но увы... и там очень пусто». В 1970—80 годы прошлого столетия небольшой районный город Фурманов, расположенный менее чем в 30 километрах от Иванова, приобрел всесоюзную славу благодаря успешной организации торговли.

Рис. 32

Новые оформленные в едином стиле магазины самообслуживания «Фурмановского торгога» привлекали в то время к себе внимание многих жителей областного центра [Открытие].

Возмущённые реплики очень частотны в этот период. На этикетке портвейна «Красный Южнобережный» (крепость — 18 %, сахар — 11 %) констатируется, что «все на уровне дефицита! И даже такие поср.<едственные> вина Массандры!». По-Пожалуй, самая отчаянная подпись находится на этикетке портвейна «Агдам»: «Вино, достатое в муках безнадежной совдепии 1989 г. Март» (рис. 32).

Важным для понимания алкогольных практик периода антиалкогольной кампании 1985—1990 годов являлась борьба с пьянством на рабочем месте,

которая, естественно, не поощрялась и прежде, но допускалась в некоторых формах коллективов в виде импровизированных фуршетов по поводу дней рождения или гендерно маркированных советских праздников («23 февраля» и «8 марта»). На обороте венгерского игристого вина «Тройка» В.А.М. пишет: «17 января 1989 г. Пили за именины С. Рисковали, но... Все обошлось. “Шампуньское” приятное! Долгие лета!!! — Нас было 7-ро» (рис. 33).

Рис. 33

Надпись на этикетке «Черноморского Белого» описывает ситуацию в профилактории предприятия, случившуюся на закате советского времени летом 1990 года: «...“Эх, была, не была! Что кручиниться — Всё равно только раз умирать”, “— Вот это мы попались!” Такого ещё не было! Сам ком-р нас “приколол”. Настроение на нуле! 20 душ!! бесславно закончили свое пребывание на Валдайке! 1.06.90 Велели подать списки к 4.06.90! Уж боюсь и писать действующих лиц. Обидно страдать за этот низкопробный напиток, разлитый на 5 душ». Несколько раньше проведение отдыха в этом профилактории не привело к неприятным для участников последствиям, и поскольку практика

Рис. 34

Рис. 35

распития алкоголя в подобных местах в период до 1985 года была вполне общераспространённой, то надписи на этикетке полусухого венгерского вина «Семелт Ризлинг» и на этикетке «Ркацителери», датированных маем 1988 года, сугубо информационные: «Любимая “Валдайка”» (рис. 34—35).

6. История в этикетках

Описанная П. Бурдьё схематическая жёсткая детерминация социальных практик и алкогольных предпочтений, когда

люди, привыкшие пить шампанское, противостоят тем, кто пьёт виски, а последние, хотя и в другом смысле, противостоят тем, кто пьёт красное вино; но те, кто пьёт шампанское, чаще, чем пьющие виски, и еще чаще, чем пьющие красное вино, будут отличаться тем, что они имеют антикварную мебель, играют в гольф, занимаются верховой ездой и ходят в театры на легкие комедии [Бурдьё],

является не в полной мере актуальной не только для современных российских практик [Мартыненко, Рощина, 2015], но и для советского времени.

В приведённой выборке достаточно полно представлена структура потребления представительницы «советского среднего класса», «технической интеллигенции». С помощью данного собрания этикеток можно проследить изменение советского алкогольного ассортимента лишь в достаточно узком сегменте личных предпочтений. Однако материал, накопленный В.А.М., уникален не только как частный случай фиксации алкогольных практик на протяжении 23 лет, но и как материал для знакомства с культурой повседневности города, позиционируемого в рассматриваемое время как родина первого Совета.

Библиография

- Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: РУДОМИНО, 2001. 219 с.
- Бурдьё П.* Социальное пространство и символическая власть. URL: <http://bourdieu.name/content/socialnoe-prostranstvo-i-simvolicheskaja-vlast> (дата обращения: 22.10.2020).
- Винный опус #4. Венгрия. URL: <https://d1se.livejournal.com/11508.html> (дата обращения: 22.10.2020).
- Клинова М. А.* Современная отечественная историография потребления алкоголя жителями СССР (1940-е — конец 1980-х гг.) // Омский научный вестник. 2009. № 2 (76). С. 60—63.
- Куляпин А. И., Скубач О. А.* Собиратели хаоса: коллекционирование по-советски // Критика и семиотика. 2005. Т. 8. С. 180—188.
- Мартыненко П. А., Рощина Я. М.* Структура потребления алкоголя как индикатор социальной группы в современных российских городах // Экономическая социология, 2015. Т. 15. № 1. С. 20—42.
- Молдавские вина: лучшие десертные вина Молдавии. URL: <https://chacha-puri.ru/vino/lidiya-moldavskoe.html> (дата обращения: 22.10.2020).
- О выпивке, опус 1-й. URL: <https://d1se.livejournal.com/10166.html> (дата обращения: 22.10.2020).
- Освальд И.* Номо collector, или Возникновение ЦНСИ из страсти к собирательству // Беспредельная социология: сборник эссе к 60-летию Воронкова В. / под ред. О. Паченкова, М. Соколова, Е. Чикадзе. СПб.: ЦНСИ, 2005. С. 34—46.
- Открытие выставки «Бренд союзного масштаба». URL: <http://www.igikm.ru/sobytiya/afisha/1581/> (дата обращения: 22.10.2020).
- Паченков О.* «Нужда большая и малая»: отправление «естественных потребностей» как объект социологического анализа // Беспредельная социология: Перезагрузка: сб. эссе / под ред. Н. Нартовой, О. Паченкова, М. Соколова, Е. Чикадзе. СПб.: ЦНСИ, 2006. С. 37—45.

- Розничные цены на вина виноградные и коньяки. Дополнительный прейскурант № 013 — 1981/155. М.: Прейскурант, 1986.
- Саверкина И. В. Коллекционирование в системе идеологической работы в 20—30-е гг. XX в. // Клио. 2005. № 4. С. 127—132.
- Савкина И. «Я же — человек обыкновенный»: анализ двух женских дневников советского времени // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. Вып. 4. С. 79—88.
- Тимофеев М. Ю. Выпить на брудершафт: алкоголь из стран СЭВ в Советском Союзе // Алкоголь в России: материалы четвертой Междунар. науч.-практ. конф., Иваново, 25—26 октября 2013 г. Иваново: Филиал РГГУ в г. Иваново, 2013. С. 31—35.
- Троицкий Ю. Л. Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка // История в эго-документах: Исследования и источники / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: АСПУр, 2014. С. 14—31.
- Уваров С. Н. Причины, проведение и результаты антиалкогольной кампании 1985—1988 гг. на Урале // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2016. URL: http://vestospu.ru/archive/2016/articles/20_17_2016.pdf (дата обращения: 22.10.2020).
- Ушакин С. Сервантики застоя: о красоте и пользе советского вещизма // Это было навсегда. Гос. Третьяковская галерея. М., 2020.
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014. 664 с.

References

- Baudrillard J. (2001) *Sistema veshchey* [The system of objects], M.: RUDOMINO, 2001, 219 p.
- Bourdieu P. *Sotsial'noe prostranstvo i simvolicheskaya vlast'* [Social Space and Symbolic Power]. available from <http://bourdieu.name/content/socialnoe-prostranstvo-i-simvolicheskaja-vlast> (accessed 22.10.2020).
- Vinnyy opus #4. *Vengriya* [Wine Opus #4. Hungary], available from <https://d1se.livejournal.com/11508.html> (accessed 22.10.2020).
- Klinova, M. A. (2009) *Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya potrebleniya alkogolya zhitelyami SSSR (1940-e — konets 1980-kh gg.)* [Modern national historiography of alcohol consumption by residents of the USSR (1940s — late 1980s)], *Omskiy nauchnyy vestnik*, no. 2 (76), pp. 60—63.
- Kulyapin, A. I., Skubach, O. A. (2005) *Sobirатели khaosa: kollektcionirovanie po-sovetski* [Collectors of chaos: collecting in the Soviet way], *Kritika i semiotika*, vol. 8, pp. 180—188.
- Martynenko P. A., Roshchina Ya. M. (2015) *Struktura potrebleniya alkogolya kak indikator sotsial'noy gruppy v sovremennykh rossiyskikh gorodakh* [The structure of alcohol consumption as an indicator of a social group in modern Russian cities], *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 15, no. 1, pp. 20—42.
- Moldavskie vina: luchshie desertnye vina Moldavii* [Moldovan wines: the best dessert wines of Moldova], available from <https://chacha-puri.ru/vino/lidiya-moldavskoe.html> (accessed 22.10.2020).
- O vypivke, opus 1-yu* [On Drinks, Opus 1], available from <https://d1se.livejournal.com/10166.html> (accessed 22.10.2020).
- Osvaľd I. (2005) *Homo collector, ili vznikovenie TsNSI iz strasti k sobiratel'stvu* [Homo collector, or The emergence of the CISR from a passion for collecting], in: Pachenkova, O., Sokolova, M., Chikadze, E. (eds) *Bespredel'naya sotsiologiya: sbornik esse k 60-letiyu V. Voronkova*, St. Petersburg: TsNSI, pp. 34—46.
- Otkrytie vystavki «Brend soyuznogo masshtaba»* [Opening of the exhibition “Brand of the Union scale”], available from <http://www.igikm.ru/sobytiya/afisha/1581/> (accessed 22.10.2020).
- Pachenkov, O. (2006) «Nuzhda bol'shaya i malaya»: otpravlenie «estestvennykh potrebnostey» kak ob'ekt sotsiologicheskogo analiza [“Big and small toilet purposes”: the meeting a person's natural needs as an object of sociological analysis], in: Nartova, N., Pachenkov, O., Sokolov, M., Chikadze, E. (eds), *Bespredel'naya sotsiologiya: Perezagruzka: Sbornik esse*, St. Petersburg: TsNSI, pp. 37—45.

- Roznichnye tseny na vina vinogradnye i kon'yaki. Dopolnitel'nyy preyskurant № 013-1981/155* (1986) [Retail prices for grape wines and cognacs. Additional price list No. 013-1981/155], Moscow: Preyskurant.
- Saverkina, I. V. (2005) Kolleksionirovanie v sisteme ideologicheskoy raboty v 20-e — 30-e gg. [Collecting in the system of ideological work in the 20s — 30s of the XX century], XX v., *Klio*, no. 4, pp. 127—132.
- Savkina, I. (2015) «Ya zhe — chelovek obyknovennyy»: analiz dvukh zhenskikh dnevnikov sovetского времени [“But I am an ordinary person”: Analysis of two women’s diaries from the Soviet period], *Vestnik Permskogo universiteta: Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, vyp. 4. S. 79—88.
- Timofeev, M. Yu. (2013) Vypit' na brudershaft: alkohol' iz stran SEV v Sovetskom Soyuze [To drink brotherhood: alcohol from the CMEA countries in the Soviet Union], *Alkohol' v Rossii: materialy chetvertoy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.*, Ivanovo, 25—26 oktyabrya 2013 g. Ivanovo: Filial RGGU v g. Ivanovo, pp. 31—35.
- Troitskiy, Yu. L. (2014) Analitika ego-dokumentov: instrumental'nyy resurs istorika [Analytics of ego-documents: the historian’s instrumental resource], *Istoriya v ego-dokumentakh: Issledovaniya i istochniki / In-t istorii i arkhologii UrO RAN*. Ekaterinburg: AsPUr, pp. 14—31.
- Uvarov, S. N. (2016) *Prichiny, provedenie i rezul'taty antialkohol'noy kampanii 1985—1988 gg. na Urale* [Reasons, conducting and results of the anti-alcohol campaign 1985—1988 in the Urals], *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, available from http://vestospu.ru/archive/2016/articles/20_17_2016.pdf (accessed 22.10.2020).
- Ushakin, S. (2020) Servantiki zastoya: o krasote i pol'ze sovetского veshchizma [Little sideboards of stagnation: about the beauty and benefits of Soviet crude materialism], *Eto bylo navsegda*, Moscow: Gos. Tret'yakovskaya galereya.
- Yurchak, A. (2014) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'.* *Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation], Moscow: NLO, 664 p.

АЛКОГОЛЬ В СТРАНЕ СОВЕТОВ

УДК 76.03/.09(470=571)

«ГРАЖДАНЕ АЛКОГОЛИКИ, ХУЛИГАНЫ, ТУНЕЯДЦЫ»: АЛКОГОЛЬ И ЕГО ПОТРЕБИТЕЛИ В ЗЕРКАЛЕ СОВЕТСКОЙ КАРИКАТУРЫ

И. А. Гринько, А. А. Шевцова

Управление музейно-туристского развития ГАУК «МОСГОРТУР»;
Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия,
iagrinko@yandex.ru

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия, ash@inbox.ru

Предмет данного исследования — визуализация алкоголя и связанных с ним тем в советской карикатуре. Взяв за основу послевоенный архив самого популярного советского сатирического журнала «Крокодил» и издания «Мастера советской карикатуры», авторы анализируют выбор разрешенных для визуализации тем, частотность и динамику появления различных сюжетов, а также их связь с политическим контекстом и национальной спецификой. Кроме того, особый акцент сделан на «белых пятнах» — алкогольных сюжетах, не попадающих в фокус советской сатиры. Основной вывод исследования: в условиях государственной монополии на алкоголь официальная антиалкогольная карикатура была по большей части имитационной и неэффективной. Как правило, советские карикатуристы показывали даже «чрезмерное употребление» как понятную человеческую слабость, а не как социальное зло, тем самым поощряя алкоголизм как социокультурный феномен.

Ключевые слова: карикатура, советская история, визуальная сатира, советская карикатура, советский визуальный дискурс, антиалкогольная кампания, антиалкогольный плакат, история алкоголя, образ алкоголика, алкоголизм в СССР, журнал «Крокодил».

“CITIZENS ALCOHOLICS, HOOLIGANS, PARASITES”: ALCOHOL AND ITS CONSUMERS IN THE MIRROR OF THE SOVIET CARTOON

I. A. Grinko, A. A. Shevtsova

Department for Museum and Tourism Development (“MOSGORTUR”); Institute of Ethnology
and Anthropology (Russian Academy of Sciences), Moscow, Russia, iagrinko@yandex.ru

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia, ash@inbox.ru

The subject of this article is the visualization of alcohol and related topics in the Soviet cartoon. Based on the post-war archive of the most popular Soviet satirical magazine Crocodile and the edition of “The Masters of Soviet Caricature”, the authors analyze the choice of topics allowed for visualization, the frequency and dynamics of the emergence of various subjects, as well as their connection with the political context and national identity. In addition, special emphasis is placed on “white spots” — alcoholic subjects that are not in the focus of Soviet satire.

© Гринько И. А., Шевцова А. А., 2020

Ссылка для цитирования: Гринько И. А., Шевцова А. А. «Граждане алкоголики, хулиганы, тунеядцы»: алкоголь и его потребители в зеркале советской карикатуры // Labyrinth. Теории и практики культуры. 2020. № 2. С. 83—97.

Citation Link: Grinko, I. A., Shevtsova, A. A. (2020) «Grazhdane alkogoliki, huligany, tunejadcy»: alkohol' i ego potrebiteli v zerkale sovetskoj karikatury [“Citizens alcoholics, hooligans, parasites”: alcohol and its consumers in the mirror of the Soviet cartoon], *Labyrinth. Teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth. Theories and practices of culture], no. 2, pp. 83—97.

The main conclusion of the study: in the conditions of the state monopoly on alcohol production and distribution, the official anti-alcohol cartoon was mostly imitative and ineffective. As a rule, Soviet caricaturists even showed “excessive use” as a comprehensible human weakness, and not as a social problem, thus encouraging alcoholism as a sociocultural phenomenon.

Key words: cartoon, Soviet history, visual satire, Soviet cartoon, Soviet visual discourse, anti-alcohol poster, alcohol, alcoholism in the USSR, the magazine “Crocodile”.

Этикет, выработанный поколениями, придал водке значение олимпийского факела. Пока бутылка стоит на столе, между врагами заключается перемирие. Поэтому и пьют партийные с беспартийными, начальники с подчиненными, палачи со своими жертвами. Алкоголь — великий уравниватель. Как Французская революция он декретирует мир, равенство, братство. И это позволяет советскому человеку сжиться с ложью и насилием, нищетой и несправедливостью. Более того, ему и не нужно бороться за свои реальные права, так как он легко их получает в иллюзорном мире опьянения.

Как бы ни было омерзительно пьянство в своем каждодневном проявлении, нельзя отрешиться от функций и результатов, привнесенных им в советскую жизнь. Трудно без ужаса представить себе те апокалипсические формы, которые эта жизнь бы приняла, будь она трезвой.

Вайль П. Л., Генис А. А. «Потерянный рай. Эмиграция: попытка автопортрета», 1983

Цель данной статьи — на основе контент-анализа визуальных и текстовых материалов советской эпохи, а также визуально-компаративного исследования иконографических сюжетов проследить образ алкоголя и его потребителей в массовом сознании. Для этого нам было важно исследовать следующие аспекты темы:

- статистику и динамику «алкогольных» сюжетов, их связь с политическим и экономическим контекстом, в частности, со статистическими данными о потреблении алкоголя на душу населения;
- «белые пятна» — сюжеты, игнорировавшиеся художниками-карикатуристами;
- круг разрешенных для отображения сюжетов;
- национальную специфику данной темы.

Данное исследование, с одной стороны, продолжает целый ряд публикаций, посвященных роли и функции алкогольного потребления в советской повседневности [Алкоголь в социальном пространстве, 2011; Лебина, 2015; Мамяченков, 2016; Пашин, Богданов, Богданова, 2014], как историографических [Клинова, 2009], так и автоэтнографических материалов [Коротич, 2018; Левинтов, 1997; Окунь, Губерман, 2010]. Существует также большое количество исследований, анализирующих отдельные элементы данного вопроса, например, эффекты антиалкогольной кампании в СССР [Ващук, Крушанова, 2014; Дорошенко, 2016], борьбу государства с самогонварением [Королева, Давыдов, 2016] и негативные демографические последствия советского алкоголизма [Ворошилин, 2012; Немцов, 2010].

С другой стороны, статья продолжает традицию изучения визуального пространства советского мира и репрезентаций в нем реальных, в том числе и негативных,

социокультурных явлений [Ярская-Смирнова, Романов, 2010]. Тема алкопотребления в советский период уже рассматривалась в данном ключе [Карпова, 2008], однако карикатура как источник при этом не использовалась. Авторы уже обращались к советской карикатуре как к источнику по ряду неоднозначных аспектов советского прошлого [Шевцова, Гринько, 2016; Шевцова, Гринько, 2018] и хотели бы развить данную тему.

Для изучения советского антиалкогольного дискурса авторы обратились к не совсем традиционному источнику — официальной карикатуре. Основной объем визуальной источниковой базы содержится в журнале «Крокодил», одном из ведущих советских СМИ, тираж которого во времена расцвета достигал 6,5 млн экземпляров. «Крокодил» выходил с 1922 г., задавая тон всей советской сатире и карикатуре. Начиная с 1933 г., когда по решению Политбюро журнал был передан газете «Правда», он по сути и содержанию становится не столько развлекательно-сатирическим, сколько идеологическим и пропагандистским изданием всесоюзного масштаба.

Анализ 729 номеров журнала, с 1950-го по 1991 г., и ряда более ранних выпусков 1920—1940-х гг., содержащих в общей сложности 19 тыс. графических изображений (иллюстрации, карикатуры), показал, что в среднем четыре из пяти номеров журнала «Крокодил» содержат минимум одно изображение на тему потребления алкоголя и алкоголизма: карикатуру, иллюстрацию к фельетону или рассказу, плакат, изошутку, комикс, рисунок на обложке и т. п.

Важный аспект — эмоциональный градус изображений, алкоголь и его потребители часто изображались не сатирически, а юмористически [Юмор молодых, 1964]; (69/36 — здесь и далее подобным образом отмечаются выпуски журнала «Крокодил» в формате год/номер; 79/05). Мягкий сочувственный юмор в алкосюжетах свойственен, например, Виктору Чижикову в его серии «Веселая история» (70/19; 72/16; 74/25) (рис. 1)¹.

В целом такое внимание к теме «под градусом» говорит о том, что сама тема разрешена и поощряема, актуальна, но сами карикатуры малоэффективны и цели своей не достигают.

Дополнили источниковую базу 97 альбомов серии «Мастера советской карикатуры», ретроспективно показывающие лучшие работы корифеев жанра, а также антиалкогольная карикатура, опубликованная в ряде сатирических журналов союзных республик. В качестве сравнительного материала привлекались советские антиалкогольные плакаты разных лет [Виртуальный музей, 2019; Пьянству бой, 2019], выборочно использовались советские издания о культуре застолья и кулинарии [Бабин, 1983; Книга о вкусной и здоровой пище, 1939; Книга о вкусной и здоровой пище, 1969].

— Эпикур! Лично мы твоё учение уважаем!

Рис. 1. В. Чижиков «— Эпикур!
Лично мы твоё учение уважаем!»
(из серии «Веселая история»),
«Крокодил». 1972. № 16. С. 16

¹ Все изображения являются визуальными цитатами.

Анализ визуальных источников позволил выявить в изображениях 15 сюжетных групп на тему потребления алкоголя, неравномерных в количественном и содержательном отношении. Рассмотрим их подробнее.

1. **Антиалкогольные кампании.** Антиалкогольные карикатуры с зелеными змиями и пьяными халтурщиками нередки и в первое десятилетие существования «Крокодила» [История глазами «Крокодила». XX век. События, 2014: 76—79]. Но особенно многочисленными изображения данной сюжетной группы становятся в 1970-е гг. и второй половине 1980-х гг. В 1986—1988 гг. эта сюжетная линия становится настолько актуальной, что регулярно достаивается обложек номеров, в 1970-х гг. это происходило гораздо реже (70/09). При этом зачастую сами карикатуры подчеркивали всю неэффективность кампанейщины (74/27; 86/13; 89/29). Например, в рисунке Ю. Узбякова «Антиалкогольная кампания и алкогольная компания» (74/27) занудный лысеющий очкарик читает в парковом лектории лекцию «Пьянству бой!» нескольким пенсионерам и бабушке с маленькой внучкой, в то время как вокруг в кустах резвится еще полтора десятка нетрезвых «отдыхающих».

В 1970-е гг. антиалкогольных карикатур становится так много, что «Крокодил» вводит специальную рубрику «Под углом 40°», которая может объединять несколько графических сюжетов и язвительный фельетон (80/25). В конце 1980-х в этой рубрике появляются не карикатуры и шаржи, а антиалкогольные плакаты, более жесткие и эмоционально окрашенные (87/33; 88/30).

В конце 1980-х гг. журнал позволял себе очевидное высмеивание системы «сухого закона». Например, так называемые «безалкогольные свадьбы» то недоисчисляются гостей («На свадьбу никто не пришел, пришлось пригласить детский сад», 88/27), то вынуждают заскучавших гостей и молодоженов «хоть песню про вино спеть» (88/30).

2. **Виноделие — это хорошо.** Может показаться парадоксальным, но даже в годы официальной борьбы с алкоголизмом рисунки с изображением застолий с бутылками, рюмками и графинами отнюдь не были редкостью. Причем это могли быть как изображения семейных торжеств (свадьба, встреча Нового года, 8 марта и т. п.), так и застолий юбилейных, метафорически-официальных, например, пира пятнадцати союзных республик (57/04; 57/30; 72/35), где пирующие изображены с полными бокалами. На «Праздничном столе в складчину» в исполнении В. Добровольского (57/30) рядом с «тортом Московским», «окороком Тамбовским», рижскими кильками и «Украинским хлебом» стоят бутылки грузинского вина и армянского коньяка, а перед веселыми гостями в национальных костюмах — рюмки разной степени наполненности.

Рисунок Г. Валька и В. Добровольского «Союз нерушимый» (52/36) повествует об успехах социалистического строительства в юбилейный для страны год. Среди прочих персонажей на нем смуглянка-молдаванка с огромной корзиной винограда и цитатой из речи тов. Л. И. Брежнева на XIX съезде партии: «Молдавия является крупным районом страны по виноделию и производству консервов», а также красавец-грузин с рогом изобилия, в котором нашлось место чаю, фруктам, табаку и вину.

Создается впечатление, что даже плакаты и изображения формально антиалкогольной направленности выполняют функцию отечественного product placement. На «крокодилской» обложке июньского номера за 1985 г. (85/18) в исполнении Е. Шабельника перед Золушкой — бутылкой минералки стоит роскошная Фея-водка в бальном платье из любовно и со знанием дела прорисованных этикеток «Рябиновой», «Старки», «Русской», «Украинской степной», «Столичной», «Бендерской» и проч. Красочными этикетками портвейна, кагора и вермута обклеен симпатичный зеленый змий в украинском плакате 1972 г. [Пьянству бой, 2019].

Подобно тому, как сказочная скатерть-самобранка без запинки перечисляет вино-водочный ассортимент в фильме «Чародеи» (1982 г., реж. Константин Бромберг):

«Портвейн, плодово-ягодное, «Солнцедар», «Кавказ», «Акстафа», «антиалкогольные» изображения эпохи дают четкое представление о реальных предпочтениях потребителя. Чтобы снизить потребление водки, государством создается достаточно обширный ассортимент крепленых вин: от очень дешевых портвейнов (в пределах 1 руб.) до высококлассных марочных вин [Вся история российского алкоголизма, 2018].

3. Характерно, что *качество алкоголя* в 1950—1970-х гг. редко становилось объектом для карикатуры, редкое исключение — печальный комикс 1973 г. о разведенном водой «Цинандали» [2]. Две карикатуры на эту тему появляются в 1980 г.: образ Сальери, который собирается отравить Моцарта «Плодово-ягодным» (80/05) (рис. 2), и разбавленное пиво (80/06).

Рис. 2. Е. Шукаев «Моцарт и Сальери».
«Крокодил». 1980. № 05. С. 13

4. Советское государство ревностно оберегало акцизные доходы, поэтому *самогонщики* были объектом постоянной критики весь позднесоветский период (56/01, 67/3); [«Крокодилу» — 60, 1983], но пик этой борьбы приходится на конец 1980-х гг., когда самогонщики и их продукт появляются даже на обложке журнала (88/03; 88/08; 88/09; 88/13; 88/14; 88/15; 88/16; 88/17; 88/22) (рис. 3). В 1988—1989 гг. появилось множество карикатур, посвященных заменителям запрещенного алкоголя: парфюмерной продукции, сердечным каплям, дрожжам с сахаром и т. п. (88/14; 88/22; 88/26; 88/34; 89/07).

Рис. 3. Г. Огородников «Водка: Дежурство сдала! Самогон: Дежурство принял!».
«Крокодил». 1988. № 09, обложка

5. *Разрешенное («умеренное») потребление* алкогольной продукции настолько естественно в советском визуальном дискурсе, что даже декларируемый отказ от алкоголя сам по себе становится поводом для сатирических изображений (81/01; 82/11).

Книга о вкусной и здоровой пище (1969) в числе необходимой посуды для сервировки стола перечисляет «графин для воды, соков или кваса — 1, графин для крепких напитков — 1, рюмки маленькие — 6, фужеры для вина — 6» [Книга о вкусной и здоровой пище, 1969: 42], подробно повествует о свойствах столовых и десертных вин. Более того, контент-анализ классического издания этого труда 1939 г. [Книга о вкусной и здоровой пище, 1939] показывает, что алкоголь упоминается в нем в общей сложности чаще, чем другие напитки, например, чай.

Опубликованное в 1983 г., между двумя пиками антиалкогольных кампаний в позднем СССР, иллюстрированное руководство «Напитки на любой вкус» на 37 страницах введения «Из чего приготавливают смешанные напитки» характеризует особенности разных жидкостей, оптимистично замечая: «Каждый год появляются новые, никому ранее не известные смешанные напитки. Нам бы хотелось надеяться, что овладев основами этой сравнительно молодой области кулинарии, Вы внесете в нее что-то свое, оригинальное» [Бабин, 1983: 5]. Понятно, что безалкогольным напиткам в общей сложности уделено только четыре страницы.

В визуальном дискурсе без алкоголя немислимы заключение брака (71/20; 77/09; 82/14) и его расторжение (77/19), чествование спортивных достижений (69/36), просто дружеские посиделки [Удис Межавилкс, 1983]; (77/21, 82/35), празднование Нового года, в том числе на рабочем месте (51/36; 60/36; 63/36; 69/36; 78/36). На сатирическом рисунке Н. Лисогорского, посвященном 8 марта, за праздничным столом сидят и выпивают именно мужчины, а виновницы торжества обслуживают застолье (63/06).

Алкоголь — регулярный спутник совещаний и заседаний (73/06; 85/18), в том числе научных (79/03), а степень готовности диссертации к защите в изюмке Геннадия Андрианова и вовсе определяется количеством закупленного шампанского [Геннадий Андрианов, 1976].

6. Относительно редкий сюжет в «Крокодиле» — *употребление алкоголя за рулем*. Чаще речь все же шла о нетрезвых водителях грузовиков (82/34); [У нас в гостях художники татарского..., 1981], но уже с конца 1950-х гг. героями карикатур становятся пьяные владельцы личного автотранспорта, особенно любим этот сюжет грузинскими карикатуристами («Место, где “Волга” сливается с Курой», [Муртаз Абашидзе, 1989; «“Нианги” смеется», 1959]).

7. Сюжетный блок «Алкоголь как валюта, или *Бутылка для водопроводчика*» — один из самых обширных в теме, и обаятельный герой фильма «Афоня» (1975 г., реж. Георгий Данелия) тому подтверждение. В размере стоимости того или иного алкоголя работникам выписывались премии («Сколько стоит бутылка портвейна?», 73/05). В советской натуральной экономике за бутылку «беленькой» покупались услуги сантехника и водопроводчика (74/16; 77/09; 80/30), грузчика (80/02; 83/27; 89/03), портного [Юмор молодых, 1964] и слесаря (78/06), сторож склада мог закрыть глаза на «расхитителя социалистической собственности» (74/32); [У нас в гостях узбекский журнал..., 1981], водитель бульдозера — уступить гусеницу (69/26), а бездарный художник — протащить свое творение через худсовет [У нас в гостях казахский журнал..., 1979].

Дороже стоили услуги мехового ателье (77/06), издательства (78/13), приемной комиссии на стройке (79/05), распределяющего треста / «распределителя дефицитов» (80/16; 80/24): здесь требовались коньяк, икра, деликатесная колбаса, французские духи и наличные. Читателям январского номера «Крокодила» 1971 г. предлагалось угадать, из каких мест прибыли «толкачи» с рисунка И. Семенова (71/02), вооруженные, среди прочего, зубровкой, бочкой вина, рижским бальзамом, армянским коньяком.

8. *Импортный алкоголь* в подчеркнуто красивых бутылках был обязательным признаком «*дольче вита*», маркирующим несоветских элементов, стилияг, папенькиных сынков, несунув, фарцовщиков и т. д. (81/13, 81/25); [Геннадий Андрианов, 1976; Евгений Шукаев, 1965] (рис. 4).

9. Весьма многочисленны сатирические изображения, посвященные *общепиту и продаже алкоголя*.

Рис. 4. И. Семенов «— И зачем ты меня, мать, на свет родила, если денег на жизнь не даешь?».
«Крокодил». 1981. № 13. С. 5

Всплеск темы отмечен в 1980-е. Карикатуры фиксируют практики повседневности, в том числе через алкогольный цикл: от покупки/продажи или домашнего производства до такой экзотической для современного читателя сюжетной линии, как сдача/прием посуды (74/32); [Без слов, 1978], выручка от которой вновь тратится на алкоголь. Это и чудовищные очереди в винные магазины в конце периода (88/11; 88/33; 88/36), и продажа алкоголя строго в определенные часы (82/20; 85/34), и жульничество официантов, делающих выручку на пьяной клиентуре (69/15; 71/27; 80/13); [У нас в гостях азербайджанский журнал..., 1979; Художники чувашского сатирического журнала..., 1985], спекуляция алкоголем водителями такси (88/17). Колоритны экзистенциальные споры вокруг пивного ларька (88/23; 91/36); [Советские карикатуристы..., 1976], объединяющего почти все социальные страты советского общества — от расстриженных попов до спортсменов, от интеллигентов до работяг (79/20; 80/05; 91/36). Сами любители пива и более крепких напитков при этом вполне симпатичны [Удис Межавилкс, 1969]; (73/03; 80/13; 88/33; 91/08), даже в «косевшем» состоянии (56/03); [Юмор молодых, 1964].

Подпись под рисунком Ю. Ганфа (26/16) гласит: «И только в изображении пьяниц художник никогда не ошибается, потому что как пьяниц не нарисуй — в любом костюме, все равно будет правдоподобно. Все пьют» [История глазами «Крокодила». XX век. Слова, 2014: 199]. Героem карикатуры Гиви Ломидзе «Изменник» стал очаровательный, но печальный дипломированный инженер, зарабатывающий на жизнь продажей пива [Гиви Ломидзе, 1986].

Традиционные распития «на троих» рядом с винным магазином или в «стоячей» рюмочной были настолько распространенной практикой, что послужили сюжетом для карикатуры на директора точки общественного питания, решившего «стилизовать кафе для постоянных посетителей» в духе излюбленного в СССР «третьего места» [Ольденбург, 2014].

10. Достаточно много сатирических рисунков и иллюстраций к фельетонам, посвященных **алкоголю и семейной жизни**. Нельзя сказать, что пьянство мужей приводит к распаду семей, — такие сюжеты редки. Гораздо чаще художники упражняются на тему семьи типичной и вполне устойчивой: пьющий, но довольно симпатичный муж («А кто не пьет?») и вечно недовольная жена, то ждущая у проходной, «иначе он пропьет получку», то запрещающая мужу видеться с друзьями, то проверяющая его «на градусы» с хрестоматийным: «А ну, дыхни!» (69/13; 73/07; 83/24; 86/34); [У нас в гостях узбекский журнал..., 1981; У нас в гостях туркменский журнал..., 1978]. Это типичный сюжет «Крокодилинок» (69/14; 80/30) (рис. 5), по сути, острое и масштабное социальное зло, низведенное до сочувственного юмора. Такое впечатление, что сатирики возлагали ответственность за ситуацию именно на женщин. В № 7 журнала за 1922 г. подпись под метафорическим зеленым змием гласит: «Эй, невеста, сестра, эй, жена, дочь

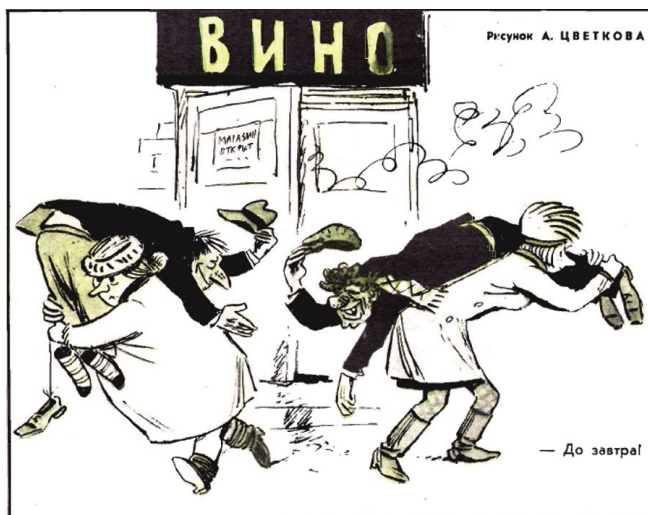

Рис. 5. А. Цветков «— До завтра!».
«Крокодил». 1969. № 14. С. 14

и мать, для себя и Советской России начинайте скорей мужиков отнимать у зеленого цепкого змия!» [История глазами «Крокодила». XX век. События, 2014: 78].

11. Важно, что сюжетная линия *алкоголических дам* в «Крокодиле» — большая редкость. Тема женского алкоголизма была жестко табуирована, хоть он был не менее серьезной проблемой, отдельные карикатуры с пьющими женщинами стали появляться только в самом конце 1980-х. Так, в карикатуре 1988 г. изображена парочка «дегустаторов» после распития «Сирени», «Ландыша» и «Тройного одеколлона», причем джентльмен обращается к своей даме с приглашением потанцевать (88/22).

Обычно в визуальном дискурсе женщины поднимают бокалы на официальных праздничных застольях, но чаще обслуживают их, и почти никогда не изображаются выпившими (на некоторую «распущенность» чаще указывает сигарета). Бытование двух устойчивых моделей потребления алкоголя — «мужской» и «женской» («по праздникам», в кругу семьи) — фиксируется Социологическим центром РАН в 1993—1994 гг. [Шурыгина, 2015: 170—174]: модальная частота алкогольного потребления у мужчин — один-два раза в неделю (38,3 %); среди женщин самая высокая доля тех, кто пьет не чаще одного раза в два месяца (40,0 %), далее следуют респондентки, выпивающие один-два раза в месяц (36,9 %).

При этом советский антиалкогольный плакат фиксировал эту проблему куда жестче. Сюжеты последствий употребления алкоголя и беременности, здоровья и качества жизни ребенка, лишения материнских прав с начала 1980-х гг. поднимаются постоянно: «Променяла», «Мама любит не меня», «Остановитесь!» 1982 года [Виртуальный музей, 2019], «Или, или» 1983 года. Подобные сюжеты в плакатной графике встречались и раньше, например, в 1930 г.: «Помни, когда ты пьешь, твоя семья голодна» [Пьянству бой, 2019].

12. Самая уязвимая категория созависимых в антиалкогольных карикатурах и плакатах — *дети и подростки*. В подборке карикатур 1920—1930-х гг. «Великие Октябрьские социалистические дети» [История глазами «Крокодила». XX век. Люди, 2014: 202—218] не менее трети изображений посвящено детям, либо употребляющим алкоголь, либо из семей с пьющими родителями. Можно проследить разные преломления этой сюжетной линии: это и «дурные компании» развязных подростков, за которыми не следят «беспечные мамы» (56/35; 74/28; 80/28; 83/27), и обычай «проставиться» с первой зарплатой (76/10; 88/06; Художники чувашского сатирического журнала..., 1985), и молодежные кафе, куда просачиваются «дети до шестнадцати» и требуют коктейли [Эвальд Пихо, 1989; Юмор молодых, 1964], и продажа алкоголя несовершеннолетним (55/21; 83/27). Родители сами подталкивают ребенка к употреблению алкоголя, например, обильными возлияниями отмечая «окончание четверти без троек» (80/02).

13. Обширна, но несколько однотипна сюжетная линия, давшая название этой статье, — *алкоголики, хулиганы и тунеядцы*. Очевидная взаимосвязь неумеренного употребления и брака на производстве, тунеядства и прогулов, а также асоциального поведения разрабатывалась художниками-карикатуристами на всем протяжении существования журнала (26/17; 27/12; 36/05; 55/20; 56/01; 56/05; 60/36; 63/11; 77/22; 79/01; 82/02; 82/11); [У нас в гостях азербайджанский журнал..., 1979; Художники чувашского сатирического журнала..., 1985; Юмор молодых, 1964]. Сюжет с липовыми бюллетенями из-за пьянства и похмелья может считаться бродячим, при этом алкоголизм как болезнь не воспринимается, таким образом, тема снижается и пародируется. Первый лечебно-трудовой профилакторий (ЛТП) открылся в 1967 г.; 1972 г. был озаглавлен постановлением № 361 «О мерах по усилению борьбы против пьянства» с лозунгом «Пьянству — бой!». В наиболее вопиющих случаях буйные потребители алкоголя оказывались в вытрезвителях или милиции [Генрих Вальк. Карикатуры, 1968]; (71/36; 74/36; 88/17; 88/30).

14. *Алкоголь как символ отдыха, отпуска и традиционного мужского досуга* — еще одна излюбленная и обширная сюжетная линия. В советской карикатуре одинаково много пьют «организованные отдыхающие» и «дикие» туристы»-походники: рыбалка и охота, посещение футбольного матча, курортный отдых на берегу моря, турпоход на природу и даже поджаривание в адском котле — нет повода не выпить для нашего человека (54/11; 56/15; 66/18; 69/20; 73/19; 75/16; 78/13; 79/05; 79/22; 80/20; 83/06; 86/28); [«Крокодилу» — 60», 1982]. «Крокодил» предлагает спасти природу от оставляющих за собой битые бутылки пьяных «свинтуристов»: «*Пора таких (они нередки) переселять из леса в клетки!*» (74/09).

15. В ряде изображений можно проследить *этническую специфику* в изображении алкоголя, например, традиционно рог с вином был маркером народов Кавказа (73/04, 76/06, 78/13) — грузин, лакцев и др. В целом журналы крокодильских «братьев» — журналов политической сатиры из традиционно мусульманских республик «Кирпи» («Ёж», Азербайджанская ССР), «Хорпуштак» («Ёж», Таджикская ССР), «Муштум» («Кулак», Узбекская ССР), «Токмак» («Колотушка», Туркменская ССР), «Чаян» («Скорпион», Татарская АССР), «Хэнэк» («Вилы», Башкирская АССР), «Ара» («Шмель», Казахская ССР), «Чалкан» («Крапива», Киргизская ССР) гораздо жестче высмеивали алкоголиков. Так, в этих журналах алкоголь подчеркивал негативную сущность персонажа, а женщины никогда не изображались пьющими алкоголь. Даже в бродячих сюжетах можно проследить национальную специфику. М. Исмаилоглы, копируя карикатуру Бориса Ефимова «Хомутоног дипломированный», добавил главному отрицательному персонажу бокал вина [У нас в гостях азербайджанский журнал..., 1979]; (79/12).

Подводя итоги, нельзя не признать, что изображение алкоголя и его потребителей чаще всего было именно юмористическим, а не сатирическим, что в целом далеко не всегда являлось характерным по отношению к другим общественным порокам, бичуемым «Крокодилом». Даже «чрезмерное употребление» в советской карикатуре подавалось как понятная человеческая слабость, характерная почти для всего взрослого мужского населения страны («хоть поутру, да на свои!»), а не как очевидная социальная проблема. Женский алкоголизм при этом вообще был табуирован даже в пространстве сатирической визуализации.

В начале 1980-х гг. потребление алкоголя на душу населения в год составляло 10,6 л, однако это только официальные данные, в которые не включались самодельные напитки и спиртосодержащие эрзацы (стеклоочистители, технический спирт и т. д.). Смертность от причин, связанных с алкоголем, составляла до 486,8 тыс. в год (по материалам 1980—2007 гг.; из них — 351,7 тыс. мужчин и 135,1 тыс. женщин), до 2 % всех смертей происходили из-за отравления алкоголем [Немцов, 2010: 67—72]. В начале 1980-х на учете в диспансерах и ЛТП состояло 2 млн алкоголиков [там же]. При этом в семейных бюджетах на алкоголь уходило и продолжает уходить до 5 % всех доходов [Мамяченков, 2011].

Масштабы социальных эффектов не менее впечатляющи: только в 1956 г. в одной Свердловской области было зарегистрировано 12497 преступлений, в том числе 6150 хулиганских проявлений, и 85 % случаев мелкого хулиганства совершались в состоянии алкогольного опьянения [там же].

Прослеживается очевидная динамика присутствия алкосюжетов в общем объеме «Крокодильских» иллюстраций, находящаяся в прямой зависимости от потребления алкоголя на душу населения, в год, в пересчете на спирт: 1960-е — 4,6 л; 1970-е — 8,45 л; начало 1980-х — 10,6 л [Немцов, 2010: 68—71]. Исключение — конец 1980-х и 1990 г., когда официальная статистика, разумеется, не учитывающая потребление домашнего/кустарного алкоголя, спиртосодержащих жидкостей и т. п., рапортовала о снижении потребления алкоголя до рекордных 3,6 л. При этом в 1987—89 гг. фиксируется очевидный всплеск алкосюжетов в визуальном дискурсе.

Очевидно, что в условиях государственной монополии на алкоголь официальная антиалкогольная карикатура не могла быть эффективна, более того, иногда она, наоборот, становилась инструментом product placement. Всё это позволяет сделать вывод, что алкоголь рассматривался советским руководством как предохранительный клапан социального недовольства, и по этой причине его критика в сатире была либо вторичной, то есть алкоголь критиковался вместе с другими, еще более антисоветскими проблемами (коррупция, инфантилизм, тунеядство и т. д.), либо формально-одобрительной, нежели реальной.

Библиографический список

- Алкоголь в социальном пространстве советского общества / [В. П. Пашин и др.]; ред. Н. В. Комардина; Минобрнауки России, ФГБОУ ВПО ЮЗГУ. Курск: ЮЗГУ, 2011. 215 с.
- Бабин И. П.* Напитки на любой вкус. М.: Экономика, 1983. 160 с.
- Без слов. Мастера советской карикатуры. Вып. 4. М.: Советский художник, 1978.
- Вацук А. С., Крушианова Л. А.* Антиалкогольная политика в СССР в годы перестройки и ее последствия в дальневосточном регионе // Россия и АТР. 2014. № 4 (86). С. 94—108.
- Виртуальный музей современной истории России // ГЦМСИР. URL: <http://vm.sovrhistory.ru/sovremennoy-istorii-rossii/> (дата обращения: 02.01.2019).
- Ворошилин С. И.* Алкогольный фактор среди причин роста самоубийств в СССР и в постсоветских государствах // Суицидология. 2012. № 2 (7). С. 24—33.
- Вся история российского алкоголизма в цифрах и фактах // Pitportal: Всё для общепита в России. URL: https://www.pitportal.ru/new_articles/8593.html (дата обращения: 16.12.2018).
- Геннадий Андрианов. Мастера советской карикатуры. Альбом. М.: Советский художник, 1976.
- Генрих Вальк. Карикатуры. Мастера советской карикатуры. Альбом. М.: Правда, 1968.
- Гиви Ломидзе. Мастера советской карикатуры. Альбом. М.: Советский художник, 1986.
- Дорошенко А. В.* Борьба с пьянством в СССР в 1970-х — первой половине 1980-х гг.: (на материалах Западной Сибири): дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2016. 219 с.
- Евгений Шукаев. Карикатуры. Мастера советской карикатуры. Альбом. М.: Издание «Крокодила», 1965.
- История глазами «Крокодила». XX век. Люди. 1922—1937 гг. М.: XX Сенчури Крокодайл, 2014. 288 с.
- История глазами «Крокодила». XX век. Слова. 1922—1937 гг. М.: XX Сенчури Крокодайл, 2014. 224 с.
- История глазами «Крокодила». XX век. События. 1922—1937 гг. М.: XX Сенчури Крокодайл, 2014. 272 с.
- Карпова Г.* «Выпьем за Родину!» Питейные практики и государственный контроль в СССР // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940—1985 / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой и П. В. Романова (Из библиотеки Журнала исследований социальной политики). М.: Вариант, ЦСПГИ, 2008. С. 337—357.
- Клинова М. А.* Современная отечественная историография потребления алкоголя жителями СССР (1940-е — конец 1980-х гг.) // Омский научный вестник. 2009. № 2 (76). С. 60—63.
- Книга о вкусной и здоровой пище / отв. ред. Е. Л. Худяков, ред. д-р биол. наук проф. Б. В. Виленкин, ред. отдела лечебного питания засл. деятель науки проф. М. И. Певзнер, ред. отдела детского питания д-р биол. наук проф. О. П. Молчанова и др. М.: Пищепромиздат, 1939. 368 с.
- Книга о вкусной и здоровой пище / гл. ред. акад. А. И. Опарин. М.: Пищевая промышленность, 1969. 448 с.
- Королева Л. А., Давыдов А. С.* О борьбе с самогоноварением на селе в СССР в конце 1950-х гг. (по материалам Пензенской области) // Успехи современной науки. 2016. № 10. Т. 7. С. 67—69.

- Коротич В. А. Застолье в застой. М.: Центрполиграф, 2018. 286 с.
«Крокодилу» — 60. У нас в гостях «Крокодил». Мастера советской карикатуры. Альбом. М.: Советский художник, 1982.
- Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое Литературное Обозрение, 2015. 488 с.
- Левинтов А. Жратва. Социально-поваренная книга. Минск: Элайда, 1997. 366 с.
- Мамяченков В. Н. Потребление алкоголя как элемент повседневной жизни населения Свердловской области в 1946—1991 годах // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 23 (238). С. 158—163.
- Муртаз Абашидзе. Мастера советской карикатуры. Альбом. М.: Советский художник, 1989.
- Немцов А. В. Алкогольная смертность в России и пути снижения алкогольных потерь // Демографические перспективы России и задачи демографической политики: материалы научно-практической конференции 6—8 апреля 2010 г. / ред.-сост. проф. Л. Л. Рыбаковский, проф. А. Е. Иванова. М.: Экон-Информ, 2010. С. 66—74.
- «Нианги» смеется. Библиотека «Крокодила». Вып. № 13. М.: Правда, 1959. 64 с.
- Окунь А., Губерман И. Книга о вкусной и здоровой жизни. М.: Эксмо, 2010. 464 с.
- Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / пер. с англ. А. Широкаковой. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 456 с.
- Пашин В. П., Богданов С. В., Богданова Ю. С. Антиалкогольная кампания 1985—1987 гг. в СССР по советским архивным документам и рассекреченным материалам ЦРУ // Вестник архивиста. 2011. № 4. С. 182—194.
- Пьянству бой: антиалкогольные советские плакаты. URL: <https://camlabs.org/11429-ryanstvu-boj-antialkoholnye-sovetskie-plakaty> (дата обращения: 02.01.2019).
- Советские карикатуристы — лауреаты международных конкурсов. Мастера советской карикатуры. Альбом. М.: Советский художник, 1976.
- У нас в гостях азербайджанский журнал политической сатиры «Кирпи». Мастера советской карикатуры. Альбом. М.: Советский художник, 1979.
- У нас в гостях казахский журнал политической сатиры «Ара» («Шмель»). Мастера советской карикатуры. Альбом. М.: Советский художник, 1979.
- У нас в гостях узбекский журнал политической сатиры «Муштум». Мастера советской карикатуры. Альбом. М.: Советский художник, 1981.
- У нас в гостях туркменский журнал политической сатиры «Токмак». Мастера советской карикатуры. Альбом. М.: Советский художник, 1978.
- У нас в гостях художники татарского сатирического журнала «Чаян» («Скорпион»). Мастера советской карикатуры. Альбом. М.: Советский художник, 1981.
- Удис Межавилкс. Карикатуры. Иллюстрации. Живопись. Шаржи. Альбом «Крокодила». Мастера советской карикатуры. М.: Правда, 1969.
- Художники чувашского сатирического журнала «Капкан». Мастера советской карикатуры. Альбом. М.: Советский художник, 1985.
- Шевцова А. А., Гринько И. А. Иконография национальных конфликтов в советской сатирической печати (1980—1991 гг.) // Конфликтология / nota bene. 2016. № 3. С. 210—218.
- Шевцова А. А., Гринько И. А. Расизм и колониализм в советской карикатуре: визуальный нарратив о своих и чужих // Конфликтология / nota bene. 2018. № 2. С. 36—53. URL: http://e-notabene.ru/knt/article_26626.html (дата обращения: 06.10.2019).
- Шурыгина И. И. Различия в потреблении алкоголя мужчинами и женщинами // Социологический журнал. 2015. № 1—2. С. 169—175.
- Эвальд Пихо. Мастера советской карикатуры. Альбом сатирических рисунков. М.: Советский художник, 1989.
- Юмор молодых. Альбом. М.: Издание «Крокодила», 1964.
- Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В. Герои и тунеядцы: иконография инвалидности в советском визуальном дискурсе // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / под общ. ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2009. С. 289—332.

References

- «Krokodilu» — 60. U nas v gostjah «Krokodil» (1982) [“Crocodile” — 60. Our guest is “Crocodile”], in: *Mastera sovjetskoj karikatury*: Al’bom, Moscow, Sovetskij hudozhnik Publ. W/p.
- «Niangi» smeetsja (1959) [“Niangi” laughs], *Biblioteka «Krokodila»*, no. 13, Moscow, Pravda, 64 p.
- Alkohol’ v social’nom prostranstve sovjetskogo obshhestva* (2011) [Alcohol in the social space of Soviet society] / V. P. Pashin and others; ed. by N. V. Komardina; Minobrnauki Rossii, FGBOU VPO JuZGU. Kursk: JuZGU, 215 p.
- Babin, I. P. (1983) *Napitki na ljuboj vkus* [Drinks for every taste], Moscow, Ekonomika.
- Bez slov (1978) *Mastera sovjetskoj karikatury* [Without words. Masters of Soviet caricature], no. 4, Moscow, Sovetskij hudozhnik.
- Doroshenko, A. V. (2016) *Bor’ba s p’janstvom v SSSR v 1970-h — pervoj polovine 1980-h gg. (na materialah Zapadnoj Sibiri)*: Dis. ... kand. ist. nauk [The fight against drunkenness in the USSR in the 1970s — the first half of the 1980s. (based on materials from Western Siberia): Diss. (Cand. Sc.)], Tyumen, 2016, 219 p.
- Evgenij Shukaev. Karikatury (1965) [Evgeny Shukaev. Cartoons], in: *Mastera sovjetskoj karikatury*: Al’bom, Moscow, Izdanie «Krokodila».
- Gennadij Andrianov (1976) [Gennady Andrianov], in: *Mastera sovjetskoj karikatury*: Al’bom, Moscow: Sovetskij hudozhnik.
- Genrih Val’k. Karikatury (1968) [Heinrich Valk], in: *Mastera sovjetskoj karikatury*: Al’bom, Moscow, Pravda, W/p.
- Givi Lomidze. Karikatury (1986) [Givi Lomidze. Cartoons], in: *Mastera sovjetskoj karikatury*: Al’bom, Moscow, Sovetskij hudozhnik.
- Hudjakov, E. L., Vilenkin, B. V., Pevzner, M. I., Molchanova, O. P. (eds) (1939) *Kniga o vkusnoj i zdorovoj pishhe* [Book about tasty and healthy food], Moscow, Pishhepromizdat, 368 p.
- Hudozhniki chuvashskogo satiricheskogo zhurnala «Kapkan» (1985) [Artists of the Chuvash satirical magazine “Kapkan”], in: *Mastera sovjetskoj karikatury*: Al’bom, Moscow, Sovetskij hudozhnik.
- Istorija glazami «Krokodila». XX vek. Ljudi. 1922—1937 gg.* (2014) [History through the eyes of “Crocodile”. XX century. People. 1922—1937], Moscow, XX Senchuri Krokodajl, 288 p.
- Istorija glazami «Krokodila». XX vek. Slova. 1922—1937 gg.* (2014) [History through the eyes of “Crocodile”. XX century. The words. 1922—1937], Moscow, XX Senchuri Krokodajl, 224 p.
- Istorija glazami «Krokodila». XX vek. Sobytiya. 1922—1937 gg.* (2014) [History through the eyes of “Crocodile”. XX century. Developments. 1922—1937], Moscow, XX Senchuri Krokodajl, 272 p.
- Jarskaja-Smirnova, E. R., Romanov, P. V. (2009) Geroi i tunejadcy: ikonografija invalidnosti v sovjetskom vizual’nom diskurse [Heroes and Parasites: Iconography of Disability in Soviet Visual Discourse], in: Jarskaja-Smirnova, E. R., Romanov, P. V. (eds), *Vizual’naja antropologija: rezhimy vidimosti pri socializme*, Moscow, Variant, CSPGI, pp. 289—332.
- Jeval’d Pihho (1989) [Ewald Pihho], in: *Mastera sovjetskoj karikatury*: Al’bom satiricheskikh risunkov, Moscow, Sovetskij hudozhnik.
- Jumor molodyh*: Al’bom (1964) [The humor of the young: Album], Moscow, Izdanie «Krokodila».
- Karpova, G. (2008) «Vyp’em za Rodinu!» Pitejnye praktiki i gosudarstvennyj kontrol’ v SSSR. [“Let’s drink to the Motherland!” Drinking practices and state control in the USSR], in: Jarskaja-Smirnova, E. R., i Romanova, P. V. (eds), *Sovetskaja social’naja politika: sceny i dejstvujushhie lica, 1940—1985: (Iz biblioteki Zhurnala issledovanij social’noj politiki)*, Moscow, Variant, CSPGI, pp. 337—357.
- Klinova, M. A. (2009) Sovremennaja otechestvennaja istoriografija potreblenija alkoholja zhiteljami SSSR (1940-e — konec 1980-h gg.) [Contemporary domestic historiography of alcohol consumption by the inhabitants of the USSR (1940s — late 1980s)], in: *Omskij nauchnyj vestnik*, no. 2 (76), pp. 60—63.
- Koroleva, L. A., Davydov, A. S. (2016) O bor’be s samogonovarenijem na sele v SSSR v konce 1950-h gg.: (Po materialam Penzenskoj oblasti) [On the fight against home brewing in

- the countryside in the USSR at the end of the 1950s.: (Based on materials from the Penza region)], in: *Uspehi sovremennoj nauki*, no. 10, vol. 7, pp. 67—69.
- Korotich, V. A. (2018) *Zastol'e v zastoj* [The feast during the Brezhnev stagnation], Moscow, Centrpoligraf, 286 p.
- Lebina, N. B. (2015) *Sovetskaja povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilju* [Soviet everyday life: norms and anomalies. From military communism to the «big style»], Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie, 488 p.
- Levintov, A. (1997) *Zhratva: Social'no-povarennaja kniga* [Food: Social cookbook], Minsk: Jelajda, 366 p.
- Mamjachenkov, V. N. (2011) Potreblenie alkoholja kak jelement povsednevnoj zhizni naselenija Sverdlovskoj oblasti v 1946—1991 godah [Alcohol consumption as an element of everyday life of the population of the Sverdlovsk region in 1946—1991], in: *Vestnik Cheljabinskogo universiteta*, no. 23 (238), pp. 158—163.
- Murtaz Abashidze. (1989) [Murtaz Abashidze], in: *Mastera sovetskoj karikatury: Al'bom*, Moscow, Sovetskij hudozhnik.
- Nemcov, A. V. (2010) Alkohol'naja smertnost' v Rossii i puti snizhenija alkohol'nyh poter' [Alcohol mortality in Russia and ways to reduce alcohol losses], in: Rybakovskij, L. L., Ivanova, A. E. (eds), *Demograficheskie perspektivy Rossii i zadachi demograficheskoj politiki: Materialy nauchno-prakticheskoj konferencii 6—8 aprelja 2010 g.*, Moscow, Jekon-Inform, pp. 66—74.
- Okun, A., Guberman, I. (2010) *Kniga o vkusnoj i zdorovoj zhizni* [The book about tasty and healthy life], Moscow, Èksmo, 2010. 464 p.
- Oldenburg R. (2014) *Tret'e mesto: kafe, kofejni, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta «tususovok» kak fundament soobshhestva* [Third place: cafes, coffee shops, bookstores, bars, beauty salons and other places of “hangouts” as the foundation of the community], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 456 p.
- Oparin, A. I. (ed.) (1969) *Kniga o vkusnoj i zdorovoj pishhe* [Book about tasty and healthy food], Moscow, Pishhevaja promyshlennost', 1969, 448 p.
- P'janstvu boj: antialkogol'nye sovetskie plakaty* [Drunkness battle: anti-alcohol Soviet posters], available from <https://cameralabs.org/11429-pyanstvu-boj-antialkogolnye-sovetskie-plakaty> (accessed: 02.01.2019)
- Pashin, V. P., Bogdanov, S. V., Bogdanova, Ju.S. (2011) Antialkohol'naja kampanija 1985—1987 gg. v SSSR po sovetskim arhivnym dokumentam i rassekrechennym materialam CRU [Anti-alcohol campaign 1985—1987 in the USSR according to Soviet archival documents and declassified materials of the CIA], in: *Vestnik arhivista*, no. 4, pp. 182—194.
- Shevcova, A. A., Grin'ko, I. A. (2016) Ikonografija nacional'nyh konfliktov v sovetskoj satiricheskoj pečati (1980—1991 gg.) [Iconography of national conflicts in the Soviet satirical press (1980—1991)], in: *Konfliktologija / nota bene*, no. 3, pp. 210—218.
- Shevcova, A. A., Grin'ko, I. A. (2018) Rasizm i kolonializm v sovetskoj karikature: vizual'nyj narrativ o svoih i chuzhij [Racism and colonialism in Soviet caricature: a visual narrative about friends and foes], in: *Konfliktologija / nota bene*, no. 2, pp. 36—53. available from http://e-notabene.ru/knt/article_26626.html (accessed: 06.11.2019).
- Shurygina, I. I. (2015) Razlichija v potreblenii alkoholja muzhchinami i zhenshinami [Differences in alcohol consumption by men and women], in: *Sociologičeskij zhurnal*, no. 1—2, pp. 169—175.
- Sovetskie karikaturisty — laureaty mezhdunarodnyh konkursov (1976) [Soviet cartoonists — laureates of international competitions], in: *Mastera sovetskoj karikatury: Al'bom*, Moscow, Sovetskij hudozhnik.
- U nas v gostjah azerbajdzhanskij zhurnal političeskoj satiry «Kirpi» (1979) [Our guest is the Azerbaijani journal of political satire “Kirpi”], in: *Mastera sovetskoj karikatury: Al'bom*, Moscow, Sovetskij hudozhnik.
- U nas v gostjah hudozhniki tatarskogo satiričeskogo zhurnala «Chajan» («Skorpion») (1981) [Our guests are the artists of the Tatar satirical magazine “Chayan” (“Scorpio”)], in: *Mastera sovetskoj karikatury: Al'bom*, Moscow, Sovetskij hudozhnik.
- U nas v gostjah kazahskij zhurnal političeskoj satiry «Ara» («Shmel'») (1979) [Our guest is the Kazakh magazine of political satire “Ara” (“Bumblebee”)], in: *Mastera sovetskoj karikatury: Al'bom*, Moscow, Sovetskij hudozhnik.

- U nas v gostjah turkmenskij zhurnal politicheskoy satiry «Tokmak» (1978) [Our guest is the Turkmen magazine of political satire “Tokmak”], in: *Mastera sovetskoj karikatury: Al'bom*, Moscow, Sovetskij hudozhnik.
- U nas v gostjah uzbekskij zhurnal politicheskoy satiry «Mushtum» (1981) [Our guest is the Uzbek magazine of political satire “Mushtum”], in: *Mastera sovetskoj karikatury: Al'bom*, Moscow, Sovetskij hudozhnik.
- Udis Mezhavilks. Karikatury. Illjustracii. Zhivopis'. Sharzhi (1969) [Udis Mezhavilks. Cartoons. Illustrations. Paintings. Grotesque], in: *Mastera sovetskoj karikatury: Al'bom «Krokodila»*, Moscow, Pravda.
- Vashhuk, A. S., Krushanova, L. A. (2014) Antialkolog'naja politika v SSSR v gody perestrojki i ee posledstvija v dal'nevostochnom regione [Anti-alcohol policy in the USSR during the years of «perestroika» and its consequences in the Far East region], in: *Rossija i ATR*, no. 4 (86), pp. 94—108.
- Virtual'nyj muzej sovremennoj istorii Rossii [Virtual Museum of Contemporary History of Russia], in: *GCMSIR (State Center for Contemporary Art)*, available from <http://vm.sovrhistory.ru/sovremennoj-istorii-rossii/> (accessed: 02.01.2019).
- Voroshilin, S. I. (2012) Alkolog'nyj faktor sredi pricin rosta samoubijstv v SSSR i v postsovetstkih gosudarstvah [Alcohol factor among the reasons for the growth of suicides in the USSR and in the post-Soviet states], in: *Suicidologija*, no 2 (7), pp. 24—33.
- Vsja istorija rossijskogo alkogolizma v cifrah i faktah (2018) [The whole history of Russian alcoholism in figures and facts], in: *Pitportal: Vsjo dlja obshhepita v Rossii*, available from https://www.pitportal.ru/new_articles/8593.html (accessed: 16.12.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Екатерина Вячеславовна Кондакова — магистр 1 курса факультета истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: ekondakova@eu.spb.ru

Владимир Александрович Лобач — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и туризма, Полоцкий государственный университет, Полоцк, Беларусь. E-mail: nordic972@gmail.com

Елена Вячеславовна Сумко — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и туризма, Полоцкий государственный университет, Полоцк, Беларусь. E-mail: sumko_elena@mail.ru

Андрей Николаевич Кабацков — кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия. E-mail: afsnik@gmail.com

Олег Леонидович Лейбович — доктор исторических наук, профессор, Пермский государственный институт культуры, заведующий кафедрой культурологии и философии, Пермь, Россия. E-mail: oleg.leibov@gmail.com

Александр Дмитриевич Боронников — кандидат философских наук, доцент, независимый исследователь, Пермь, Россия. E-mail: aldibor@mail.ru

Олег Владиславович Лысенко — кандидат социологических наук, доцент, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, проректор по внеучебной и социальной работе, Пермь, Россия. E-mail: lysenko_ov@pspu.ru

Михаил Юрьевич Тимофеев — доктор философских наук, профессор кафедры философии, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия. E-mail: timofeev.01@gmail.com

Иван Александрович Гринько — кандидат исторических наук, начальник Управления музейно-туристского развития ГАУК «МОСГОРТУР»; докторант Института этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия. E-mail: iagrinko@yandex.ru

Анна Александровна Шевцова — доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии Московского педагогического государственного университета, Москва, Россия. E-mail: ash@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina Kondakova — M. A. student of History Department at European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia. E-mail: ekondakova@eu.spb.ru

Vladimir Lobach — Professor of the Department of History and Tourism, Polotsk State University, Polotsk, Belarus. E-mail: nordic972@gmail.com

Elena Sumko — Associate Professor of the Department of History and Tourism, Polotsk State University, Polotsk, Belarus. E-mail: sumko_elena@mail.ru

Andrey Kabatskov — Associate Professor Department of Journalism and Mass Communication, Perm State National Research University, Perm, Russia. E-mail: afsnik@gmail.com

Oleg Leibovich — Professor, Head of the Department of Culturology and Philosophy, Perm State Institute of Culture, Perm, Russia. E-mail: oleg.leibov@gmail.com

Alexander Boronnikov — Independent Scientist, Perm, Russia. E-mail: aldibor@mail.ru

Oleg Lysenko — Vice-Rector for Extracurricular and Social Work, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia. E-mail: lysenko_ov@pspu.ru

Mikhail Timofeev — Professor of the Department of Philosophy, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia. E-mail: timofeev.01@gmail.com

Ivan Grinko — Head of the Department for Museum and Tourism Development (“MOSGORTUR”); Doctoral student of the Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences), Moscow, Russia. E-mail: iagrinko@yandex.ru

Anna Shevtsova — Professor of the Department of Culturology, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia. E-mail: ash@inbox.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

---

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу <https://labyrinth.ivanovo.ac.ru>.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся фамилия, инициалы автора, название статьи, текст, библиографический список). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие:

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см.: <http://www.langust.ru/etc/translit.shtml>;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Библиографический список к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Библиографический список») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

LABYRINTH
Теории и практики культуры
Научный журнал
№ 2 — 2020

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Корректоры *Ю. Ю. Смирнова, А. Д. Павлова, Е. Е. Андреенова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*
Дизайн обложки *А. Евлоевой*

*В оформлении обложки использованы образцы тканей
из коллекции Музея ивановского ситца*

Дата выхода в свет 15.12.2020 г.
Формат 70×108 1/16. Уч.-изд. л. 8,5.

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru